

Изданіе третье.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФОНТЛЕРОЙ.

Франциски Бёрнетъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО **С. Долгова.**

Съ рисунками Реджинальда Бёрча.

Повѣсть для дѣтей старшаго возраста.

Уч. К. М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки средне-учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.

МОСКВА.— 1904.

Дозволено цензурою. Москва, 24 января 1904 года.

Отъ переводчика.

Хотя предлагаемая повѣсть и носитъ заглавіе: „*Маленькій* лордъ Фонтлерой“, но слово *маленькій* не должно служить здѣсь указаніемъ на то, что книга назначена для дѣтей младшаго возраста. Героемъ ея, дѣйствительно, является мальчикъ семи-восьми лѣтъ, но вполнѣ понять замѣчательный характеръ этого ребенка и разгадать причину его чудеснаго вліянія на окружающихъ можетъ только болѣе взрослый умъ, способный постигать болѣе тонкія внутреннія явленія человѣческой жизни, а также оцѣнить характеры описываемыхъ личностей и тотъ юморъ, съ какимъ авторъ изображаетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ своей повѣсти. Въ виду этого мы и отнесли настоящую книгу къ разряду повѣстей для дѣтей *старшаго* возраста. По нѣкоторымъ чертамъ своимъ талантъ г-жи Бёрнетъ, завоевавшей себѣ лестную репутацію въ Америкѣ, напоминаетъ Диккенса, который героями своихъ крупнѣйшихъ и лучшихъ романовъ бралъ тоже дѣтей или подростковъ. Но мы по опыту знаемъ, что отъ этого романы его нисколько не теряютъ интереса и для насъ, взрослыхъ, а, напротивъ, пріобрѣтаютъ еще особую прелесть.

Вполнѣ соотвѣтствующимъ девизомъ къ настоящей повѣсти могли бы служить слѣдующія слова Генри Друммонда:

„Люди, имѣющіе на насъ вліяніе, это—тѣ, кто намъ вѣритъ, кто *не мыслитъ зла,* не предполагаетъ дурного, не принимаетъ его въ расчетъ. Такая душа всегда ожидаетъ отъ другихъ наилучшаго, смотритъ на все съ хорошей стороны... Довѣріе, это — спасеніе. Пытаясь вліять на людей или воспитывать ихъ, мы замѣчаемъ, что успѣшность нашихъ усилій прямо пропорціональна степени увѣренности

этихъ людей въ нашемъ довѣріи къ нимъ. Уваженіе со стороны другихъ составляетъ первое условіе возстановленія утраченнаго человѣкомъ уваженія къ самому себѣ. Наше идеальное представленіе о немъ дѣлается для него предметомъ надежды и образцомъ того, чѣмъ онъ можетъ быть".

Въ этихъ словахъ заключается разгадка непостижимаго на первый взглядъ вліянія, оказаннаго семилѣтнимъ ребенкомъ на своего дѣда, гордаго и себялюбиваго англійскаго графа.

Благое воспитательное значеніе этой книги не подлежитъ сомнѣнію, а добродушный и часто очень мѣткій юморъ, съ какимъ авторъ относится къ изображаемымъ имъ сценамъ, сообщаетъ имъ столько живости и прочувствованной жизненной правды, что разсказъ съ удовольствіемъ прочтется и взрослыми.

С. Долговъ.

Москва, ноябрь 1892 г.

Маленькій лордъ Фонтлерой.

I.

Кедрикъ самъ ничего не зналъ о своемъ прошломъ.

Отъ матери онъ слышалъ, что его папа былъ англичанинъ, но умеръ, когда Кедрикъ былъ еще такимъ маленькимъ мальчикомъ, что не могъ многаго помнить объ отцѣ, развѣ что онъ былъ большого роста, голубоглазъ и съ длинными усами, и что чрезвычайно пріятно было кататься по комнатѣ, сидя у него на плечѣ. Со времени смерти отца Кедрикъ понялъ, что лучше всего было не говорить о немъ съ матерью. Во время его болѣзни Кедрика перевели въ другой домъ, а когда онъ вернулся, все было уже кончено, и мать его, которая также была нездорова, только что начинала сидѣть въ креслѣ у окна. Она была блѣдна и худа; всѣ ямочки исчезли съ ея красиваго лица, и глаза ея смотрѣли широко и печально; одѣта она была въ черное.

— Милочка, — сказалъ Кедрикъ (такъ звалъ ее всегда отецъ, отъ него научился и мальчикъ), — Милочка, папѣ лучше?

Почувствовавъ, что ея руки задрожали, онъ обернулся къ ней своей кудрявой головкой, стараясь заглянуть ей прямо въ лицо. Тамъ было что-то, за-

ставившее его почувствовать, что онъ самъ сейчасъ заплачетъ.

— Милочка, онъ здоровъ?

И въ ту же минуту его маленькое любящее сердечко подсказало ему обвить ручонками шею своей мамы, расцѣловать ее и крѣпко прижаться щечкой къ ея лицу. Онъ такъ и сдѣлалъ, и мама, опустивъ голову на плечо сына, горько заплакала, такъ крѣпко сжимая его въ своихъ объятіяхъ, какъ будто совсѣмъ не хотѣла отпустить его отъ себя.

— Да, ему хорошо,—сказала она сквозь слезы,— ему совсѣмъ, совсѣмъ хорошо, зато мы — мы остались только вдвоемъ. Больше у насъ нѣтъ никого.

Тогда онъ, какъ ни былъ малъ, понялъ, что этотъ большой, красивый, молодой папа никогда не вернется, что онъ умеръ, какъ, онъ слышалъ, умирали другіе люди, хотя и не въ состояніи былъ объяснить себѣ, отчего могло произойти все это горе. Мать его всегда начинала плакать, когда онъ заговаривалъ объ отцѣ; поэтому онъ рѣшилъ въ своемъ дѣтскомъ умѣ порѣже говорить о немъ съ матерью, и также сообразилъ, что лучше не давать ей сидѣть молча и неподвижно смотрѣть въ огонь или въ окно. И мать и сынъ имѣли весьма ограниченный кругъ знакомыхъ и жили, какъ говорится, уединенною жизнью, хотя Кедрикъ и не зналъ этого, пока не подросъ и не услыхалъ, почему никто не посѣщалъ ихъ. Тогда ему сказали, что мать его была сирота и совсѣмъ одинока, когда его отецъ женился на ней. Она была очень хороша собою и жила компаньонкой у богатой старой дамы, дурно съ ней обходившейся;

здѣсь-то капитанъ Кедрикъ Эрроль, посѣтившій старуху, увидалъ дѣвушку, когда та поднималась по лѣстницѣ съ заплаканными глазами: она показалась капитану такою милою, невинно страждущею, что онъ не могъ забыть ея. Затѣмъ что-то произошло, молодые люди познакомились ближе и полюбили другъ друга и, наконецъ, обвѣнчались, хотя этотъ бракъ навлекъ на нихъ неудовольствіе нѣкоторыхъ особъ. Больше же всѣхъ разгнѣванъ былъ отецъ капитана, жившій въ Англіи. Это былъ старый, очень богатый и знатный вельможа, съ весьма дурнымъ нравомъ и сильнѣйшимъ отвращеніемъ къ Америкѣ и американцамъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей, старшихъ Кедрика, и, по закону, старшему изъ трехъ сыновей должны были перейти въ наслѣдство какъ семейный титулъ, такъ и роскошные дома и богатыя помѣстья; если бы умеръ старшій, наслѣдство досталось бы слѣдующему сыну. Такимъ образомъ, для капитана Кедрика, хотя принадлежавшаго къ такой важной семьѣ, было мало вѣроятностей стать когда-либо богатымъ человѣкомъ.

Но вышло такъ, что природа одарила младшаго сына не въ примѣръ его старшихъ братьевъ. Онъ былъ красивъ лицомъ, силенъ и строенъ тѣломъ; улыбка его была привѣтлива, рѣчь мягкая, веселая; онъ отличался благородствомъ и храбростью, имѣлъ предоброе сердце и способность заставлять всѣхъ любить себя. Совсѣмъ противоположными качествами отличались его старшіе братья; ни одинъ изъ нихъ не вышелъ ни наружностью, ни умомъ, ни нравомъ. Ихъ недолюбливали еще мальчиками; когда они учились въ школѣ, то объ ученьѣ совсѣмъ не заботи-

лись, тратили только время и деньги и пріобрѣтали мало истинныхъ друзей. Старый графъ, ихъ отецъ, испытывалъ, благодаря имъ, много горя и униженія; наслѣдникъ его былъ безчестьемъ для его благороднаго имени и въ будущемъ не обѣщалъ ничего хорошаго, оставаясь себялюбивымъ, расточительнымъ, пустымъ человѣкомъ, безъ всякихъ хорошихъ или благородныхъ наклонностей. Горько было сознавать старому графу, что только третій сынъ его, которому должно достаться лишь очень небольшое состояніе, обладалъ всѣми привлекательными чертами, силою и красотой. По временамъ онъ ненавидѣлъ красиваго молодого человѣка за то, что тотъ, повидимому, имѣлъ какъ разъ всѣ достоинства, соотвѣтствующія высокому общественному и имущественному положенію будущаго графа Доринкура. Несмотря на то, въ глубинѣ своего гордаго, упрямаго старческаго сердца онъ не могъ не питать заботъ о своемъ младшемъ сынѣ. Въ одинъ изъ припадковъ своей блажи онъ послалъ его путешествовать въ Америку; онъ думалъ удалить его на время, чтобы не раздражаться постояннымъ невыгоднымъ сравненіемъ съ нимъ его братьевъ, сильно заботившихъ въ это время отца своими дикими выходками.

Но черезъ полгода онъ сталъ чувствовать свое одиночество и, втайнѣ желая увидать опять сына, написалъ ему письмо съ приказаніемъ вернуться домой. Письмо его разошлось дорогой съ письмомъ капитана, только что посланнымъ имъ отцу съ извѣщеніемъ о своей любви къ красивой американской дѣвушкѣ, на которой онъ намѣренъ былъ жениться. Получивъ это письмо, графъ пришелъ въ совершен-

ную ярость. Какъ ни крутъ былъ его нравъ, но онъ никогда не выходилъ изъ себя до такой степени, какъ прочтя посланіе капитана. Лакей, находившійся при графѣ въ эту минуту, думалъ, что съ нимъ сдѣлается ударъ — такъ онъ былъ взбѣшенъ. Въ теченіе часа старикъ бушевалъ, какъ разъяренный звѣрь; затѣмъ сѣлъ и написалъ сыну приказаніе никогда не приближаться къ его дому, никогда больше не писать ни отцу ни братьямъ. Онъ говорилъ, что пусть сынъ живетъ, какъ ему угодно, и умираетъ, гдѣ хочетъ, что онъ отлучаетъ его навсегда отъ своей семьи, и чтобы тотъ никогда не ждалъ отъ отца какой бы то ни было помощи.

Капитанъ былъ сильно опечаленъ этимъ письмомъ. Онъ очень любилъ Англію, былъ горячо привязанъ къ дому, въ которомъ родился; онъ любилъ даже своего сварливаго старика-отца, раздѣлялъ его скорби и разочарованія; но онъ зналъ, что ему нечего разсчитывать на то, что отецъ когда-нибудь смягчится. Сначала онъ почти недоумѣвалъ, что ему дѣлать; онъ не былъ воспитанъ для трудовой жизни, не имѣлъ никакой опытности въ дѣлахъ, зато обладалъ мужественнымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Онъ продалъ свое мѣсто въ англійской арміи, и, найдя себѣ, послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ, мѣсто въ Нью-Йоркѣ, женился. Переходъ отъ той жизни, къ которой онъ привыкъ въ Англіи, былъ очень значительный, но онъ былъ молодъ и счастливъ и надѣялся настойчивымъ трудомъ со временемъ значительно улучшить свое положеніе. Онъ купилъ себѣ небольшой домикъ на одной изъ отдаленныхъ улицъ города. Въ этомъ домѣ у него родился мальчикъ, и

тихая семейная жизнь стала такъ улыбаться ему, что онъ ни на минуту не раскаявался въ своей женитьбѣ на хорошенькой компаньонкѣ богатой старой дамы. Онъ не ошибся въ выборѣ своей подруги жизни, оказавшейся на самомъ дѣлѣ чрезвычайно милымъ, кроткимъ и любящимъ существомъ. Рожденіе сына еще болѣе возвысило ихъ счастіе. Мальчикъ былъ очень похожъ на отца и мать; несмотря на скромную обстановку, среди которой ему пришлось расти, казалось, не было ребенка счастливѣе маленькаго Кедрика. Во-первыхъ, онъ былъ всегда здоровъ и потому никогда никого не обременялъ; во-вторыхъ, отличался такимъ мягкимъ нравомъ и такъ прекрасно велъ себя, что каждый только радовался на него; въ-третьихъ, онъ былъ очень красивъ собою. Не въ примѣръ большинству дѣтей онъ появился на свѣтъ съ густыми, мягкими, золотистыми кудрями, уже спускавшимися широкими кольцами, когда ребенку было какихъ-нибудь полгода; особенную симпатичность его и безъ того хорошенькому личику придавало умное выраженіе его большихъ карихъ глазъ, оттѣненныхъ длинными, пушистыми рѣсницами. Такая привлекательная внѣшность и всегда кроткій нравъ очень скоро располагали къ нему всякаго, кто заговаривалъ съ нимъ, когда онъ катался по улицѣ въ своей маленькой колясочкѣ, и, бросивъ на незнакомца ласковый и вмѣстѣ серьезный взглядъ, вслѣдъ за тѣмъ привѣтливо ему улыбался. Благодаря этому, не было по сосѣдству человѣка, который бы не находилъ удовольствія видѣть его и говорить съ нимъ—даже лавочникъ, торговавшій на углу улицы, гдѣ стоялъ домъ мальчика, и считавшійся самымъ суровымъ человѣкомъ

на свѣтѣ, и тотъ не составлялъ исключенія въ этомъ случаѣ.

Когда онъ подросъ настолько, что могъ, одѣтый въ бѣлую шотландскую юбочку и широкую бѣлую шляпу, запрокинутую назадъ на его золотистожелтые кудри, выходить съ няней, таща за собою маленькую тележку, его красивый, свѣжій и здоровый видъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе каждаго встрѣчнаго. Возвратившись съ прогулки, няня его часто разсказывала матери, какъ совершенно незнакомыя дамы останавливали свои экипажи, желая посмотрѣть на мальчика и поговорить съ нимъ, и какъ онѣ были довольны, когда онъ съ ними разговаривалъ по-своему, по-дѣтски, какъ будто давно зналъ ихъ. Всего привлекательнѣе было въ немъ умѣнье быстро пріобрѣтать себѣ друзей. Вѣроятно, это происходило отъ его довѣрчивой натуры и доброты сердца, сочувствовавшаго всякому и хотѣвшаго, чтобы всѣмъ было такъ же пріятно и легко на душѣ, какъ и ему самому. Отъ этого ему удавалось быстро понимать чувства окружавшихъ его. Можетъ-быть, такое завидное качество развилось въ немъ оттого, что онъ такъ много находился въ обществѣ отца и матери, относившихся другъ къ другу всегда съ любовью и предупредительной вѣжливостью. Дома онъ никогда не слыхалъ недобраго или неласковаго слова; онъ былъ всегда любимъ, видѣлъ только привѣтъ и нѣжную ласку, такъ что дѣтская душа его была полна доброты и невиннаго теплаго чувства. Онъ всегда слышалъ, какъ его мать называли ласковыми, нѣжными именами, и онъ самъ привыкъ такъ же обращаться къ ней; будучи изо дня въ день сви-

дѣтелемъ предупредительнаго отношенія къ ней отца, ему легко было научиться и самому заботиться о ней.

Такимъ образомъ, когда онъ узналъ, что его отецъ болѣе не вернется, и увидалъ горесть матери, его доброе сердечко постепенно прониклось мыслію, что ему слѣдуетъ дѣлать все для него возможное, чтобы утѣшить ее. Какъ ни малъ онъ былъ, эта мысль не покидала его никогда — сидѣлъ ли онъ у нея на колѣняхъ и цѣловалъ ее, прижавшись къ ней своей кудрявой головкой, показывалъ ли ей свои игрушки и книжки съ картинками, или просто помѣщался рядомъ съ нею, когда она лежала на диванѣ. Въ его возрастѣ онъ еще не могъ придумать ничего другого, но дѣлалъ, что было въ его силахъ, и тѣмъ утѣшалъ ее болѣе, нежели могъ себѣ представить.

— О Мэри, — слышалъ онъ разъ слова матери своей старой служанкѣ, — я увѣрена, что онъ посвоему всячески старается помочь мнѣ. Иногда онъ смотритъ на меня такимъ нѣжнымъ, испытующимъ взглядомъ, какъ будто раздѣляетъ мое горе, и потомъ приходитъ ласкаться ко мнѣ или старается что-нибудь показать мнѣ. Онъ этимъ такъ напоминаетъ порою взрослаго человѣка, что я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, что ему все извѣстно.

Когда онъ сталъ постарше, у него начали проявляться такія симпатичныя черты дѣтскаго простодушія и понятливости, что служили прямою забавою не только матери, но и всякаго. Мать же была такъ довольна его обществомъ, что почти не искала другого. Они обыкновенно вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ

разговаривали и играли. Научившись читать еще очень маленькимъ, онъ имѣлъ обыкновеніе лежать, по вечерамъ, на коврѣ передъ каминомъ и читать вслухъ—иногда какіе-нибудь мелкіе разсказы, а то и толстыя книги, которыя читаютъ взрослые, и случалось даже—газеты; при этомъ служанка Мэри, сидя въ кухнѣ, часто слышала веселый смѣхъ м-ссъ Эрроль, вызванный забавными разсужденіями ребенка.

— Право, — разсказывала Мэри лавочнику, — нельзя удержаться отъ смѣха, когда онъ начнетъ толковать по-своему! Приходитъ онъ какъ-то ко мнѣ въ кухню — вотъ когда выбрали новаго президента — сталъ передъ плитой, а на самого любо посмотрѣть, засунулъ ручки въ карманы и, съ важнымъ видомъ, какъ у судьи, говоритъ мнѣ: «Мэри, — говоритъ, — я очень интересуюсь выборами, — говоритъ. — Я республиканецъ и Милочка тоже. Ты республиканка, Мэри?» — «Жаль мнѣ, а должна вамъ сказать, — говорю я, — я самая настоящая демократка!» — А онъ смотритъ на меня такими глазами, точно хочетъ насквозь видѣть, и говоритъ: — «Мэри, — говоритъ, — плохо придется всему государству».—И съ тѣхъ поръ дня не было, чтобы онъ не заговаривалъ со мной о политикѣ.

Мэри его очень любила и гордилась имъ. Она находилась при его матери съ самаго ея рожденія и послѣ смерти его отца осталась у ней единственной прислугой, и кухаркой, и нянькой въ то же время. Она гордилась красотой и стройностью его фигуры и его прекраснымъ нравомъ и въ особенности любовалась свѣтлыми курчавыми волосами, обрамлявшими его лобъ и спускавшимися прелестными кудрями на

его плечи. Она отъ души работала съ утра и до вечера, стараясь помочь матери въ шитьѣ и починкѣ его бѣлья и платья.

— Настоящій аристократъ, право, — говаривала она. — Посмотрѣла бы я, кто бы сравнялся съ нимъ изъ тѣхъ ребятъ, что катаются по Пятой Аллеѣ [1]). И всякъ, и старъ, и младъ, смотрятъ на него, когда онъ ходитъ въ своей бархатной курткѣ, сшитой изъ стараго матернинаго платья, поднявши головенку съ развѣвающимися золотыми кудрями. Ни дать ни взять — молодой лордъ.

Кедрикъ не зналъ, что похожъ былъ на молодого лорда; онъ не зналъ даже, что такое лордъ. Его лучшимъ другомъ былъ содержатель ближайшей овощной лавочки — человѣкъ крутой, который съ нимъ, однако, всегда обходился мягко. Его звали мистеръ Хоббсъ, и Кедрикъ очень уважалъ и любилъ его. Онъ считалъ его очень богатой и вліятельной персоной; вѣдь столько у него было разныхъ вещей въ лавкѣ — и сливы, и фиги, и апельсины, и бисквиты, да, кромѣ того, этотъ богачъ имѣлъ лошадь и телѣгу. Кедрикъ любилъ и поставщика молока, и булочника, и торговку яблоками, но больше всѣхъ — м-ра Хоббса; онъ былъ съ нимъ на такой короткой ногѣ, что каждый день приходилъ къ нему и часто подолгу сидѣлъ у него въ лавкѣ, разсуждая о разныхъ текущихъ вопросахъ. Нужно было дивиться, о чемъ только они не толковали — о четвертомъ іюля [2]), напримѣръ. Когда они начинали

[1]) Пятая Аллея — мѣсто аристократическихъ прогулокъ въ Нью-Йоркѣ.

[2]) Національный праздникъ, годовщина освобожденія Штатовъ изъ-подъ подданства Англіи.

говорить объ этомъ днѣ, то разговору ихъ, кажется, и конца не было. М-ръ Хоббсъ былъ очень дурного мнѣнія насчетъ «британцевъ» и пересказывалъ всю исторію войны за освобожденіе, сообщая самые удивительные и патріотическіе разсказы о коварствѣ врага и геройской храбрости защитниковъ отечества, и даже великодушно повторялъ выдержки изъ декларацiи о независимости. Кедрикъ приходилъ въ такой восторгъ, что у него разгорались глаза, краснѣли щеки, и кудри его отъ волненія сбивались въ какую-то золотистую кучу. Вернувшись домой, онъ не зналъ, какъ ему поскорѣе окончить обѣдъ, чтобы успѣть разсказать матери слышанное имъ отъ своего стараго друга. Вѣроятно, м-ръ Хоббсъ и посѣялъ въ немъ первый интересъ къ политикѣ. Этотъ патріотъ-лавочникъ былъ большой любитель читать газеты; благодаря этому обстоятельству, Кедрикъ слышалъ отъ него многое о происходившемъ въ Вашингтонѣ [1]); и м-ръ Хоббсъ обыкновенно сообщалъ ему, что президентъ дѣлалъ хорошаго или дурного. Однажды, во время выборовъ, интересъ нашихъ политиковъ къ государственнымъ дѣламъ своего отечества дошелъ до высшихъ предѣловъ, и, чего добраго, не будь м-ра Хоббса и Кедрика, кто знаетъ, какая участь постигла бы республику. М-ръ Хоббсъ взялъ его съ собою и показалъ ему факельное шествіе. Великое множество людей, несшихъ факелы, оставило въ немъ воспоминаніе о какомъ-то крупномъ мужчинѣ, который стоялъ у фонарнаго столба и держалъ на плечахъ хорошенькаго маленькаго мальчика, кричавшаго «ура» и махавшаго своей шляпой.

---

[1]) Политическая столица Соединенныхъ Штатовъ.

Вскорѣ послѣ этихъ выборовъ, когда Кедрику пошелъ восьмой годъ, случилось событіе, произведшее рѣзкую перемѣну въ его жизни. Замѣчательно было то, что въ день этого событія онъ толковалъ съ м-ромъ Хоббсомъ объ Англіи и королевѣ, и м-ръ Хоббсъ сказалъ нѣсколько весьма жестокихъ словъ насчетъ англійской аристократіи, особенно негодуя на тамошнихъ графовъ и маркизовъ. Горячее это было утро; Кедрикъ, поигравъ съ нѣсколькими друзьями въ солдаты, отправился въ лавку отдохнуть и засталъ м-ра Хоббса, сидѣвшаго съ весьма раздраженнымъ, даже свирѣпымъ видомъ надъ лондонской иллюстрированной газетой, картинка которой изображала какую-то придворную церемонію.

— А, — сказалъ онъ, — вотъ какъ они поживаютъ.

Кедрикъ взобрался по обыкновенію на высокій стулъ, сдвинулъ на затылокъ свою шляпу и засунулъ руки въ карманы, какъ бы готовясь сочувственно внимать словоизверженіямъ м-ра Хоббса.

— Вы много маркизовъ знавали, мистеръ Хоббсъ?— освѣдомился Кедрикъ, — или графовъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ м-ръ Хоббсъ съ негодованіемъ; — врядъ ли.

И, довольный своимъ выраженіемъ, онъ гордо осмотрѣлся кругомъ и потеръ себѣ лобъ.

— Можетъ-быть, они не были бы графами, если бы знали что-нибудь лучшее,— сказалъ Кедрикъ, чувствуя нѣкоторое состраданіе къ ихъ несчастному положенію.

— Ну, наврядъ ли! — сказалъ м-ръ Хоббсъ. — Они, напротивъ, гордятся этимъ!

Какъ разъ въ срединѣ ихъ разговора явилась служанка Мэри. Кедрикъ подумалъ, что, можетъ-быть, она пришла купить сахару, но онъ ошибся. Мэри была блѣдна и какъ будто чѣмъ-то взволнована.

«...Итакъ, это маленькій лордъ Фонтлерой...»

— Пойдемте домой, голубчикъ, — сказала она, — барыня васъ спрашиваетъ.

Кедрикъ спрыгнулъ со стула.

— Она хочетъ со мной куда-нибудь итти, Мэри?— спросилъ онъ. — До свиданія, мистеръ Хоббсъ. Мы еще увидимся.

Онъ не понималъ, почему Мэри смотрѣла на него такимъ удивленнымъ взглядомъ и какъ-то странно покачивала головою.

— Что съ тобой, Мэри? — спросилъ онъ. — Или это отъ жаркой погоды?

— Нѣтъ, — отвѣчала Мэри, — но у насъ случилось что-то странное.

— У Милочки отъ солнца голова разболѣлась? — освѣдомился онъ съ безпокойствомъ.

Но дѣло было не въ томъ. Когда они подошли къ дому, передъ нимъ стояла карета, и кто-то разговаривалъ съ мамой въ гостиной. Мэри поспѣшно повела его наверхъ, гдѣ одѣла его въ лучшій лѣтній костюмъ, изъ фланели сливочнаго цвѣта съ краснымъ шарфомъ, и причесала его кудрявые локоны.

Все это время Мэри что-то бормотала про себя насчетъ дворянства вообще и лордовъ въ особенности, но Кедрикъ, какъ не велико было его недоумѣніе, не сталъ много разспрашивать няню, разсчитывая все узнать отъ матери. Одѣвшись, онъ сбѣжалъ внизъ и вошелъ въ гостиную. Высокій, худой господинъ, съ острыми чертами лица, сидѣлъ въ креслѣ. Рядомъ съ нимъ стояла мать, блѣдная и со слезами на глазахъ, какъ ему показалось.

— О! Кедрикъ! — воскликнула она и быстро направилась къ мальчику, обхватила его обѣими руками и, тревожно, испуганно покрывая его поцѣлуями, повторяла: — О, мой безцѣнный Кедди!

Старикъ поднялся съ кресла и, потирая костлявою рукою свой подбородокъ, началъ пристально разглядывать мальчика.

Казалось, онъ смотрѣлъ не безъ удовольствія.

— Итакъ, — произнесъ онъ, наконецъ, съ разстановкою, — итакъ, это маленькій лордъ Фонтлерой.

II.

Въ теченіе слѣдовавшей затѣмъ недѣли Кедрикъ ходилъ какъ очарованный; онъ еще не переживалъ такого страннаго, непонятнаго времени. Во-первыхъ, его очень удивляло то, что разсказала ему мать. Онъ долженъ былъ прослушать этотъ разсказъ два или три раза, прежде чѣмъ могъ понять его. Онъ рѣшительно не въ состояніи былъ представить себѣ, что подумаетъ объ этомъ м-ръ Хоббсъ. Исторія начиналась съ графовъ: его дѣдъ, котораго онъ никогда не видалъ, былъ графъ; и его старшій дядя, если бы не былъ убитъ при паденіи съ лошади, со временемъ долженъ бы стать тоже графомъ; а послѣ его смерти сдѣлался бы графомъ другой его дядя, если бы внезапно не умеръ въ Римѣ отъ лихорадки. Послѣ этого сталъ бы графомъ его собственный папа, если бы онъ былъ живъ, но такъ какъ они всѣ умерли, и остался одинъ Кедрикъ, то выходило, какъ будто, что *ему* предстоитъ быть графомъ послѣ смерти дѣдушки — а пока онъ лордъ Фонтлерой.

Онъ сильно поблѣднѣлъ, когда ему сказали это въ первый разъ.

— О Милочка! - воскликнулъ онъ, — мнѣ бы не хотѣлось быть графомъ. У насъ нѣтъ ни одного мальчика-графа. Нельзя ли и мнѣ не быть графомъ?

Но избѣжать этого было, повидимому, невозможно. И когда, въ тотъ же день вечеромъ, они сидѣли съ матерью у окна и смотрѣли изъ него на свою скромную улицу, у нихъ зашелъ объ этомъ длинный разговоръ. Кедрикъ помѣщался на своей скамейкѣ, обхвативъ по обыкновенію одно колѣно руками и съ лицомъ, почти краснымъ отъ напряженія мысли. Оказалось, что дѣдушка прислалъ за нимъ, чтобы увезти его въ Англію, и мама находила, что ему нужно было ѣхать.

— Потому что, — говорила она, печально смотря въ окно, — я знаю, что твой папа пожелалъ бы, чтобы это было такъ, Кедди. Онъ очень любилъ свою родину; да и, кромѣ того, есть еще многое, о чемъ нужно подумать и чего маленькій мальчикъ не можетъ понять какъ слѣдуетъ. Недобрая была бы я мама, если бы не пустила тебя. Когда ты выростешь, то узнаешь — почему.

Кедди уныло покачалъ головой.

— Мнѣ очень жаль будетъ оставить мистера Хоббса, — сказалъ онъ. — Боюсь, что онъ будетъ скучать по мнѣ, и я буду скучать по немъ. Мнѣ всѣхъ ихъ жаль будетъ.

Когда, на слѣдующій день, явился м-ръ Хавишамъ—довѣренный графа Доринкура, посланный имъ привезти лорда Фонтлероя въ Англію — Кедрику пришлось услыхать многое. Но его какъ-то не утѣшало, когда ему говорили, что онъ долженъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ, когда выростетъ, и что у него будетъ нѣсколько за́мковъ, большіе сады, рудники, обширныя помѣстья и доходныя земли. Онъ безпокоился о своемъ другѣ м-рѣ Хоббсѣ, и

вскорѣ послѣ завтрака отправился къ нему въ лавку въ сильно тревожномъ состояніи духа.

Онъ засталъ его за чтеніемъ утренней газеты и съ серіознымъ видомъ подошелъ къ нему. Онъ хорошо зналъ, какъ поразитъ м-ра Хоббса извѣстіе о случившемся съ нимъ, и по дорогѣ въ лавку все думалъ, какъ ему лучше сообщить свою новость.

— Э, здравствуй! — сказалъ м-ръ Хоббсъ.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ Кедрикъ.

Онъ не взобрался на высокій стулъ, какъ обыкновенно, а сѣлъ на ящикъ съ сухарями, подогнувъ колѣно, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сидѣлъ такъ тихо, что м-ръ Хоббсъ, наконецъ, вопросительно поглядѣлъ на него изъ-за газеты.

— Э! — сказалъ онъ опять.

Кедрикъ насилу собрался съ духомъ, чтобы отвѣтить ему.

— Мистеръ Хоббсъ, — сказалъ онъ, — помните, о чемъ мы вчера утромъ говорили съ вами?

— Хмъ! Кажется, объ Англіи.

— Да, — сказалъ Кедрикъ, — но въ то самое время, какъ сюда взошла няня, — помните?

М-ръ Хоббсъ почесалъ затылокъ.

— Мы говорили о королевѣ Викторіи и объ аристократіи.

— Да, — какъ будто неувѣренно подтвердилъ Кедрикъ, — и... и о графахъ, правда вѣдь?

— Пожалуй, да, — возразилъ м-ръ Хоббсъ, — мы коснулись ихъ слегка; это такъ!

Кедрикъ покраснѣлъ до самыхъ волосъ. Никогда еще онъ не былъ въ такомъ затруднительномъ поло-

женіи. Онъ побаивался, что и м-ру Хоббсу будетъ немножко неловко.

— Вы сказали, — продолжалъ онъ, — что не позволили бы имъ сидѣть на вашихъ боченкахъ съ сухарями.

— Сказалъ! — рѣшительно подтвердилъ м-ръ Хоббсъ. — И сказалъ, что думалъ. Пусть ихъ только попробуютъ.

— Мистеръ Хоббсъ, — произнесъ Кедрикъ, — одинъ изъ нихъ сидитъ теперь вотъ на этомъ ящикѣ!

М-ръ Хоббсъ почти вскочилъ съ кресла.

— Что?! — вскрикнулъ онъ.

— Да,—объявилъ Кедрикъ скромно.—Я графъ— или скоро буду графомъ. Я не хочу васъ обманывать.

М-ръ Хоббсъ казался взволнованнымъ. Онъ вдругъ всталъ и пошелъ посмотрѣть на термометръ.

— Ртуть попала тебѣ въ голову! — воскликнулъ онъ, возвращаясь назадъ, чтобы разсмотрѣть лицо своего маленькаго друга. — Дѣйствительно, жаркій нынче день! Какъ ты себя чувствуешь? Болитъ у тебя что-нибудь? Когда это съ тобой сдѣлалось?

Онъ положилъ свою большую руку на голову мальчика и этимъ еще больше смутилъ его.

— Благодарю васъ,—сказалъ Кедди,—я здоровъ. У меня голова не болитъ. Мнѣ жаль, но я долженъ сказать вамъ, что это правда, мистеръ Хоббсъ. Для этого-то Мэри пришла вчера за мною. М-ръ Хавишамъ сказалъ это мамѣ, а онъ адвокатъ.

М-ръ Хоббсъ опустился въ свое кресло и началъ платкомъ тереть себѣ лобъ.

— Съ *однимъ* изъ насъ случился солнечный ударъ! — воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Кедрикъ,—съ нами не ударъ. Намъ будетъ очень хорошо отъ этого, мистеръ Хоббсъ. Мистеръ Хавишамъ нарочно пріѣхалъ изъ Англіи,

«...Мистеръ Хоббсъ, одинъ изъ нихъ сидитъ теперь вотъ на этомъ ящикѣ!..»

чтобы разсказать намъ объ этомъ. Дѣдушка послалъ его.

М-ръ Хоббсъ уставился дикимъ взглядомъ на невинное и, вмѣстѣ, серіозное лицо Кедрика.

— Кто твой дѣдушка? — спросилъ онъ.

Кедрикъ засунулъ руку въ карманъ и осторожно вынулъ оттуда клочокъ бумаги, на которомъ было что-то написано его собственнымъ круглымъ, неправильнымъ почеркомъ.

— Мнѣ это трудно было запомнить, поэтому я записалъ себѣ здѣсь,—сказалъ онъ.—Джонъ Артуръ Молине Эрроль, графъ Доринкуръ. Вотъ какъ его зовутъ, и онъ живетъ въ замкѣ—въ двухъ или трехъ замкахъ, кажется. И мой папа, который умеръ, былъ его младшій сынъ, и я не былъ бы лордомъ или графомъ, если бы папа мой не умеръ; и мой папа не былъ бы графомъ, если бы не умерли оба его брата. Но они всѣ умерли, и другихъ мальчиковъ не осталось — одинъ я, и потому мнѣ нужно быть лордомъ; и дѣдушка послалъ за мной, чтобъ привезти меня въ Англію.

Волненіе м-ра Хоббса все увеличивалось. Онъ продолжалъ вытирать себѣ лобъ и лысину и тяжело дышалъ. Онъ начиналъ постигать, что случилось нѣчто очень замѣчательное; но когда онъ посмотрѣлъ на маленькаго мальчика, сидѣвшаго на ящикѣ съ сухарями и напряженно глядѣвшаго на него своимъ дѣтски-невиннымъ взглядомъ, когда онъ увидалъ, что мальчикъ нисколько не измѣнился, продолжая оставаться такимъ же, какимъ былъ вчера—все тѣмъ же красивымъ, веселымъ, бойкимъ ребенкомъ и въ томъ же самомъ костюмѣ съ красною ленточкою вокругъ шеи — онъ никакъ не могъ справиться съ этимъ поразительнымъ извѣстіемъ о возведеніи своего маленькаго друга въ дворянское достоинство. Онъ недоумѣвалъ тѣмъ болѣе, что Кедрикъ разсказывалъ все это съ такою искреннею простотою,

очевидно, самъ не сознавая всей невѣроятности сообщаемаго.

— Какъ, сказалъ ты, твое имя? — переспросилъ Хоббсъ.

— Кедрикъ Эрроль, лордъ Фонтлерой,—отвѣчалъ мальчикъ. — Такъ назвалъ меня мистеръ Хавишамъ. Онъ сказалъ, когда я вошелъ въ комнату: «Такъ вотъ онъ, маленькій лордъ Фонтлерой!»

— Тьфу ты пропасть!—воскликнулъ м-ръ Хоббсъ.

Онъ всегда употреблялъ это восклицаніе, когда былъ очень удивленъ или взволнованъ. Такъ и въ эту затруднительную минуту ему не пришло въ голову болѣе подходящаго выраженія. Кедрикъ не нашелъ ничего оскорбительнаго въ этой фразѣ. Его уваженіе и любовь къ м-ру Хоббсу были такъ велики, что онъ почтительно относился ко всякому его замѣчанію. Онъ еще мало видѣлъ общества, а потому и не понималъ, что порою м-ръ Хоббсъ былъ не совсѣмъ удобный собесѣдникъ. Онъ понималъ, конечно, разницу между нимъ и своей матерью, но мама была дама, а въ его понятіяхъ дамы всегда отличались отъ мужчинъ.

Онъ продолжалъ пристально глядѣть на м-ра Хоббса.

— Англія вѣдь далеко отсюда? — спросилъ онъ.

— По ту сторону Атлантическаго океана, — отвѣтилъ м-ръ Хоббсъ.

— Вотъ это всего хуже, — сказалъ Кедрикъ. — Можетъ-быть, я васъ теперь долго не увижу. Мнѣ не хочется объ этомъ думать, м-ръ Хоббсъ.

— И самымъ лучшимъ друзьямъ приходится разставаться, — проговорилъ м-ръ Хоббсъ.

— Такъ,—отозвался Кедрикъ,—а вѣдь мы много лѣтъ были друзьями, не правда ли?

— Да, какъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился, — отвѣчалъ м-ръ Хоббсъ. — Тебѣ было не больше шести недѣль, когда въ первый разъ тебя вынесли на улицу.

— А, — произнесъ Кедрикъ, со вздохомъ, — я совсѣмъ не думалъ тогда, что буду графомъ?

— А какъ ты думаешь,—спросилъ м-ръ Хоббсъ, — нельзя ли какъ-нибудь избавиться отъ этого?

— Охъ, нѣтъ, не думаю! — отвѣчалъ Кедрикъ. — Мама говоритъ, что это было бы и папино желаніе. Но если ужъ мнѣ быть графомъ, то я могу сдѣлать одно: постараться быть хорошимъ графомъ. Я не желаю быть тираномъ. И если когда-нибудь будетъ новая война съ Америкой, я постараюсь прекратить ее.

Его бесѣда съ м-ромъ Хоббсомъ была продолжительная и серіозная. Выдержавъ первый ударъ, м-ръ Хоббсъ, противъ ожиданія, смягчился; онъ старался примириться съ положеніемъ и, прежде чѣмъ кончилось свиданіе, успѣлъ задать цѣлый рядъ вопросовъ. Такъ какъ Кедрикъ могъ отвѣчать лишь на нѣкоторые, то м-ру Хоббсу приходилось отвѣчать на нихъ самому; распространившись на тему о маркизахъ и графахъ и ихъ богатыхъ помѣстьяхъ, старикъ давалъ многому такое объясненіе, которое, вѣроятно, удивило бы м-ра Хавишама, если бы тотъ могъ его слышать.

И безъ того многое казалось м-ру Хавишаму удивительнымъ. Онъ провелъ всю свою жизнь въ Англіи и не привыкъ къ американскому народу и его обы-

чаямъ. По дѣламъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ графа Доринкура въ теченіе чуть не сорока лѣтъ и хорошо зналъ все, что касалось его обширныхъ имѣній, большого богатства и вліянія; съ чисто дѣловой точки зрѣнія, заинтересовался онъ и этимъ маленькимъ мальчикомъ, который со временемъ долженъ былъ сдѣлаться обладателемъ всѣхъ этихъ благъ — превратиться въ графа Доринкура. Ему были хорошо извѣстны разочарованіе стараго графа въ своихъ старшихъ сыновьяхъ и его ярый гнѣвъ на женитьбу капитана Кедрика; онъ зналъ, какъ старикъ еще и до сихъ поръ ненавидѣлъ молодую вдову своего младшаго сына, что онъ не могъ говорить о ней иначе, какъ въ самыхъ язвительныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Графъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что она была простая американская дѣвушка, заставившая жениться на себѣ его сына потому лишь, что онъ былъ сынъ графа. Старикъ-адвокатъ былъ почти увѣренъ, что все это правда. Онъ видалъ въ своей жизни много своекорыстныхъ, продажныхъ людей и не былъ высокаго мнѣнія объ американцахъ. Онъ порядкомъ смутился, когда кучеръ привезъ его въ плохонькую улицу, и карета его остановилась передъ небольшимъ скромнымъ домикомъ. Странно было подумать, что будущій владѣлецъ Доринкурскаго за́мка и другихъ блестящихъ дворцовъ и усадебъ могъ родиться и быть воспитанъ въ такомъ невзрачномъ жилищѣ—въ улицѣ, гдѣ рядомъ, на углу, помѣщалась овощная лавочка. Онъ не могъ себѣ представить, каковъ могъ быть этотъ ребенокъ, и какая могла быть у него мать. Его коробило при мысли о встрѣчѣ съ ними. Онъ до из-

вѣстной степени гордился благородною семьею, дѣла которой онъ такъ давно велъ, и ему было бы весьма прискорбно очутиться въ необходимости вступать въ переговоры съ женщиной, казавшейся ему личностью изъ простонародья, жадной до денегъ, не питающей ни малѣйшаго уважанія къ отечеству своего покойнаго мужа и достоинству его имени. А имя это было одно изъ самыхъ древнихъ и громкихъ именъ, къ которому, при всей дѣловитой холодности своей загрубѣвшей адвокатской натуры, относился съ большимъ почтеніемъ и самъ м-ръ Хавишамъ.

Когда Мэри ввела его въ маленькую гостиную, онъ критически оглядѣлъ ее. Комната была обставлена просто, но уютно; въ ней не было дешевыхъ, грубыхъ украшеній, или такихъ же, хотя и бросающихся въ глаза, картинъ; тѣ немногія украшенія, которыя были на стѣнахъ, обличали хорошій вкусъ, и въ комнатѣ было много изящныхъ мелкихъ вещицъ, видимо сдѣланныхъ искусною женскою рукою.

— Пока еще совсѣмъ не такъ плохо, — сказалъ старикъ самому себѣ, — только, можетъ-быть, здѣсь сказывается преобладаніе вкуса покойнаго капитана.

Но когда появилась въ комнатѣ мистрисъ Эрроль, онъ началъ думать, что въ этой обстановкѣ не безучастна была и она сама. Не будь онъ такимъ сдержаннымъ и самодовольнымъ старикомъ, онъ бы, вѣроятно, былъ пораженъ, увидавъ ее. Въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, плотно облегавшемъ ея стройную фигуру, она была похожа больше на дѣвушку, нежели на мать семилѣтняго мальчика. У нея

было красивое, молодое лицо, съ оттѣнкомъ печали въ мягкомъ невинномъ взглядѣ большихъ карихъ глазъ—оттѣнкомъ, не покидавшимъ ея лица со времени смерти ея мужа. Кедрикъ привыкъ къ этому выраженію ея лица; оно исчезало лишь въ тѣ минуты, когда онъ игралъ или разговаривалъ съ ней, высказывалъ какія-нибудь забавныя замѣчанія или старался произнести какое-нибудь трудное слово, подхваченное имъ изъ газетъ или изъ разговоровъ съ м-ромъ Хоббсомъ. Онъ любилъ употреблять длинныя слова и всегда радовался, когда они вызывали смѣхъ матери, хотя и не понималъ, почему они казались смѣшными, такъ какъ самъ относился къ нимъ совсѣмъ серіозно. Адвокатская опытность научила старика Хавишама быстро постигать характеръ людей; увидавъ мать Кедрика, онъ сразу убѣдился, что старый графъ сдѣлалъ большую ошибку, считая ее вульгарной, продажной женщиной. М-ръ Хавишамъ никогда не былъ женатъ, никогда не влюблялся, но онъ угадалъ, что эта красивая, молодая особа, съ пріятнымъ голосомъ и томнымъ взглядомъ, вышла замужъ за капитана Эрроль только потому, что полюбила его всѣмъ своимъ горячимъ сердцемъ и что у нея никогда и въ мысляхъ не могло быть воспользоваться преимуществами его высокаго происхожденія. Онъ увидалъ, что отъ такой женщины ему нечего ждать какихъ-нибудь непріятностей; вмѣстѣ съ тѣмъ у него явилась надежда, что, можетъ-быть, маленькій лордъ Фонтлерой, въ концѣ концовъ, совсѣмъ не будетъ укоромъ для своей благородной семьи. Покойный капитанъ былъ красивымъ мужчиной: очень милою оказалась и молодая мать, такъ что

было основаніе ожидать болѣе или менѣе красивой внѣшности и у ихъ сына.

Когда онъ объявилъ м-ссъ Эрроль цѣль своего пріѣзда, она сильно поблѣднѣла.

— О! — сказала она, — неужели его отнимутъ у меня? Мы такъ любимъ другъ друга. Онъ составляетъ для меня такое счастіе. Въ немъ вся моя жизнь. Я старалась быть ему хорошей матерью.

И ея голосъ задрожалъ, и глаза наполнились слезами.

— Вы не знаете, чѣмъ онъ былъ для меня! — произнесла она.

Адвокатъ откашлялся.

— Я обязанъ сказать вамъ,—отвѣтилъ онъ,—что графъ Доринкуръ не очень расположенъ къ вамъ. Онъ человѣкъ старый, и предразсудки его очень сильны. Въ особенности не долюбливалъ онъ всегда Америку и американцевъ, и былъ крайне взбѣшенъ женитьбою своего сына. Мнѣ весьма прискорбно быть посредникомъ такого непріятнаго сообщенія, но графъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи не видѣть васъ. Его планъ таковъ, чтобы воспитаніе лорда Фонтлероя происходило подъ его собственнымъ надзоромъ и что онъ долженъ жить съ нимъ. Графъ привязанъ къ Доринкурскому замку и проводитъ въ немъ большую часть времени. Онъ страдаетъ подагрой и не любитъ Лондона. Поэтому лорду Фонтлерою придется, вѣроятно, жить преимущественно въ Доринкурѣ. Графъ предлагаетъ вамъ помѣщеніе въ усадьбѣ подъ названіемъ Кауртъ Лоджь, очень красивой по мѣстоположенію и находящейся не особенно далеко отъ замка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ

вамъ приличный доходъ. Лорду Фонтлерою будетъ позволено посѣщать васъ; единственное условіе, которое ставится вамъ, это чтобы вы не посѣщали сына и не входили въ ворота парка. Такимъ образомъ, вы въ сущности не будете разлучены съ своимъ сыномъ, и, увѣряю васъ, сударыня, условія эти не такъ жестоки, какъ могли бы быть. Выгоды такого положенія и воспитанія, какими будетъ пользоваться лордъ Фонтлерой, какъ вы, конечно, усмотрите сами, будутъ очень значительны.

Онъ чувствовалъ себя въ нѣсколько неловкомъ положеніи, полагая, что она можетъ заплакать или сдѣлать сцену, какъ на ея мѣстѣ сдѣлала бы другая. А ему всегда было непріятно и больно видѣть женскія слезы.

Но она не заплакала и не сдѣлала никакой сцены. Она отошла къ окну и нѣсколько минутъ стояла отвернувшись, при чемъ замѣтно было ея желаніе пріободрить себя.

— Капитанъ Эрроль очень любилъ Доринкуръ,— сказала она, наконецъ. — Онъ любилъ Англію и все англійское. Онъ никогда не переставалъ скорбѣть о своей разлукѣ съ родиной. Онъ гордился своимъ домомъ и своимъ именемъ. Будь онъ живъ, то — я увѣрена — непремѣнно пожелалъ бы, чтобы его сынъ увидалъ тѣ прекрасныя мѣста, гдѣ прошли дѣтскіе и юношескіе годы его отца, и чтобъ онъ былъ воспитанъ соотвѣтственно своему будущему положенію.

Затѣмъ она подошла къ столу и устремила кроткій взглядъ на стараго адвоката.

— Таково было бы желаніе моего покойнаго мужа,— сказала она.— И это будетъ самымъ лучшимъ

для моего сына. Я знаю, я увѣрена, что графъ не будетъ настолько жестокъ, чтобы попытаться искоренить въ мальчикѣ любовь ко мнѣ; и я знаю, что если бы онъ и сдѣлалъ такую попытку, то испортить моего мальчика въ этомъ отношеніи было бы такъ же трудно, какъ и его отца, съ которымъ онъ имѣетъ такое большое сходство. У него теплая, чистая душа и вѣрное сердце. Онъ бы продолжалъ любить меня, даже не видаясь со мною; а разъ намъ позволено будетъ видаться другъ съ другомъ, то страданія мои, надѣюсь, не будутъ слишкомъ сильны.

«Она очень мало думаетъ о себѣ, — произнесъ мысленно адвокатъ. — Никакихъ условій для себя не выговариваетъ».

— Сударыня, — сказалъ онъ громко, — я цѣню ваши попеченія о сынѣ. Онъ будетъ вамъ благодаренъ за нихъ, когда станетъ мужчиной. Увѣряю васъ, что лордъ Фонтлерой будетъ находиться подъ бдительнымъ надзоромъ и употреблены будутъ всѣ усилія, чтобы обезпечить ему счастіе. Графъ Доринкуръ будетъ такъ же хорошо заботиться о его удобствахъ и благополучіи, какъ бы и вы сами.

— Надѣюсь, — подтвердила мать слегка дрогнувшимъ голосомъ, — что дѣдъ полюбитъ маленькаго Кедди. У мальчика очень привязчивая натура, и его всегда всѣ любили.

М-ръ Хавишамъ снова откашлялся. Онъ никакъ не могъ представить себѣ стараго, вспыльчиваго подагрика графа любящимъ кого бы то ни было; но онъ зналъ, что въ его интересахъ было быть добрымъ, конечно, по-своему, къ мальчику, который долженъ со временемъ ему наслѣдовать. Онъ зналъ

также, что если Кедди окажется сколько-нибудь достойнымъ его имени, то дѣдъ будетъ гордиться имъ.

— Лорду Фонтлерою будетъ хорошо — я увѣренъ въ томъ, — отвѣчалъ онъ. — Именно въ видахъ его счастія графъ и пожелалъ, чтобы вы жили близко отъ него и поэтому могли бы часто видѣться съ нимъ.

Онъ считалъ неблагоразумнымъ повторять въ точности слова графа, сказанныя имъ по этому поводу и не отличавшіяся, конечно, ни учтивостью, ни расположеніемъ къ матери своего внука.

М-ръ Хавишамъ предпочелъ изложить порученіе своего патрона въ болѣе мягкихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ.

Онъ опять почувствовалъ нѣкоторое безпокойство, когда м-ссъ Эрроль попросила служанку привести мальчика, а та сказала ей, гдѣ онъ находится.

— Его не трудно найти, — сказала Мэри: — онъ, навѣрное, сидитъ теперь у м-ра Хоббса на своемъ высокомъ стулѣ у прилавка и толкуетъ о политикѣ или о мылѣ, свѣчахъ и тому подобномъ — да такъ разсудительно, что просто прелесть.

Вспомнивъ о видѣнной имъ по дорогѣ лавочкѣ, о мелькнувшихъ въ его глазахъ бочкахъ съ картофелемъ и съ яблоками, м-ръ Хавишамъ почувствовалъ, что только что разсѣявшееся въ немъ сомнѣніе снова овладѣваетъ имъ. Въ Англіи дѣти благородныхъ семей не дружатся съ лавочниками и ему казалось нѣсколько страннымъ, что въ Америкѣ дѣло обстоитъ иначе. Вѣдь было бы совсѣмъ плохо, если бы мальчикъ заимствовалъ дурныя манеры и полюбилъ общество людей низшаго класса. Жизнь ста-

раго графа была уже и такъ омрачена любовью обоихъ старшихъ сыновей его вращаться въ средѣ людей такого сорта. Неужели, думалъ онъ, этотъ мальчикъ обладаетъ дурными свойствами своихъ дядей, а не хорошими качествами своего отца?

Такія непріятныя мысли продолжали тревожить его во все время разговора его съ м-ссъ Эрроль, пока мальчикъ не вошелъ въ комнату. Когда отворилась дверь, м-ръ Хавишамъ не сразу рѣшился взглянуть на Кедрика. Всѣ, кто зналъ м-ра Хавишама, вѣроятно, не мало удивились бы, узнавъ, какое странное ощущеніе испыталъ онъ, взглянувъ теперь на мальчика, бросившагося прямо въ объятія своей матери. Въ его чувствахъ совершился въ эту минуту сильнѣйшій переворотъ. Въ одну минуту ему стало очевидно, что передъ нимъ одно изъ милѣйшихъ и красивѣйшихъ созданій, когда-либо встрѣчавшихся ему въ жизни. Въ красотѣ мальчика было что-то особенное: онъ имѣлъ крѣпкій, гибкій и граціозный станъ, маленькое и благородное личико; свою дѣтскую головку онъ держалъ прямо и ходилъ смѣлою, бодрою поступью; сходство его съ отцомъ было поразительно; онъ имѣлъ свѣтлые, золотистые, какъ у отца, волосы и матернины каріе глаза, только безъ выраженія печали или робости. Они смотрѣли невинно и въ то же время смѣло, какъ бы доказывая, что обладатель ихъ въ своей жизни никогда не испытывалъ страха или сомнѣнія.

«Я никогда не видалъ такого благовоспитаннаго по виду и красиваго ребенка», — подумалъ м-ръ Хавишамъ. — Такъ вотъ онъ маленькій лордъ Фонтлерой, — добавилъ онъ громко.

И съ этихъ поръ чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на маленькаго лорда, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ удивительнаго. Онъ вообще очень мало зналъ дѣтей, хотя въ Англіи видалъ ихъ множество — красивыхъ, миловидныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, находившихся подъ строгимъ и бдительнымъ надзоромъ своихъ наставниковъ и гувернантокъ; почасту это были застѣнчивыя, иногда нѣсколько буйныя дѣти, но они никогда особенно не интересовали сухого, серіознаго адвоката. Можетъ-быть, его личный интересъ въ судьбѣ маленькаго лорда Фонтлероя заставлялъ его обращать на Кедди больше вниманія, чѣмъ на другихъ дѣтей; но какъ бы то ни было, Кедрикъ, несомнѣнно, сильно занималъ его. Мальчикъ не зналъ, что за нимъ наблюдаютъ, и держалъ себя какъ обыкновенно. Когда его представили м-ру Хавишаму, онъ подалъ ему руку такъ же ласково, какъ дѣлалъ это всегда, и отвѣчалъ на всѣ его вопросы съ тою же охотою и смѣлостью, съ какою привыкъ отвѣчать м-ру Хоббсу. Въ немъ не было ни застѣнчивости, ни излишней бойкости, и, разговаривая съ его матерью, м-ръ Хавишамъ замѣтилъ, что мальчикъ прислушивался къ ихъ словамъ съ такимъ интересомъ, какъ будто былъ совершенно взрослымъ человѣкомъ.

— Онъ смотритъ очень развитымъ мальчикомъ, — сказалъ адвокатъ матери.

— Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это вѣрно, — отвѣчала она. — Онъ всегда отличался понятливостью и часто бывалъ въ обществѣ взрослыхъ. У него есть смѣшная привычка употреблять длинныя слова и выраженія, встрѣченныя имъ въ книгахъ или подмѣчен-

ныя въ разговорѣ другихъ, но при всемъ томъ онъ очень любитъ дѣтскія игры. Мнѣ кажется, что онъ довольно разсудителенъ, но иногда оказывается совершеннымъ ребенкомъ.

При слѣдующемъ же своемъ посѣщеніи м-ръ Хавишамъ убѣдился въ справедливости послѣднихъ словъ матери. Когда его карета повернула за уголъ, онъ увидалъ группу маленькихъ мальчиковъ, бѣгающихъ взапуски; въ числѣ ихъ былъ и нашъ маленькій лордъ, который кричалъ и шумѣлъ, не уступая ни одному изъ своихъ товарищей. Онъ стоялъ рядомъ съ другимъ мальчикомъ, поднявъ для шага обутую въ красный чулокъ ногу.

— Разъ, — готовься! — кричалъ посредникъ. — Два, — держись. Три, — пошелъ!

М-ръ Хавишамъ, заинтересовавшись зрѣлищемъ, высунулся изъ окна кареты. Онъ не могъ припомнить, чтобы когда-нибудь ему приходилось видѣть что-либо подобное тому, какъ его маленькое сіятельство работало своими красными ножками, пустившись бѣжать послѣ условнаго «три!» — согнувъ ручонки и устремивъ лицо противъ вѣтра, развѣвавшаго его длинные свѣтлые волосы.

— Ура-а-а, Кедъ Эрроль! — разомъ вскрикнули мальчики, приплясывая и визжа отъ восторга. — Ура, Билли Вильямсъ! Ура, Кедди! Ура, Билли! Ура-ра-ра!

«А вѣдь онъ побѣдитъ», — сказалъ про себя м-ръ Хавишамъ.

Видъ быстро мелькавшихъ красныхъ ножекъ, крики и взвизгиванія мальчиковъ, отчаянныя усилія Билли Вильямса, съ которымъ, повидимому, тоже нельзя было шутить, когда онъ бѣжалъ по пятамъ

все быстрѣе работавшихъ красныхъ ногъ — привелъ старика въ нѣкотораго рода волненіе.

— Право-право, я думаю, что онъ выиграетъ! — сказалъ адвокатъ и тутъ же, какъ бы въ оправданіе себя, закашлялся.

Въ эту минуту изъ группы приплясывавшихъ ребятишекъ-зрителей раздался неистовый крикъ. Послѣднимъ бѣшенымъ скачкомъ будущій графъ Доринкуръ достигъ фонарнаго столба, стоявшаго на концѣ отмѣреннаго пространства, и коснулся его рукой какъ разъ двумя секундами ранѣе почти упавшаго Билли Вильямса.

Бѣгъ взапуски.

— Тройное ура, Кедди Эрроль! — закричали мальчики. — Урра, Кедди Эрроль!

М-ръ Хавишамъ отнялъ голову отъ окна кареты и, сухо улыбаясь, откинулся назадъ.

— Браво, лордъ Фонтлерой! — сказалъ онъ.

Когда его экипажъ остановился передъ домомъ м-ссъ Эрроль, къ нему подходили побѣдитель и побѣжденный въ сопровожденіи своей шумной, ликующей свиты. Кедрикъ шелъ рядомъ съ Билли Вильямсомъ и разговаривалъ съ нимъ. Его гордое личико было очень красно, волосы прилипли къ горячему влажному лбу, и руки были въ карманахъ.

— Ты видишь, — говорилъ онъ, очевидно, съ намѣреніемъ уменьшить значеніе своей побѣды въ глазахъ своего побитаго соперника, — я, должно-быть, выигрываю оттого, что мои ноги подлиннѣе твоихъ. Должно-быть, это оттого. Ты знаешь, я на три дня старше тебя, и это даетъ мнѣ преимущество. Я на три дня старше тебя.

Такой взглядъ на дѣло такъ пріятно, повидимому, подѣйствовалъ на Билли Вильямса, что ему снова стало легко смотрѣть на міръ Божій, и онъ настолько пріободрился, что чуть не сталъ считать себя побѣдителемъ. Кедди Эрроль какъ-то умѣлъ успокоивать и ублажать другихъ; даже въ первомъ пылу своего тріумфа онъ созна元, что побитый имъ соперникъ врядъ ли былъ въ такомъ же веселомъ расположеніи духа, какъ онъ, и не прочь былъ подумать, что при другихъ обстоятельствахъ могъ бы самъ оказаться побѣдителемъ.

Въ это утро м-ръ Хавишамъ имѣлъ очень продолжительный разговоръ съ побѣдителемъ на бѣгахъ — разговоръ, который заставлялъ его улыбаться своей сухой улыбкой и нѣсколько разъ тереть себѣ подбородокъ своей костлявой рукой.

М-ссъ Эрроль была зачѣмъ-то вызвана изъ гостиной, такъ что Кедрикъ съ адвокатомъ остались вдвоемъ. Сначала м-ръ Хавишамъ недоумѣвалъ, о чемъ ему говорить съ своимъ маленькимъ собесѣдникомъ. Онъ думалъ, что, пожалуй, лучше всего будетъ потолковать съ нимъ о томъ, что могло бы приготовить его ко встрѣчѣ съ дѣдомъ и къ предстоявшей ему, по всей вѣроятности, великой перемѣнѣ. Онъ могъ видѣть, что Кедрикъ не имѣлъ ни малѣйшаго

понятія о томъ, что ожидало его по прибытіи въ Англію, и въ какихъ семейныхъ условіяхъ ему придется жить тамъ. Мальчикъ еще не зналъ даже, что будетъ жить не въ одномъ домѣ съ матерью. Между адвокатомъ и м-ссъ Эрроль было условлено пока не говорить объ этомъ Кедрику, а приготовить его къ этой мысли постепенно.

М-ръ Хавишамъ сидѣлъ въ креслѣ по одну сторону открытаго окна; по другую сторону его стояло еще болѣе широкое кресло, въ которое усѣлся Кедрикъ и смотрѣлъ на м-ра Хавишама. Онъ забрался въ самую глубь и сидѣлъ тамъ, прислонившись кудрявой головкой къ задней подушкѣ, скрестивъ ноги и глубоко засунувъ руки въ карманы — ни дать ни взять какъ дѣлалъ это м-ръ Хоббсъ. Онъ пристально наблюдалъ за м-ромъ Хавишамомъ, пока тотъ разговаривалъ съ матерью, и по ея уходѣ все продолжалъ почтительно и глубокомысленно смотрѣть на старика. Когда м-ссъ Эрроль вышла, наступила короткая пауза, въ продолженіе которой м-ръ Хавишамъ и Кедрикъ, повидимому, изучали другъ друга. Старикъ затруднялся, соображая, что можетъ пожилой человѣкъ сказать маленькому мальчику, бравшему призы на бѣгу, носившему короткія панталоны и красные чулки на ногахъ, едва выступавшихъ за края кресла, когда онъ глубоко въ него усаживался.

Кедрикъ помогъ адвокату, вдругъ начавъ бесѣду самъ.

— Знаете ли, — сказалъ онъ, — я не знаю, что такое графъ.

— Не знаете? — повторилъ м-ръ Хавишамъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Кедди. — И я думаю, когда мальчикъ готовится быть графомъ, ему слѣдуетъ знать. А вы знаете?

— Да, конечно, — отвѣчалъ м-ръ Хавишамъ.

— Не можете ли вы, — сказалъ Кедди почтительно, — не можете ли вы мнѣ это объяснить? Кто дѣлаетъ графовъ?

— Во-первыхъ, король или королева, — сказалъ м-ръ Хавишамъ. — Обыкновенно даютъ графское достоинство тому, кто оказалъ услугу своему государю или совершилъ великое дѣло.

— О! — сказалъ Кедрикъ; — это какъ у насъ президентъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — отозвался м-ръ Хавишамъ. — За это выбираютъ у васъ въ президенты?

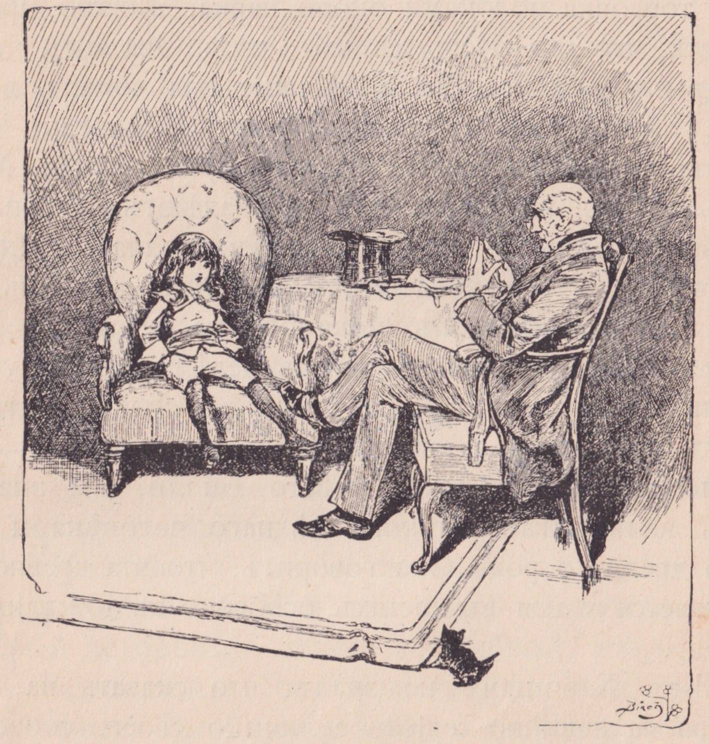
— Какъ же, — отвѣчалъ весело Кедди. — Если человѣкъ очень хорошій и очень много знаетъ, то его выбираютъ въ президенты. Тогда ходятъ съ факелами, играетъ музыка и всѣ говорятъ рѣчи. Я часто думалъ, что могу, можетъ-быть, сдѣлаться президентомъ, но никогда не думалъ, что могу быть графомъ. Я ничего не зналъ насчетъ графовъ, — прибавилъ онъ торопливо, изъ боязни, чтобъ м-ръ Хавишамъ не счелъ съ его стороны невѣжливымъ нежеланіе быть графомъ. — Если бы я зналъ что-нибудь объ нихъ, то, вѣроятно, пожелалъ бы быть однимъ изъ нихъ.

— Это не совсѣмъ то, что быть президентомъ, — сказалъ м-ръ Хавишамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Кедрикъ. — Какъ, развѣ тамъ не бываетъ факельныхъ шествій?

М-ръ Хавишамъ самъ скрестилъ ноги и тщательно сложилъ кончики своихъ пальцевъ. Онъ подумалъ, не пришло ли время объясниться подробнѣе.

— Графъ... очень важная особа, — началъ онъ.

«...Я часто думалъ, что могу, можетъ-быть, сдѣлаться президентомъ, но никогда не думалъ, что могу быть графомъ...»

— И президентъ тоже! — вставилъ Кедрикъ. — Процессія съ факелами растягивается на цѣлыя пять миль, пускаютъ ракеты, играетъ музыка! М-ръ Хоббсъ бралъ меня туда съ собою.

— Графъ, — продолжалъ м-ръ Хавишамъ, чувствуя, что подъ нимъ почва нѣсколько колеблется, — часто имѣетъ очень древнюю родословную.

— Это что такое? — спросилъ Кедди.

— Очень древній родъ, — чрезвычайно древній.

— А-а-а! — сказалъ Кедрикъ, еще глубже запуская руки въ карманы. — Это, должно-быть, какъ у насъ торговка яблоками около парка. Можно прямо сказать, что она очень древняго рода. Она такъ стара, что вы удивились бы, какъ еще она можетъ вставать. Ей лѣтъ сто, нужно думать, и все-таки она сидитъ на своемъ мѣстѣ, даже во время дождя. Мнѣ жаль ее, и другіе мальчики ее жалѣютъ. У Билли Вильямса какъ-то набралось около доллара денегъ; я попросилъ его покупать у нея каждый день на пять центовъ яблоковъ, пока онъ не истратилъ все. Вышло двадцать дней, и черезъ недѣлю ужъ ему надоѣли яблоки; тогда — это пришлось очень кстати — одинъ господинъ далъ мнѣ пятьдесятъ центовъ, и я сталъ покупать яблоки, вмѣсто Билли. Вы знаете, какъ жаль бываетъ такого бѣднаго человѣка и такого древняго рода. Она говоритъ, что эта древность отзывается у нея въ костяхъ, особенно въ дождливую погоду.

М-ръ Хавишамъ не зналъ, что сказать на это, смотря на невинно серіозное личико своего собесѣдника.

— Боюсь, что вы меня не совсѣмъ поняли, — объяснилъ онъ. — Подъ древнимъ родомъ я разумѣлъ не старческій возрастъ; я хотѣлъ сказать, что имя такой семьи давно извѣстно людямъ; можетъ-быть, за сотни лѣтъ особы, носившія это имя, уже упоминались въ исторіи своей страны.

— Какъ Георгъ Вашингтонъ! — сказалъ Кедди. — Я столько слышалъ о немъ съ тѣхъ поръ, какъ ро-

дился, а его знали еще задолго до этого. М-ръ Хоббсъ говоритъ, что онъ никогда не будетъ забытъ. Это, знаете, за объявленіе независимости и за четвертое іюля. Видите, какой онъ былъ замѣчательный человѣкъ.

— Первый графъ Доринкуръ, — сказалъ торжественно м-ръ Хавишамъ, — былъ возведенъ въ графское достоинство четыреста лѣтъ тому назадъ.

— Такъ, такъ! — воскликнулъ Кедди. — Это было очень давно! Вы говорили объ этомъ Милочкѣ? Это ей будетъ очень интересно. Скажемте ей, когда она сюда взойдетъ. Она всегда любитъ разсказы о чудесныхъ вещахъ. Чѣмъ же еще занимаются графы, кромѣ возведенія въ достоинство?

— Многіе изъ нихъ принимали участіе въ управленіи Англіей. Нѣкоторые были храбрыми людьми и встарину сражались въ великихъ битвахъ.

— Мнѣ бы и самому хотѣлось это сдѣлать, — сказалъ Кедрикъ. — Мой папа былъ солдатъ и очень храбрый человѣкъ — такой же храбрый, какъ и Георгъ Вашингтонъ. Это, можетъ-быть, потому, что онъ долженъ бы былъ сдѣлаться графомъ, если бы не умеръ. Я радъ, что графы храбры. Великое дѣло быть храбрымъ. Прежде я немножко боялся — знаете, въ темнотѣ; но когда я сталъ думать о солдатахъ при Георгѣ Вашингтонѣ, то и пересталъ бояться.

— Графы имѣютъ еще и другое преимущество, — медленно произнесъ м-ръ Хавишамъ и съ любопытствомъ устремилъ глаза на мальчика. — Нѣкоторые графы имѣютъ очень много денегъ.

Любопытство стараго дѣльца вызывалось желаніемъ узнать, имѣетъ ли его молодой другъ понятіе о томъ, какую силу имѣютъ деньги.

— Хорошо имѣть ихъ,—сказалъ невинно Кедди.— Мнѣ бы хотѣлось имѣть много денегъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ м-ръ Хавишамъ.— Почему же бы вамъ этого хотѣлось?

— Знаете,—воскликнулъ Кедрикъ,—съ деньгами можно сдѣлать такъ много. Вотъ, напримѣръ, торговка яблоками. Если бы я былъ очень богатъ, я бы ей купилъ маленькую палатку, куда она могла бы поставить свой лотокъ, и маленькую печку, а потомъ давалъ бы ей по доллару каждый день, когда идетъ дождикъ, чтобы она могла уходить домой. А потомъ—о!—я купилъ бы ей шаль. Тогда ея кости не страдали бы такъ, какъ теперь. У нея кости не похожи на наши, онѣ болятъ у нея, когда она движется. Очень непріятно, когда болятъ кости. Если бъ я былъ настолько богатъ, что могъ бы для нея все это сдѣлать, то, я думаю, кости ея перестали бы болѣть.

— Ага!—сказалъ м-ръ Хавишамъ.—А что бы вы еще сдѣлали, если бъ были богаты?

— О! я бы очень много сдѣлалъ. Конечно, я накупилъ бы Милочкѣ разныхъ прекрасныхъ вещей— и книжекъ для иголокъ, и вѣеровъ, и золотыхъ наперстковъ, и колецъ, и энциклопедію, и коляску, чтобы ей не приходилось дожидаться на улицѣ дилижансовъ. Если бы она захотѣла яркое шелковое платье, я бы купилъ ей нѣсколько; но она больше любитъ черныя. Я повелъ бы ее по большимъ магазинамъ и сказалъ бы ей, чтобы она смотрѣла все и выбрала себѣ, что ей нравится. А потомъ Дикъ...

— Кто это Дикъ? — спросилъ м-ръ Хавишамъ.

— Дикъ, это чистильщикъ сапоговъ, — поспѣшилъ объяснить маленькій лордъ, совсѣмъ увлекшись своими восторженными планами. — Вы врядъ ли знаете такого отличнаго чистильщика. Онъ стоитъ на углу одной большой улицы, тамъ, въ городѣ. Я ужъ его столько лѣтъ знаю. Одинъ разъ, когда я былъ очень маленькимъ, я гулялъ съ Милочкой, и она купила мнѣ прекрасный мячъ, который скачетъ, и когда я несъ его, онъ выскочилъ у меня и упалъ на середину улицы, гдѣ были лошади и экипажи; и я былъ такъ огорченъ, началъ плакать — я былъ очень маленькій. На мнѣ была шотландская юбочка. А Дикъ чистилъ въ это время чьи-то сапоги; онъ сказалъ: «Э-е!» и побѣжалъ туда, гдѣ были лошади, и поймалъ для меня мячикъ, вытеръ его своимъ платьемъ и отдалъ мнѣ, и сказалъ: «Вотъ вамъ вашъ мячикъ, молодчикъ!» Этимъ онъ очень понравился Милочкѣ и мнѣ, и съ тѣхъ поръ, когда мы бываемъ въ той сторонѣ, мы всегда съ нимъ разговариваемъ. Онъ говоритъ: «Э!» и я говорю: «э!»; потомъ мы немного разговариваемъ, и онъ разсказываетъ мнѣ, какъ у него идутъ дѣла. Послѣдній разъ они шли нехорошо.

— А что бы вы желали для него сдѣлать? — освѣдомился адвокатъ, потирая подбородокъ и странно улыбаясь.

— Какъ вамъ сказать, — отвѣтилъ лордъ Фонтлерой, усаживаясь въ своемъ креслѣ съ видомъ дѣлового человѣка. — Я бы его выкупилъ у Джека.

— А кто такое Джекъ? — спросилъ м-ръ Хавишамъ.

— Это компаньонъ Дика, и самый плохой компаньонъ, какой только можетъ быть. Дикъ такъ говоритъ. Дѣло отъ него страдаетъ, и онъ нечестенъ. Онъ бранится, и это выводитъ Дика изъ себя. Вы понимаете, какъ можно выйти изъ себя, когда вы со всѣмъ усердіемъ чистите сапоги и все время ведете себя честно, а въ вашемъ компаньонѣ чести совсѣмъ нѣтъ. Дика всѣ любятъ, зато не любятъ Джека, и оттого иногда во второй разъ не приходятъ. Поэтому, если бы я былъ богатъ, я бы выплатилъ Джеку его долю и купилъ бы Дику свидѣтельство. Онъ говоритъ, что свидѣтельство много значитъ; и я сдѣлалъ бы ему новое платье и новыя щетки и всѣмъ снабдилъ бы его. Онъ говоритъ, что ему нужнѣе всего хорошенько обзавестись.

Врядъ ли могло быть что-нибудь сердечнѣе и простодушнѣе той манеры, съ которою маленькій лордъ разсказывалъ свою дѣтскую повѣсть, добродушно повторяя не совсѣмъ изящныя выраженія своего друга, Дика. Повидимому, въ немъ не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что его пожилой собесѣдникъ настолько же интересуется его разсказомъ, какъ и онъ самъ. И м-ръ Хавишамъ въ самомъ дѣлѣ начиналъ сильно интересоваться — не столько, можетъ-быть, Дикомъ и продавщицей яблоковъ, сколько этимъ добрымъ, благороднымъ мальчикомъ, дѣтская головка котораго строила такіе сердечные планы относительно своихъ друзей, совершенно забывая, повидимому, о самомъ себѣ.

— Нѣтъ ли чего-нибудь, — началъ м-ръ Хавишамъ, — что вы хотѣли бы пріобрѣсти для себя, если бъ были богаты?

— О! очень много, — съ живостью отозвался лордъ Фонтлерой; — но сначала я далъ бы Мэри денегъ для Бриджетъ, это — ея сестра, у которой двѣнадцать человѣкъ дѣтей и мужъ безъ работы. Она приходитъ сюда и плачетъ, и Милочка даетъ ей что-то въ корзинкѣ; тогда она опять плачетъ и говоритъ: «Дай Богъ тебѣ здоровья, красавица барыня!» И я думаю, м-ру Хоббсу пріятно было бы получить золотые часы съ цѣпочкой, на память обо мнѣ, и пенковую трубку. А потомъ я бы собралъ себѣ компанію.

— Компанію! — воскликнулъ м-ръ Хавишамъ.

— Да, въ родѣ того, какъ собираются республиканцы, — объяснилъ Кедрикъ, приходя въ совершенный восторгъ. — У меня были бы факелы и мундиры и прочее для всѣхъ мальчиковъ и для меня тоже. И, знаете, мы стали бы маршировать и бить въ барабаны. Вотъ чего желалъ бы я для себя, если бы я былъ богатъ.

Отворилась дверь, и вошла м-ссъ Эрроль.

— Очень жалѣю, что должна была оставить васъ такъ долго однихъ, — сказала она м-ру Хавишаму: — дѣло въ томъ, что ко мнѣ пришла бѣдная женщина, которая въ большомъ горѣ.

— Этотъ юный джентльменъ, — сказалъ м-ръ Хавишамъ, — разсказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ своихъ друзьяхъ и что бы онъ для нихъ сдѣлалъ, если бъ былъ богатъ.

— Бриджетъ тоже принадлежитъ къ числу его друзей, — сказала м-ссъ Эрроль: — съ этой Бриджетъ я и разговаривала въ кухнѣ. Она въ большой нуждѣ теперь, потому что мужъ ея боленъ ревматизмомъ.

Кедрикъ соскочилъ съ своего кресла.

— Я думаю, мнѣ нужно пойти повидаться съ ней, — сказалъ онъ, — и разспросить ее о его здоровьѣ. Онъ отличный человѣкъ, когда бываетъ здоровъ. Я ему обязанъ, потому что онъ разъ сдѣлалъ мнѣ деревянный мечъ. Онъ очень способный человѣкъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Кедрикъ выбѣжалъ изъ комнаты, и м-ръ Хавишамъ всталъ съ своего кресла. Повидимому, у него было что-то на душѣ, что ему хотѣлось высказать. Нѣсколько мгновеній онъ колебался, потомъ, смотря на м-ссъ Эрроль, сказалъ:

— До своего отъѣзда изъ замка Доринкуръ, я имѣлъ съ графомъ свиданіе, при чемъ онъ далъ мнѣ нѣкоторыя инструкціи. Ему желательно, чтобы его внукъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ на свою будущую жизнь въ Англіи и на свое знакомство съ нимъ. Онъ поручилъ мнѣ дать понять его сіятельству, что эта перемѣна въ его жизни принесетъ ему деньги и удовольствія, доступныя дѣтямъ; если онъ выразитъ какія-нибудь желанія, я долженъ удовлетворить ихъ и сказать ему, что его дѣдъ даетъ ему все, чего онъ желаетъ. Я не думаю, чтобы графъ разсчитывалъ на что-либо подобное; но если лорду Фонтлерою доставитъ удовольствіе помочь этой бѣдной женщинѣ, мнѣ кажется, графу было бы непріятно, если бы мальчику было въ томъ отказано.

М-ръ Хавишамъ и здѣсь не повторилъ точныхъ словъ графа. Въ дѣйствительности его сіятельство сказало:

— Дайте понять мальчику, что я могу дать ему все, чего онъ захочетъ. Объясните ему, что значитъ быть внукомъ графа Доринкура. Покупайте ему все,

что ему вздумается; пусть у него въ карманахъ будутъ деньги, и скажите ему, что ихъ положилъ туда дѣдушка.

Побужденія графа были далеко не добрыя и могли бы принести большой вредъ мальчику, если бы этому вельможѣ пришлось имѣть дѣло не съ такимъ привязчивымъ и добросердечнымъ характеромъ, какъ у маленькаго лорда Фонтлероя. М-ссъ Эрроль была тоже настолько благородна, что не могла подозрѣвать какой-нибудь дурной умыселъ со стороны графа. Она объясняла себѣ это такъ, что несчастный одинокій старикъ, лишившись своихъ дѣтей, пожелалъ сдѣлать добро ея мальчику и пріобрѣсти его любовь и довѣріе. Ей пріятно было подумать, что Кедди будетъ въ состояніи помочь Бриджетъ. Она чувствовала себя еще счастливѣе отъ сознанія, что первымъ послѣдствіемъ удивительной перемѣны судьбы, выпавшей на долю ея маленькаго сына, была возможность для него сдѣлать добро тѣмъ, кто въ немъ нуждались. Ея красивое молодое лицо покрылось краской живѣйшаго удовольствія.

— О! — сказала она, — это было очень хорошо со стороны графа; Кедрикъ будетъ такъ радъ! Онъ всегда любилъ Бриджетъ и Михаила. Они вполнѣ этого заслуживаютъ. Я часто желала имѣть возможность оказать имъ болѣе серіозную помощь. Михаилъ усердно трудится, когда здоровъ, но онъ долго хворалъ и нуждается въ дорогихъ лѣкарствахъ, теплой одеждѣ и питательной пищѣ. Ни онъ ни Бриджетъ не истратятъ понапрасну того, что имъ дадутъ.

М-ръ Хавишамъ опустилъ свою худую руку въ карманъ и вынулъ большую карманную книжку. На его лицѣ было какое-то странное выраженіе. На самомъ дѣлѣ онъ думалъ о томъ, что сказалъ бы графъ, если бы ему сообщили, каково было первое желаніе его внука. Ему интересно было знать, какъ подумалъ бы объ этомъ суровый, суетный, себялюбивый старый лордъ.

— Я не знаю, извѣстно ли вамъ, — сказалъ онъ, — что графъ Доринкуръ чрезвычайно богатый человѣкъ. У него хватитъ средствъ на удовлетвореніе любого каприза. Мнѣ кажется, ему пріятно было бы узнать, что исполнена прихоть лорда Фонтлероя, какова бы она ни была. Если вы позовете его назадъ, то, съ вашего позволенія, я дамъ ему пять фунтовъ стерлинговъ для этой семьи.

— Вѣдь это цѣлыхъ двадцать пять долларовъ! — воскликнула м-ссъ Эрроль. — Это покажется имъ цѣлымъ состояніемъ. Мнѣ даже самой какъ-то не вѣрится, чтобы это была правда.

— Это совершенная правда, — сказалъ м-ръ Хавишамъ, съ своей сухой улыбкой. — Въ жизни вашего сына произошла огромная перемѣна, и великая власть будетъ находиться въ его рукахъ.

— О! — воскликнула мать, — онъ вѣдь еще такой маленькій, маленькій мальчикъ. Могу ли я научить его какъ слѣдуетъ пользоваться этою властью? Мнѣ какъ-то страшно за моего маленькаго Кедди!

Адвокатъ слегка откашлялся. Его черствое, старческое сердце было тронуто нѣжнымъ и робкимъ выраженіемъ ея карихъ глазъ.

— Я думаю, сударыня, — сказалъ онъ, — что, судя по сегодняшней моей бесѣдѣ съ лордомъ Фонтлероемъ, будущій графъ Доринкуръ будетъ думать о другихъ столько же, сколько и о собственной персонѣ. Онъ пока еще ребенокъ, но, полагаю, заслуживаетъ довѣрія.

Вслѣдъ за этимъ мать вышла за Кедрикомъ и привела его назадъ въ гостиную. М-ръ Хавишамъ слышалъ, какъ, возвращаясь въ комнату, мальчикъ говорилъ матери:

— Это членный ревматизмъ, а это ужасная болѣзнь. Онъ все думаетъ о томъ, что еще не заплачено за квартиру, и Бриджетъ говоритъ, что отъ этого болѣзнь становится еще хуже. И Патрикъ получилъ бы мѣсто въ лавкѣ, если бы у него было платье.

Когда онъ взошелъ, на маленькомъ лицѣ его была написана тревога. Ему очень жаль было Бриджетъ.

— Милочка сказала, что вы меня звали, — обратился онъ къ м-ру Хавишаму. — Я тамъ разговаривалъ съ Бриджетъ.

М-ръ Хавишамъ молча посмотрѣлъ на него. Онъ чувствовалъ нѣкоторую нерѣшительность въ виду словъ матери, что Кедрикъ былъ еще очень маленькій мальчикъ.

— Графъ Доринкуръ... — началъ было онъ, и тутъ же невольно взглянулъ на м-съ Эрроль.

Въ эту минуту она вдругъ опустилась на колѣни около сына и нѣжно обняла его обѣими руками.

— Кедди, — сказала она, — графъ, твой дѣдушка, отецъ твоего родного папы. Онъ очень, очень добръ

и любитъ тебя, и желаетъ, чтобы ты любилъ его, потому что сыновья его всѣ умерли. Онъ хочетъ, чтобы ты былъ счастливъ и приносилъ счастіе другимъ. Онъ очень богатъ и желаетъ, чтобы у тебя было все, чего бы ты не захотѣлъ. Онъ такъ сказалъ м-ру Хавишаму и далъ ему для тебя много денегъ. Теперь ты можешь дать кое-что Бриджетъ — столько, чтобы она могла заплатить за квартиру и купить что нужно для Михаила. Не правда ли, Кедди, какъ это будетъ хорошо?

Она поцѣловала ребенка въ щеку, вспыхнувшую яркимъ румянцемъ подъ впечатлѣніемъ такого радостнаго извѣстія.

Съ матери онъ перевелъ взглядъ на м-ра Хавишама.

— Мнѣ можно это получить теперь? — воскликнулъ онъ. — Могу я дать ей деньги сію минуту? Она сейчасъ уходитъ.

М-ръ Хавишамъ вручилъ ему деньги. Это были новенькіе, чистенькіе билеты, составлявшіе порядочную пачку.

Кедди поспѣшно выбѣжалъ съ ними изъ комнаты.

— Бриджетъ!—доносился его голосъ изъ кухни.— Бриджетъ, подожди минутку! Вотъ тебѣ деньги. Это для тебя, и ты можешь заплатить за квартиру. Мнѣ дѣдушка далъ ихъ. Это для тебя и для Михаила!

— О, мастеръ Кедди! — послышалось испуганное восклицаніе Бриджетъ. — Вѣдь здѣсь двадцать пять долларовъ. Гдѣ барыня?

— Пойду и объясню ей, — сказала м-ссъ Эрроль.

Она вышла изъ комнаты, и м-ръ Хавишамъ остался на нѣкоторое время одинъ. Онъ подошелъ къ окну и въ раздумьѣ сталъ смотрѣть на улицу. Онъ представлялъ себѣ стараго графа Доринкура сидящимъ въ обширной, великолѣпной и мрачной библіотекѣ своего замка, наединѣ съ своей подагрой, окруженнаго величіемъ и роскошью, но никѣмъ не любимаго, такъ какъ онъ, въ теченіе своей долгой жизни, никого въ сущности не любилъ, кромѣ самого себя. Это былъ надменный эгоистъ, охотно потакавшій своимъ страстямъ. Онъ такъ много заботился о графѣ Доринкурѣ и его удовольствіяхъ, что у него не оставалось времени подумать о другихъ; онъ считалъ, что все его богатство и власть, всѣ выгоды его знатнаго имени и высокаго положенія должны итти лишь на прихоти и забавы графа Доринкура. И теперь, когда наступила для него старость, его дурная жизнь, постоянное самоугожденіе принесли ему лишь болѣзни, раздражительность и отвращеніе къ свѣту, который въ свою очередь не благоволилъ къ нему. Несмотря на весь блескъ и роскошь его жизни, врядъ ли будетъ другой вельможа столь мало любимый, какъ графъ Доринкуръ, и чье одиночество могло бы быть болѣе полнымъ. Пожелай онъ, онъ могъ бы наполнить гостями свой замокъ, могъ бы давать большіе обѣды и устраивать блестящія охоты; но онъ зналъ, что люди, которые приняли бы его приглашеніе, втайнѣ боялись его нахмуреннаго стараго лица и ядовитыхъ, саркастическихъ рѣчей. У него былъ злой языкъ и рѣзкія манеры; онъ любилъ язвить людей и, когда могъ, ставить ихъ въ неловкое

положеніе, если это были люди или слишкомъ гордые, или легко раздражавшіеся, или черезчуръ робкіе.

М-ръ Хавишамъ отлично зналъ его жестокій, свирѣпый нравъ и думалъ о немъ, смотря изъ окна на узкую, тихую улицу. И тутъ же въ умѣ его рѣзкимъ контрастомъ рисовался образъ веселаго, красиваго мальчика, сидящаго въ огромномъ креслѣ и искреннимъ, правдивымъ тономъ разсказывающаго про своихъ друзей, Дика и торговку яблоками. Онъ думалъ также о громадныхъ доходахъ, прекрасныхъ помѣстьяхъ и величественныхъ замкахъ, богатствѣ, обширныхъ средствахъ къ добру и злу, которые со временемъ очутятся въ рукахъ маленькаго лорда Фонтлероя, такъ глубоко засовываемыхъ имъ въ свои карманы.

«Какая огромная будетъ разница, — сказалъ онъ самъ себѣ. — Огромная разница».

Вскорѣ затѣмъ Кедрикъ вернулся съ матерью. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Онъ сѣлъ на свой собственный стулъ, между матерью и адвокатомъ, и принялъ одну изъ своихъ граціозныхъ позъ, положивъ руки на колѣни. Онъ былъ внѣ себя отъ удовольствія по поводу помощи, оказанной Бриджетъ, и ея радости.

— Она заплакала, — разсказывалъ онъ. — Она сказала, что плачетъ отъ радости! Я еще никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь плакалъ отъ радости. Мой дѣдушка, должно-быть, очень добрый человѣкъ. Я не зналъ, что онъ такой добрый. Быть графомъ гораздо пріятнѣе, нежели я думалъ. Я почти радъ, почти *совсѣмъ* радъ, что сдѣлаюсь графомъ.

III.

Благопріятное мнѣніе Кедрика о преимуществахъ графскаго положенія значительно увеличилось въ теченіе слѣдующей недѣли. Ему казалось почти невозможнымъ представить себѣ, чтобы все почти, чего бы ему ни пожелалось, могло быть легко исполнено. Да и въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ объ этомъ никакого понятія. Только послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ м-ромъ Хавишамомъ онъ понялъ, наконецъ, что могъ исполнить всѣ свои ближайшія желанія, и онъ началъ пользоваться этою возможностью съ такой простотой и радостью, что доставлялъ этимъ развлеченіе самому м-ру Хавишаму. Въ теченіе недѣли передъ отъѣздомъ въ Англію онъ сумѣлъ по-своему воспользоваться выгодами своего новаго положенія. Адвокатъ долго послѣ того вспоминалъ, какъ они вмѣстѣ сдѣлали визитъ Дику и какъ въ тотъ же день обрадовали древняго рода торговку, остановившись передъ ея лоткомъ и сообщивъ ей, что у нея будетъ и палатка, и печка, и шаль, и сумма денегъ, показавшаяся ей совершенно невѣроятной.

— Потому что я долженъ уѣхать въ Англію и сдѣлаться лордомъ! — воскликнулъ добродушно Кедрикъ. — И мнѣ совсѣмъ не хочется, чтобы ваши кости вспоминались мнѣ каждый разъ, когда пойдетъ дождикъ. У меня у самого кости никогда не болятъ, поэтому я не знаю, что это за боль, но мнѣ васъ было очень жаль и я надѣюсь, что теперь вамъ будетъ лучше.

— Она очень добрая торговка, — сказалъ онъ м-ру Хавишаму, когда они шли назадъ, оставивъ обладательницу лотка совсѣмъ пораженную выпавшимъ на ея долю неожиданнымъ счастіемъ...— Одинъ разъ, когда я упалъ и ушибъ колѣнку, она дала мнѣ яблоковъ даромъ. Поэтому я всегда о ней помню. Вѣдь всегда помнишь тѣхъ людей, которые сдѣлали тебѣ добро.

«...я долженъ ѣхать въ Англію и сдѣлаться лордомъ...»

Его чистой дѣтской душѣ чужда была мысль о томъ, что есть люди, которые могутъ забывать оказанное имъ добро.

Свиданіе съ Дикомъ сильно взволновало обоихъ. Только что передъ тѣмъ у Дика вышла очень непріятная исторія съ Джекомъ, такъ что наши посѣтители нашли его очень разстроеннымъ. Онъ почти онѣмѣлъ отъ удивленія, когда Кедрикъ спокойно объявилъ ему, что они пришли дать ему то, что онъ считалъ для себя очень важнымъ, и устроятъ всѣ его дѣла. Лордъ Фонтлерой

очень просто и наивно объявилъ Дику о цѣли своего посѣщенія. И эта непосредственность произвела большое впечатлѣніе на стоявшаго рядомъ и молчаливо слушавшаго разговоръ двухъ юныхъ друзей м-ра Хавишама. Извѣстіе о томъ, что его старинный другъ сталъ лордомъ и находится въ опасности, если доживетъ, сдѣлаться графомъ, заставило Дика такъ широко открыть глаза и ротъ и выпрямиться отъ удивленія, что у него съ головы слетѣла шапка. Поднявъ ее, онъ испустилъ какое-то странное восклицаніе. Впрочемъ, оно показалось страннымъ м-ру Хавишаму, а Кедрикъ уже слыхалъ его и раньше.

— Да что вы тамъ разсказываете?! — проговорилъ онъ.

Кедрикъ почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, но скоро оправился.

— Да и никто сначала этому не вѣритъ, — сказалъ онъ. — М-ръ Хоббсъ подумалъ даже, что со мной солнечный ударъ. Я и самъ не думалъ, что мнѣ это понравится, но теперь, когда я привыкъ, мнѣ оно больше нравится. Тотъ, кто теперь графомъ, мой дѣдушка, и онъ хочетъ, чтобы я дѣлалъ все, чего пожелаю. Онъ очень добръ, потому что онъ графъ; и онъ мнѣ прислалъ много денегъ съ м-ромъ Хавишамомъ, и я принесъ тебѣ кое-что, чтобы тебѣ откупиться отъ Джека.

Съ помощью этихъ денегъ Дикъ, дѣйствительно, откупился отъ Джека и оказался такимъ образомъ единственнымъ хозяиномъ дѣла, нѣсколькихъ новыхъ щетокъ и блестящей вывѣски. Ему такъ же трудно было повѣрить своему счастью, какъ и древняго рода торговкѣ; онъ былъ точно во снѣ и съ тупымъ не-

доумѣніемъ глядѣлъ на своего благодѣтеля, ожидая, что вотъ-вотъ наступитъ пробужденіе, и прекрасный сонъ превратится снова въ обычную сѣрую дѣйствительность. Онъ продолжалъ находиться въ этомъ состояніи, пока Кедрикъ не подалъ ему на прощанье руку.

— Итакъ, прощай, — сказалъ Кедрикъ.

Несмотря на его стараніе говорить твердо, голосъ его немного дрожалъ, и онъ мигалъ своими большими карими глазами.

— Я надѣюсь, дѣло у тебя пойдетъ. Мнѣ жаль уѣзжать и покинуть тебя; но, можетъ-быть, я вернусь сюда, когда буду графомъ. И ты непремѣнно пиши мнѣ, потому что мы всегда были хорошими друзьями. И когда будешь писать мнѣ, то вотъ куда ты долженъ посылать свои письма. — И онъ далъ ему листочекъ бумаги. — И мое имя уже не Кедрикъ Эрроль, а... лордъ Фонтлерой... и... и прощай, Дикъ.

Дикъ заморгалъ глазами, и на рѣсницахъ его показались слезы. Онъ не былъ образованнымъ чистильщикомъ, и ему было бы трудно выразить свои чувства, если бы онъ попытался это сдѣлать, поэтому, можетъ-быть, онъ и отказался отъ такой попытки, а лишь безпомощно моргалъ глазами.

— Лучше бы тебѣ не уѣзжать, — проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ и снова заморгалъ глазами. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на м-ра Хавишама и приподнялъ шляпу. — Спасибо вамъ, сэръ, что вы привели его сюда и за то, что вы сдѣлали. Онъ — онъ маленькій чудакъ, — прибавилъ Дикъ. — Я всегда страсть какъ много объ немъ думалъ. Больно ужъ онъ чуденъ.

Кедрикъ съ адвокатомъ уже отошли отъ него, а онъ все продолжалъ стоять и смотрѣть имъ вслѣдъ все въ томъ же недоумѣніи; глаза его все еще оставались влажными и комъ попрежнему стоялъ въ его глоткѣ, когда онъ слѣдилъ за изящной маленькой фигурой, весело шедшей рядомъ съ своимъ высокимъ, серіозно и важно шагавшимъ спутникомъ,

Вплоть до дня своего отъѣзда юный лордъ старался проводить какъ можно больше времени въ лавкѣ м-ра Хоббса. Уныніе напало на м-ра Хоббса, и онъ казался въ очень мрачномъ расположеніи духа. Когда маленькій другъ его торжественно явился къ нему съ прощальнымъ подаркомъ, въ видѣ золотыхъ часовъ съ цѣпочкой, м-ръ Хоббсъ рѣшительно не зналъ, какъ отнестись ему къ этому событію. Онъ положилъ футляръ съ часами на свою массивную колѣнку и нѣсколько разъ съ силою потянулъ носомъ воздухъ.

— Тамъ кое-что написано, — сказалъ Кедрикъ, — внутри футляра. Я самъ сказалъ, что тамъ написать: «отъ стариннѣйшаго друга, лорда Фонтлероя, м-ру Хоббсу. Когда увидишь сей стишокъ, то вспомни обо мнѣ, дружокъ!» Я не хочу, чтобы вы обо мнѣ позабыли.

М-ръ Хоббсъ засопѣлъ опять очень громко.

— Я не забуду тебя, — произнесъ онъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, какъ раньше это случилось и съ Дикомъ:—и тебѣ не слѣдъ забывать меня, когда попадешь въ британскую аристократію.

— Мнѣ не забыть васъ, гдѣ бы я ни находился,— отвѣчалъ лордъ. — Я провелъ съ вами самые счаст-

ливые часы, по крайней мѣрѣ, нѣсколько счастливѣйшихъ часовъ. Я надѣюсь, что вы иногда будете посѣщать меня. Я увѣренъ, что дѣдушка будетъ очень радъ этому. Можетъ-быть, онъ вамъ напишетъ и пригласитъ васъ, когда я ему скажу. Вѣдь вы не обидитесь на то, что онъ графъ, — не такъ ли? Я хочу сказать, что если бы онъ пригласилъ васъ къ себѣ, вы не откажитесь пріѣхать изъ-за того только, что онъ графъ?

— Я бы пріѣхалъ къ вамъ, — сказалъ м-ръ Хоббсъ вѣжливо.

Такимъ образомъ, они, повидимому, условились, что если бы онъ получилъ отъ графа настоятельное приглашеніе пріѣхать и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Доринкурскомъ замкѣ, то отложилъ бы въ сторону свои республиканскіе предразсудки и немедля собрался бы въ путь.

Наконецъ, всѣ приготовленія были сдѣланы; наступилъ день, когда багажъ былъ отвезенъ на пароходъ, и къ воротамъ дома подъѣхалъ экипажъ. Тогда на мальчика напало странное чувство одиночества. Передъ тѣмъ мать его оставалась нѣсколько времени запершись у себя въ комнатѣ; когда она сошла внизъ, глаза ея были влажны и губы дрожали отъ сдерживаемаго волненія. Кедрикъ подошелъ къ ней; и, когда она наклонилась къ нему, онъ обнялъ ее, и они стали цѣловать другъ друга. Онъ зналъ, что имъ обоимъ жаль чего-то, хотя врядъ ли зналъ, чего именно; впрочемъ, ему пришла одна мысль, которую онъ и поспѣшилъ высказать.

— Мы любили этотъ домикъ, Милочка, неправда ли?—сказалъ онъ. Вѣдь мы и всегда будемъ любить его, — а?

— Да, да, — отвѣтила она тихо. — Да, мой дорогой.

Затѣмъ они сѣли въ экипажъ, гдѣ Кедрикъ помѣстился рядомъ съ нею, и, когда она оглянулась назадъ изъ окна, онъ посмотрѣлъ на нее и, схвативъ ея руку, сталъ ее гладить.

Почти незамѣтно очутились они на пароходѣ, среди величайшаго шума и суматохи; то и дѣло подъѣзжали экипажи и высаживали пассажировъ; послѣдніе волновались изъ-за багажа, который еще не прибылъ и могъ опоздать на пароходъ; большіе чемоданы и ящики громоздились одинъ на другой и переносились съ мѣста на мѣсто; матросы развертывали канаты и торопливо сновали въ разныя стороны, офицеры отдавали приказанія, дамы и мужчины, дѣти и няньки приходили на палубу; одни смѣялись и были веселы, другіе печально молчали, нѣкоторые плакали и подносили къ глазамъ платки. Кедрикъ съ любопытствомъ смотрѣлъ повсюду; онъ глядѣлъ на клубки канатовъ, на забранные паруса, на высокія-превысокія мачты, почти касавшіяся синяго неба, и уже началъ составлять планы, какъ онъ будетъ разговаривать съ матросами и слушать ихъ разсказы про пиратовъ.

Какъ разъ въ самую послѣднюю минуту, когда онъ стоялъ на верхней палубѣ, облокотившись на перила и наблюдая за окончательными приготовленіями и суетливой работой матросовъ, вниманіе его возбудило движеніе въ одной изъ недалеко отъ него

стоявшихъ группъ людей. Какой-то мальчикъ, съ чѣмъ-то краснымъ въ рукѣ, торопливо прокладывалъ себѣ дорогу сквозь эту группу и направлялся къ нему. То былъ Дикъ. Онъ подошелъ къ Кедрику, едва переводя духъ.

— Я всю дорогу бѣжалъ,— сказалъ онъ.— Пришелъ посмотрѣть, какъ ты поѣдешь. Дѣла идутъ первый сортъ. Вотъ это я купилъ тебѣ на вчерашнюю выручку. Ты можешь носить его, когда будешь въ франтовской компаніи. Я потерялъ обертку, пока пробирался вонъ сквозь эту толпу. Они все не хотѣли пропустить меня. Это—платокъ.

Онъ проговорилъ все это залпомъ. Раздался звонокъ, и мальчикъ бросился бѣжать, прежде чѣмъ Кедрикъ успѣлъ что-нибудь сказать ему.

— Прощай,—крикнулъ Дикъ запыхавшимся голосомъ.— Носи его, когда попадешь къ франтамъ!

И скрылся изъ вида.

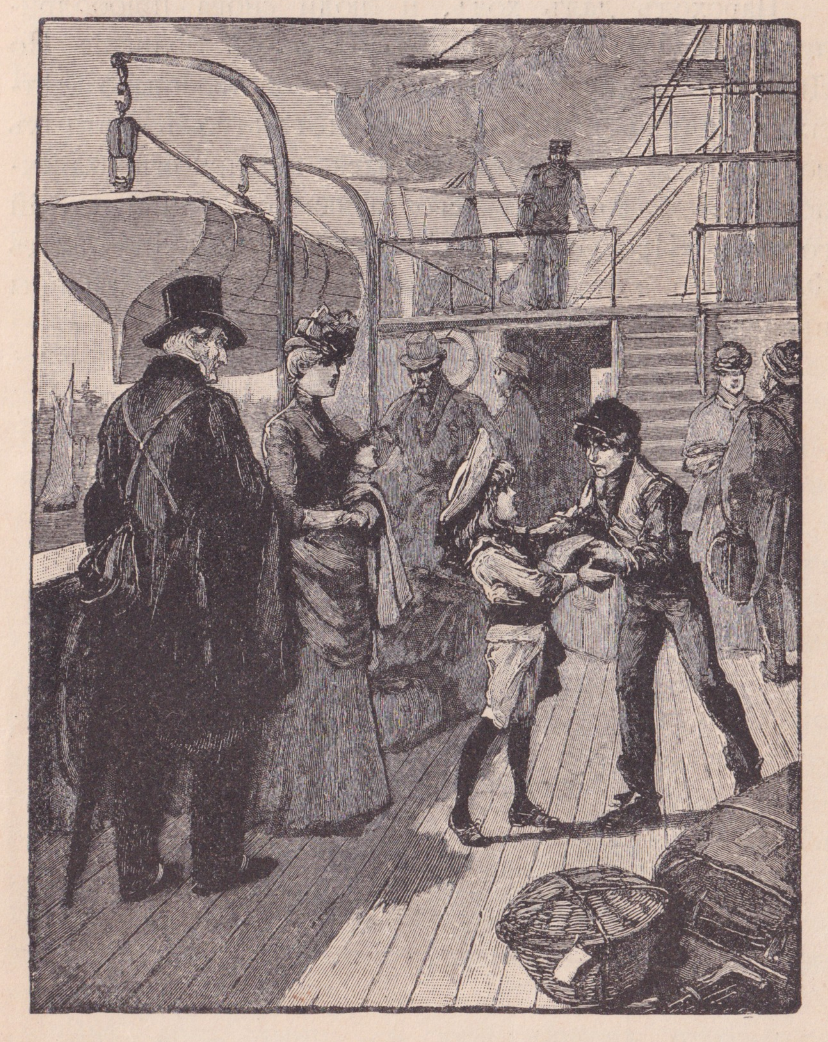
Нѣсколько секундъ спустя, можно было видѣть, какъ онъ стремительно проталкивался черезъ толпу на нижней палубѣ и едва успѣлъ ступить на берегъ, какъ мостки были подняты. Онъ стоялъ на набережной и мохалъ своей фуражкой.

Кедрикъ посмотрѣлъ на платокъ. Онъ былъ изъ ярко-красной шелковой ткани, украшенной пурпуровыми подковами и конскими головами.

Наступила послѣдняя торжественная минута. Все заколыхалось, заволновалось; раздались послѣдніе звуки привѣтствій со стороны людей, оставшихся на берегу, и такой же громкій отвѣтъ съ парохода.

— Прощайте! Прощайте! Прощайте, старые друзья!—казалось, каждый кричалъ:—не забывайте

насъ. Пишите, когда пріѣдете въ Ливерпуль. Прощай! Прощайте!

Онъ подошелъ къ Кедрику едва переводя духъ.

Маленькій лордъ Фонтлерой нагнулся впередъ и махалъ своимъ краснымъ платкомъ.

— Прощай, Дикъ! — крикнулъ онъ изо всей силы. — Благодарю тебя! Прощай, Дикъ!

Пароходъ далъ ходъ, и люди снова пріободрились. На берегу все еще продолжалось волненіе. Но Дикъ не видѣлъ ничего, кромѣ оживленнаго дѣтскаго личика и его развивавшихся вѣтромъ свѣтлыхъ волосъ, еще долго виднѣвшихся при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Въ ушахъ его раздавался лишь дѣтскій голосъ: «Прощай, Дикъ!» пока маленькій лордъ Фонтлерой медленно отплывалъ отъ своей родины въ невѣдомую ему страну своихъ предковъ.

IV.

Только теперь, во время этого путешествія, мать Кедрика рѣшилась сообщить ему, что они будутъ жить въ разныхъ домахъ. Когда онъ услыхалъ эту грустную новость, горе его было такъ велико, что м-ръ Хавишамъ не могъ не одобрить мудрое распоряженіе стараго графа, чтобы мать жила поблизости отъ сына и часто видалась съ нимъ, такъ какъ очевидно было, что иначе мальчикъ не перенесъ бы этой разлуки. Но мать настолько мягко и любовно повела дѣло и сумѣла убѣдить сына въ томъ, что они, въ сущности, совсѣмъ не такъ далеко будутъ жить другъ отъ друга, что ребенокъ, наконецъ, успокоился.

— Домъ, гдѣ я буду жить, Кедди, совсѣмъ недалеко отъ замка, — повторяла она каждый разъ, когда у нихъ заходила объ этомъ рѣчь, — очень недалеко отъ твоего дома, и ты всегда можешь прибѣгать ко мнѣ повидаться. И будетъ же тебѣ что разсказать мнѣ! и какъ мы съ тобой будемъ счастливы! Мѣсто это прекрасное. Твой папа часто говорилъ мнѣ о немъ. Онъ очень любилъ его, и ты его полюбишь.

— Оно понравилось бы мнѣ еще больше, если бы ты была тамъ, — сказалъ маленькій графъ, тяжело вздыхая.

Онъ могъ лишь съ недоумѣніемъ относиться къ такому положенію вещей, которое заставляло Милочку жить въ одномъ домѣ, а его — въ другомъ.

Дѣло въ томъ, что м-ссъ Эрроль считая лучшимъ не говорить ему, почему должно было быть такъ, а не иначе.

— Я предпочитаю не говорить ему объ этомъ,— сказала она м-ру Хавишаму.—Онъ бы не понялъ какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ, это было бы для него тяжелымъ ударомъ; и я увѣрена, что его чувства къ графу будутъ естественнѣе и дружественнѣе, если онъ не узнаетъ, что его дѣдушка такъ возстановленъ противъ меня. Онъ никогда не видалъ ни ненависти ни жестокосердія, и ему было бы слишкомъ тяжело сознаніе, что кто-нибудь можетъ меня ненавидѣть. Онъ самъ такъ сильно любитъ, и я такъ дорога ему! Для него лучше будетъ ничего не говорить ему, пока онъ не выростетъ, да лучше это будетъ и для графа. Это явилось бы лишь преградой между ними, несмотря на дѣтскій возрастъ Кедди.

Такимъ образомъ, Кедрику стало извѣстно лишь то, что существуетъ какая-то таинственная причина такого порядка вещей, которую ему еще не понять, но которая объяснится со временемъ, когда онъ будетъ старше. Онъ былъ удивленъ; но, въ концѣ концовъ, эта причина перестала его заботить. Послѣ многихъ разговоровъ съ матерью, гдѣ она старалась всячески утѣшить его, рисуя передъ нимъ свѣтлую сторону картины, темная сторона ея начала постепенно сглаживаться. По временамъ, однако, м-ру Хавишаму доводилось видѣть его сидящимъ въ одной изъ привычныхъ своихъ позъ и устремившимъ задумчивый взоръ на море. При этомъ нерѣдко можно было подслушать вырывавшійся у него тяжелый вздохъ.

— Не нравится мнѣ это, — сказалъ онъ разъ м-ру Хавишаму, бесѣдуя съ нимъ, какъ всегда, въ очень почтительномъ тонѣ. — Вы не знаете, какъ сильно мнѣ это не нравится; но на свѣтѣ много бываетъ непріятностей и приходится переносить ихъ. Мэри такъ говоритъ, и я слыхалъ это же и отъ м-ра Хоббса. И Милочка хочетъ, чтобы мнѣ нравилось жить съ дѣдушкой, потому что, вы знаете, у него всѣ дѣти умерли, а это очень грустно. Жалко бываетъ человѣка, у котораго всѣ дѣти умерли, и одинъ былъ убитъ.

Всѣмъ знакомившимся съ маленькимъ лордомъ особенно нравился, между прочимъ, тотъ серіозный видъ, съ какимъ онъ вступалъ иногда въ разговоръ. Эта серіозность, при выраженіи полной невинности на его дѣтскомъ лицѣ, съ проскальзывавшими порою въ его рѣчи замѣчаніями, свойственными только взрослымъ людямъ, придавали ему необыкновенную привлекательность. Это было такое милое, цвѣтущее созданіе, что когда онъ сидѣлъ, обнявъ колѣни своими пухлыми ручонками, и съ великою важностью велъ какой-нибудь разговоръ, то слушатели его не могли налюбоваться имъ. Мало-по-малу, и м-ръ Хавишамъ сталъ находить большое удовольствіе и развлеченіе въ его обществѣ.

— Итакъ, ты намѣренъ попытаться полюбить графа? — сказалъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ маленькій лордъ. — Онъ мнѣ родня, а родныхъ, конечно, нужно любить; кромѣ того, онъ былъ ко мнѣ очень добръ. Когда кто-нибудь такъ много для васъ дѣлаетъ и хочетъ, чтобы у васъ было все, чего вы не пожелаете, понятно,

что вы его полюбите, если онъ и не родня вамъ; а когда онъ вамъ родня и все это дѣлаетъ, то какъ же не любить его.

— Думаешь ли ты,—спросилъ м-ръ Хавишамъ,— что онъ будетъ любить тебя?

— Думаю, что будетъ, — сказалъ Кедрикъ, — потому что вѣдь и я ему родственникъ, да еще сынъ его сына, такъ какъ же вы думаете — конечно, онъ долженъ теперь полюбить меня, а то онъ не сталъ бы для меня дѣлать все, что мнѣ хочется, и не послалъ бы васъ за мною!

— О! — замѣтилъ адвокатъ. — Такъ ли это?

— Да, это такъ, — сказалъ Кедрикъ. — А развѣ вы не такъ же думаете? Конечно, дѣдушка полюбитъ своего внучка.

Не успѣли еще захворавшіе морскою болѣзнью пассажиры оправиться и выйти на палубу отдохнуть, какъ уже всякій, казалось, зналъ романтическую исторію юнаго лорда Фонтлероя. Всѣ съ участіемъ относились къ мальчику, то бѣгавшему взадъ и впередъ по пароходу, то гулявшему съ матерью или съ высокимъ, худымъ адвокатомъ, то вступавшему въ бесѣду съ матросами. Всѣ любили его; всюду онъ пріобрѣталъ себѣ друзей. Онъ очень охотно дружился. Когда мужчины, прохаживаясь по палубѣ, заставляли и его ходить съ собою, онъ шагалъ рядомъ съ ними бравой, увѣренной походкой и съ веселымъ оживленіемъ отвѣчалъ на ихъ шутки. Если съ нимъ заговаривали дамы, то вокругъ него всегда раздавался смѣхъ; стоило ему начать игру съ дѣтьми и игра принимала характеръ самой громкой, оживленной веселости. У него завелись самые сердечные

друзья и между матросами; онъ слушалъ ихъ чудесные разсказы о пиратахъ, о кораблекрушеніяхъ, о пустынныхъ островахъ, научился сплеснивать канаты, оснащивать игрушечные корабли и пріобрѣлъ большія познанія насчетъ марселей и гротъ-рифовъ. Разговоръ его принималъ порою совсѣмъ матросскую окраску; однажды онъ заставилъ разразиться взрывомъ хохота группу дамъ и кавалеровъ, сидѣвшихъ на палубѣ закутанными въ шарфы и теплыя пальто, тѣмъ, что своимъ неподражаемо милымъ невиннымъ тономъ произнесъ:

— Чортъ возьми, какой нынче холодный день!

Онъ удивился, когда стали смѣяться. Это матросское выраженіе было подхвачено имъ отъ одного «стараго моряка», по имени Джерри, разсказывавшаго ему исторіи, гдѣ это выраженіе употреблялось то и дѣло. Судя по разсказамъ о его собственныхъ приключеніяхъ, Джерри совершилъ около двухъ или трехъ тысячъ путешествій и каждый разъ обязательно претерпѣвалъ крушеніе или попадалъ на какой-нибудь островъ, густо населенный кровожадными людоѣдами. Принимая во вниманіе эти поразительныя приключенія, приходилось сдѣлать тотъ необходимый выводъ, что его жарили и съѣдали и скальпировали разъ пятнадцать или двадцать, по крайней мѣрѣ.

— Оттого онъ и такой лысый,—объяснялъ лордъ Фонтлерой своей матери. — Когда тебя нѣсколько разъ оскальпируютъ, тогда волосы совсѣмъ перестаютъ расти. Вотъ и у него они не растутъ больше съ того послѣдняго раза, какъ вождь парромавачикинцевъ снялъ съ него скальпъ ножомъ, сдѣланнымъ изъ

черепа предводителя вупслемимкисовъ. Онъ говоритъ, что ему никогда не приходилось такъ плохо, какъ въ этотъ разъ. Онъ былъ такъ испуганъ, когда вождь замахнулся надъ нимъ своимъ ножомъ, что волосы встали у него дыбомъ, такими торчащими и остались на скальпѣ; вождь и до сихъ поръ носитъ этотъ скальпъ, очень похожій на головную щетку. Я еще никогда не слыхалъ о такихъ страшныхъ приключеніяхъ, какія случались съ Джерри. Мнѣ бы очень хотѣлось разсказать о нихъ м-ру Хоббсу!

Иногда, въ дурную погоду, когда пассажиры не выходили на верхнюю палубу, оставаясь въ каютъ-кампаніи, взрослые друзья Кедрика любили заставлять его разсказывать имъ объ этихъ приключеніяхъ Джерри; и когда онъ усаживался и съ одушевленіемъ передавалъ эти разсказы, казалось, ни ѵн одномъ пароходѣ, переѣзжающемъ Атлантику, не было такого популярнаго путешественника, какъ лордъ Фонтлерой. Онъ всегда былъ готовъ по-своему по-дѣтски, способствовать общему развлеченію и что составляло въ немъ особую прелесть, это полное несознаніе имъ такого значенія для другихъ своей юной особы.

— Исторія Джерри очень интересуетъ ихъ, — говорилъ онъ своей мамѣ. — Что меня касается, — ты должна извинить меня, Милочка, — иной разъ я думаю, что имъ нельзя было бы вполнѣ повѣрить, если бы онѣ случились не съ самимъ Джерри; но такъ какъ онѣ всѣ случились съ Джерри — стало-быть онѣ только очень странны, ты понимаешь; а можетъ-быть, онъ иногда забываетъ и немножко ошибается, потому что его нѣсколько разъ скальпи-

ровали. Понятно, что человѣкъ начинаетъ плохо помнить, если съ него сняли такъ много скальповъ.

Черезъ одиннадцать дней послѣ того, какъ онъ распрощался съ своимъ другомъ Дикомъ, они пріѣхали въ Ливерпуль, и въ ночь двѣнадцатаго дня экипажъ, повезшій его съ матерью и съ м-ромъ Хавишамомъ со станціи, остановился у воротъ Каъртъ Лоджа. Таково было названіе дома, назначеннаго графомъ для помѣщенія м-ссъ Эрроль. Вслѣдствіе темноты зданіе нельзя было разсмотрѣть какъ слѣдуетъ. Кедрикъ успѣлъ только замѣтить, что отъ воротъ вела дорога, обсаженная большими развѣсистыми деревьями и, когда вскорѣ карета доѣхала до самаго дома, онъ увидѣлъ открытую дверь и хлынувшій изъ нея потокъ яркаго свѣта.

Джерри разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ.

Мэри пріѣхала съ ними, чтобы ухаживать за барыней, и добралась сюда раньше ихъ. Выпрыгнувъ изъ кареты, Кедрикъ увидалъ въ обширной, сильно освѣщенной передней одного или двухъ слугъ и Мэри, стоявшую въ дверяхъ.

Лордъ Фонтлерой бросился къ ней съ радостнымъ крикомъ.

— Ты уже пріѣхала, Мэри?—сказалъ онъ.—Мэри здѣсь, Милочка, — и онъ поцѣловалъ служанку въ ея грубую, красную щеку.

— Я очень рада, что ты здѣсь, Мэри, — тихо сказала ей м-ссъ Эрроль. — Для меня такое утѣшеніе видѣть тебя. Теперь мнѣ не такъ дико будетъ казаться здѣсь.

И она протянула ей свою маленькую руку, которую Мэри крѣпко сжала въ знакъ своего непритворнаго сочувствія и какъ бы желая ободрить хозяйку. Она знала, какъ живо должна была чувствовать молодая мать тяжесть своего новаго положенія, покинувъ родину и готовясь отдать своего ребенка.

Англійскіе слуги съ любопытствомъ смотрѣли и на мать и на мальчика. До нихъ дошло уже не мало слуховъ насчетъ новоприбывшихъ; они знали, какъ прогнѣванъ былъ старый графъ и почему мать должна была жить въ этомъ домѣ, а ея маленькій сынъ въ за́мкѣ; имъ было хорошо извѣстно, какое большое наслѣдство ожидало его, и какой суровый, непреклонный и сварливый человѣкъ былъ его дѣдъ и что онъ страдалъ подагрой.

— Не легко ему будетъ, бѣдному мальчонкѣ, — говорили они между собою.

Но они не знали, каковъ былъ этотъ, попавшій къ нимъ маленькій лордъ; они не могли предвидѣть, что выйдетъ изъ будущаго графа Доринкура.

Онъ снялъ съ себя пальто, какъ человѣкъ, привыкшій обходиться безъ посторонней помощи, и началъ осматриваться кругомъ. Онъ глядѣлъ на высокую переднюю, на украшавшія ее картины, оленьи рога и другія удивительныя вещи. Онѣ казались ему любопытными, потому что ему еще не приходилось видѣть чего-нибудь подобнаго въ частныхъ домахъ.

— Милочка, — сказалъ онъ, — это очень хорошій домъ, не правда ли? Я радъ, что ты будешь жить здѣсь. Это очень большой домъ.

Дѣйствительно, домъ этотъ былъ очень великъ въ сравненіи съ тѣмъ, который они съ матерью занимали на одной изъ глухихъ улицъ Нью-Йорка, и, несмотря на свою величину, смотрѣлъ привѣтливо и уютно. Мэри ввела ихъ по лѣстницѣ въ обитую ситцемъ спальню, гдѣ топился каминъ, и, нѣжась на пушистомъ коврѣ передъ нимъ, спала большая снѣжно-бѣлая персидская кошка.

— Это вамъ прислала экономка изъ замка, — объяснила Мэри. — Она добрая женщина и старалась все для васъ приготовить. Сама я видѣла ее нѣсколько минутъ; она, говоритъ, очень любила капитана, сударыня, и горюетъ о немъ. — Пускай, — говоритъ, — кошка спитъ здѣсь, на коврѣ: съ нею комната все-таки поуютнѣе вамъ покажется. — Она знала капитана Эрроль еще мальчикомъ. — Красивый же, — говоритъ, — былъ онъ мальчикъ и прекрасный молодой человѣкъ, всегда находившій доброе слово для стараго и малаго. — Онъ оставилъ сына, — говорю

я ей, — ни дать ни взять такой же, какъ отецъ — любо-дорого посмотрѣть.

Переодѣвшись, они спустились внизъ, въ другую комнату, съ низкимъ потолкомъ; здѣсь стояла тяжелая рѣзная мебель, большіе стулья съ массивными спинками, прихотливые полки и комоды съ странными, затѣйливыми украшеніями. Передъ каминомъ вмѣсто ковра лежала большая тигровая шкура, и съ каждой стороны стояло по креслу. Важная бѣлая кошка не устояла передъ ласками маленькаго лорда; она послѣдовала за нимъ внизъ и, когда мальчикъ усѣлся на тигровой шкурѣ передъ каминомъ, кошка мурлыча расположилась съ нимъ рядомъ, какъ бы намѣреваясь вступить съ нимъ въ дружбу. Кедрику это такъ понравилось, что онъ положилъ свою голову рядомъ съ головой кошки и принялся ее гладить, не обращая вниманія на то, что говорили между собой его мать и м-ръ Хавишамъ.

А разговоръ ихъ велся тихимъ голосомъ. М-ссъ Эрроль казалась нѣсколько блѣдною и взволнованною.

— Сегодня ему не слѣдуетъ туда ѣхать? — спросила она. — Онъ переночуетъ со мною?

— Да,— отвѣтилъ м-ръ Хавишамъ такъ же тихо:— нынче ему уже нечего туда ѣхать. Сейчасъ же послѣ обѣда я самъ поѣду въ замокъ и сообщу графу о нашемъ пріѣздѣ.

М-ссъ Эрроль посмотрѣла на Кедрика. Въ красивой, беззаботной позѣ лежалъ онъ на пестрой шкурѣ; огонь отражался на его миловидномъ раскраснѣвшемся личикѣ, и волнистыя пряди его волосъ спускались на коверъ; пушистая кошка сладко

«...кошка сладко мурлыкала, видимо довольная ласковымъ поглаживаніемъ маленькой ручки...»

мурлыкала, видимо довольная ласковымъ поглаживаніемъ маленькой ручки.

М-ссъ Эрроль слабо улыбнулась.

— Его сіятельство не понимаетъ, чего онъ лишаетъ меня, — сказала она съ оттѣнкомъ грусти и посмотрѣла на адвоката. — Не возьмете ли вы на себя, — продолжала она, — сказать ему, что мнѣ бы не хотѣлось получать отъ него деньги?

— Деньги! — воскликнулъ м-ръ Хавишамъ. — Вы, конечно, говорите не о доходѣ, который онъ намѣренъ предоставить вамъ?

— Да, — отвѣчала она совершенно просто, — я думаю, что лучше мнѣ не получать его. Я принуждена согласиться жить въ принадлежащемъ ему домѣ и благодарю его за это, потому что это позволяетъ мнѣ быть вблизи моего ребенка; но денегъ у меня есть нѣсколько своихъ — для моей скромной жизни ихъ хватитъ, принимать же отъ него что-нибудь сверхъ этого мнѣ не хотѣлось бы. При такомъ недружелюбіи его ко мнѣ, мнѣ казалось бы, какъ будто я продала ему Кедрика. Я уступаю его лишь потому, что, любя его, я забываю себя ради его блага и потому, что его покойный отецъ пожелалъ бы для него того же самаго.

М-ръ Хавишамъ потеръ свой подбородокъ.

— Это весьма странно, — сказалъ онъ. — Графъ очень разсердится. Онъ не пойметъ этого.

— Я думаю, что онъ пойметъ, когда хорошенько обдумаетъ, — возразила она. — Мнѣ въ самомъ дѣлѣ деньги не нужны, и зачѣмъ стала бы я принимать предметы роскоши отъ человѣка который ненавидитъ

меня настолько, что беретъ отъ меня моего ребенка — дитя своего собственнаго сына?

М-ръ Хавишамъ оставался нѣсколько минутъ въ раздумьи.

— Я передамъ ваше порученіе, — сказалъ онъ потомъ.

Затѣмъ поданъ былъ обѣдъ, за который они сѣли всѣ вмѣстѣ; на стулѣ рядомъ съ Кедрикомъ помѣстилась кошка и все время громко мурлыкала.

Когда, поздно вечеромъ, м-ръ Хавишамъ явился въ замокъ, то принятъ былъ графомъ немедленно. Онъ засталъ его сидящимъ въ роскошномъ мягкомъ креслѣ подлѣ камина, при чемъ больная нога его покоилась на особой скамейкѣ. Графъ проницательно взглянулъ на адвоката изъ-подъ своихъ густыхъ, нависшихъ бровей, но м-ръ Хавишамъ могъ видѣть, что, несмотря на его желаніе придать себѣ спокойный видъ, онъ былъ въ нервномъ состояніи и внутренно взволнованъ.

— Ну, — сказалъ онъ, — ну, Хавишамъ, вы вернулись? Что новаго?

— Лордъ Фонтлерой и его мать находятся въ Кауртъ-Лоджѣ, — отвѣчалъ м-ръ Хавишамъ. — Они хорошо перенесли дорогу и находятся въ вождѣленномъ здоровьѣ.

Графъ издалъ полунетерпѣливый звукъ и безпокойно двинулъ рукою.

— Радъ это слышать, — сказалъ онъ отрывисто. — Пока хорошо и это. Садитесь поудобнѣе и налейте себѣ стаканъ вина. Еще что?

— Лордъ Фонтлерой остается сегодня съ матерью. Завтра я привезу его въ замокъ.

Локоть графа покоился на ручкѣ кресла; онъ поднялъ руку и заслонилъ ею глаза.

— Хорошо, — произнесъ онъ, — продолжайте. Вы знаете, я просилъ васъ не писать мнѣ объ этомъ дѣлѣ, и ничего о немъ не знаю. Что онъ за мальчикъ? Матерью я не интересуюсь; что онъ за мальчикъ?

М-ръ Хавишамъ отпилъ немного портвейна и продолжалъ держать стаканъ въ рукѣ.

— Нѣсколько трудно судить о характерѣ семилѣтняго ребенка, — проговорилъ онъ осторожно.

Предубѣжденія графа были очень сильны. Онъ кинулъ быстрый взглядъ и произнесъ недоброе слово.

— Дуракъ онъ, должно-быть? — воскликнулъ графъ. — Или неуклюжій медвѣженокъ? Навѣрное, сказывается американская кровь, да?

— Я не думаю, чтобы она принесла ему вредъ, ваше сіятельство, — отвѣтилъ адвокатъ своимъ сухимъ разсудительнымъ тономъ. — Я плохо знаю дѣтей, но считаю его скорѣе милымъ малымъ.

Онъ всегда говорилъ сдержанно и неторопливо, а въ данномъ случаѣ рѣчь его была еще невозмутимѣе. Ему казалось, что лучше предоставить графу судить самому и оставить его неприготовленнымъ къ его первой встрѣчѣ съ внукомъ.

— Здоровый и рослый? — освѣдомился графъ.

— Повидимому, очень здоровый и самаго настоящаго роста, — отвѣтилъ адвокатъ.

— Стройно сложенъ и недуренъ собой? — спросилъ графъ.

Едва замѣтная улыбка мелькнула на губахъ м-ра Хавишама. Его умственному взору представилась кар-

тина, которую онъ только что покинулъ въ Каурть-Лоджѣ: красивая, граціозная дѣтская фигура, лежащая въ беззаботной позѣ на тигровой шкурѣ; блестящія пряди волосъ, небрежно ниспадавшія на коверъ; открытое, румяное личико.

— По-моему, для ребенка, его можно назвать скорѣе красивымъ, — сказалъ онъ, — хотя я, можетъ-быть, и плохой судья. Но смѣю сказать, онъ покажется вамъ не совсѣмъ похожимъ на большинство англійскихъ дѣтей.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, — проворчалъ графъ подъ вліяніемъ подагрической схватки. — Дерзкіе попрошайки эти американскія дѣти; слыхалъ о нихъ не мало.

— Въ данномъ случаѣ назвать мальчика дерзкимъ было бы не совсѣмъ точно, — замѣтилъ м-ръ Хавишамъ. — Я затрудняюсь объяснить это различіе. Но онъ жилъ больше съ большими, чѣмъ съ дѣтьми, и особенность его та, что въ немъ есть смѣсь зрѣлости съ наивностью.

— Американское безстыдство! — протестовалъ графъ. — Я слыхалъ о немъ раньше. Они называютъ это раннимъ развитіемъ и свободой. Скотскіе, наглые нравы — вотъ это что!

М-ръ Хавишамъ хлебнулъ портвейна. Онъ не имѣлъ обыкновенія оспаривать мнѣнія своего высокаго патрона, тѣмъ менѣе, когда нога его сіятельства страдала отъ подагры. Въ такихъ случаяхъ благоразумнѣе было предоставлять его самому себѣ. Поэтому и въ данномъ случаѣ разговоръ на нѣсколько минутъ прервался. Первый нарушилъ молчаніе м-ръ Хавишамъ.

— Я имѣю передать вамъ порученіе отъ м-ссъ Эрроль, — замѣтилъ онъ.

— Не желаю слушать отъ нея никакихъ порученій! — проворчалъ вельможа: — чѣмъ меньше я о ней слышу, тѣмъ лучше.

— Дѣло довольно серіозное, — объяснилъ адвокатъ. — Она предпочитаетъ не принимать дохода, который вы ей опредѣлили.

Графъ видимо поразился.

— Что такое? — закричалъ онъ. — Что такое?

М-ръ Хавишамъ повторилъ свои слова.

— Она говоритъ, что ей этого не нужно, и такъ какъ отношенія между вами не дружественныя...

— Не дружественныя! — дико разразился его сіятельство. — Думаю, что не дружественныя! Мнѣ ненавистна самая мысль о ней! Продажная, крикливая американка! Я не желаю видѣть ея!

— Ваше сіятельство, — сказалъ м-ръ Хавишамъ, — врядъ ли вы можете назвать ее продажной. Она ничего не потребовала. Она не беретъ денегъ, которыя вы ей предлагаете.

— Все только для показа! — прошипѣлъ старый лордъ. — Она хочетъ заманить меня на свиданье съ ней. Думаетъ, что я приду въ восторгъ отъ ея характера. Не нужно мнѣ его! Это только американская независимость. Очень мнѣ нужно, чтобы она нищею жила у воротъ моего парка. Разъ она мать этого мальчика, то должна занимать извѣстное положеніе, и она займетъ его. Она будетъ получать деньги, хочетъ она этого или не хочетъ!.

— Она не будетъ ихъ тратить, — замѣтилъ м-ръ Хавишамъ.

— Не мое дѣло, будетъ она ихъ тратить или нѣтъ! — кричалъ графъ. — Деньги ей будутъ посылаться. Я не допущу, чтобы она могла разсказывать людямъ, будто принуждена жить въ бѣдности, потому что я ничего ей не далъ! Ей нужно, чтобы ребенокъ получилъ обо мнѣ дурное мнѣніе! Она, уже, навѣрное, настроила его противъ меня?

— Нѣтъ, — сказалъ м-ръ Хавишамъ. — Я имѣю другое порученіе, которое докажетъ вамъ, что она этого не сдѣлала.

— Ничего не хочу слышать! — горячился графъ, совсѣмъ задыхаясь отъ злобы, волненія и подагры.

М-ръ Хавишамъ все-таки высказался.

— Она проситъ васъ не говорить лорду Фонтлерою ничего такого, что заставило бы его подозрѣвать, будто вы разлучаете его съ матерью вслѣдствіе своихъ предубѣжденій противъ нея. Онъ очень ее любитъ, и она убѣждена, что это поставило бы преграду между нимъ и вами. По ея словамъ, онъ бы этого не понялъ и потому сталъ бы нѣсколько бояться васъ, или, по меньшей мѣрѣ, это уменьшило бы чувство его расположенія къ вамъ. Она сказала ему, что онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понять причину этого, но услышитъ это впослѣдствіи, когда будетъ постарше. Она желаетъ, чтобы на вашу первую встрѣчу не легло никакой тѣни.

Графъ откинулся на спинку кресла. Его глубоко сидѣвшіе, свирѣпо смотрѣвшіе глаза сверкали изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Вотъ какъ! — произнесъ онъ задыхаясь. — Вотъ какъ! Вы говорите, что мать ему ничего не сказала!

— Ни слова, мой лордъ, — холодно отвѣчалъ адвокатъ. — Въ этомъ могу васъ увѣрить. Ребенокъ приготовленъ къ тому, чтобы считать васъ самымъ любезнымъ и нѣжнымъ изъ дѣдушекъ. Ничего, рѣшительно ничего не было ему сказано, что могло бы хотя въ малѣйшей степени заставить его усомниться въ вашихъ достоинствахъ. И такъ какъ я во всей точности слѣдовалъ вашимъ приказаніямъ, пока находился въ Нью-Йоркѣ, то онъ, навѣрное, считаетъ васъ чудомъ великодушія.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ графъ.

— Даю вамъ честное слово, — сказалъ м-ръ Хавишамъ, — что впечатлѣніе, которое вы произведете на лорда Фонтлероя, будетъ всецѣло зависѣть отъ васъ. И если вы простите мнѣ мою смѣлость, то я позволю себѣ высказать вамъ свое мнѣніе, что вы будеге имѣть у него больше успѣха, если остережетесь отзываться легко о его матери.

— Ба, ба! — произнесъ графъ. — Мальчишкѣ вѣдь всего семь лѣтъ.

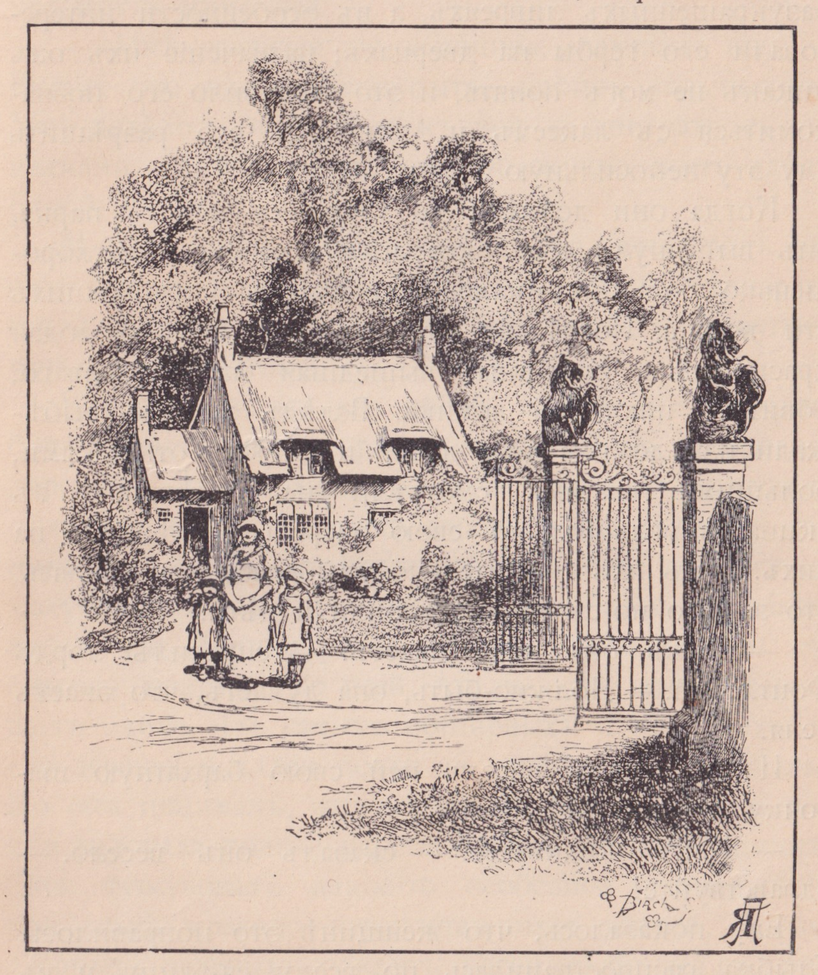
— Эти семь лѣтъ онъ провелъ неразлучно съ своею матерью, — возразилъ м-ръ Хавишамъ, — и она всецѣло господствуетъ въ его сердцѣ.

V.

Было уже совсѣмъ къ вечеру, когда карета съ лордомъ Фонтлероемъ и мистеромъ Хавишамомъ проѣзжала по длинной аллеѣ, ведущей къ замку. Графъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы внукъ пріѣхалъ къ его обѣду, и по причинѣ, лучше всего извѣстной ему самому, онъ приказалъ также прислать ребенка

одного въ комнату, назначенную имъ для его пріема.

Пока экипажъ катился по аллеѣ, лордъ Фонтле-

«...ворота отворила молодая краснощекая женщина, вышедшая изъ красиваго домика...»

рой, съ удовольствіемъ откинувшись на роскошныя мягкія подушки, съ большимъ интересомъ всматривался въ окружающее. Въ самомъ дѣлѣ, все занимало

его: и экипажъ съ запряженными въ него большими, прекрасными лошадьми въ блестящей упряжи, и высокій, рослый кучеръ, и выѣздной лакей, въ ихъ разукрашенныхъ ливреяхъ, а въ особенности интересовали его гербы на дверцахъ; назначеніе ихъ онъ никакъ не могъ понять, и это заставило его познакомиться съ лакеемъ и попросить его разрѣшить ему эту непосильную задачу.

Когда они доѣхали до главныхъ воротъ парка, онъ выглянулъ изъ окна, чтобы разсмотрѣть хорошенько большихъ каменныхъ львовъ, украшавшихъ эти ворота. Послѣднія отворила для нихъ молодая краснощекая женщина, вышедшая изъ красиваго, обвитаго плющемъ домика. Вслѣдъ за нею выбѣжали изъ домика двое дѣтей и широко открытыми, большими глазами смотрѣли на сидѣвшаго въ экипажѣ мальчика, въ свою очередь глядѣвшаго на нихъ. Мать ихъ почтительно улыбалась и кланялась, что за нею по-своему повторили и дѣти.

— Развѣ она меня знаетъ? — спросилъ лордъ Фонтлерой. — Должно-быть, она думаетъ, что знаетъ меня.

И онъ снялъ передъ ней свою бархатную шапочку и улыбнулся.

— Какъ поживаете? — сказалъ онъ весело. — Здравствуйте!

Ему показалось, что женщинѣ это понравилось. Улыбка распространилась по всему ея лицу и въ глазахъ блеснуло доброе чувство.

— Дай вамъ Богъ здоровья, баринъ! — сказала она. — Желаю счастья вашему благородію! — милости просимъ!

Лордъ Фонтлерой взмахнулъ своей шапочкой и еще разъ кивнулъ ей головой, когда карета промелькнула мимо нея.

— Мнѣ нравится эта женщина, — сказалъ онъ. — Видно, что она, должно-быть, любитъ мальчиковъ. Мнѣ хотѣлось бы прійти къ ней и поиграть съ ея дѣтками. Мнѣ кажется, что ей скучно жить здѣсь одной.

М-ръ Хавишамъ не сказалъ ему, что врядъ ли ему будетъ позволено играть съ дѣтьми привратницы. Адвокатъ думалъ, что еще успѣетъ предупредить его объ этомъ.

Карета катилась все время между прекрасными большими деревьями, росшими по обѣимъ сторонамъ дороги и простиравшими надъ нею свои широкія, кудрявыя вѣтви. Кедрикъ никогда еще не видалъ такихъ большихъ, развѣсистыхъ деревьевъ, съ такими могучими, толстыми стволами. Онъ еще не зналъ тогда, что Доринкурскій замокъ принадлежалъ къ самымъ лучшимъ во всей Англіи, что этотъ паркъ былъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ, и его деревья и аллеи почти не имѣли себѣ равныхъ. Но онъ понималъ, что все это было очень прекрасно. Его радовала полная царствовавшая повсюду тишина. Онъ чувствовалъ какое-то особенное удовольствіе при видѣ красиво переплетавшихся вѣтвей, безчисленныхъ зеленыхъ лужаекъ, перемежавшихся съ причудливыми очертаніями разнообразныхъ кустарниковъ и деревьевъ, то одиноко возвышавшихся своими стройными стволами среди мягкаго травяного ковра, то сходившихся вмѣстѣ въ красивыя группы и куртины. Мѣстами поднимались цѣлыя кущи высокихъ

папоротниковъ, чередовавшихся съ открытыми луговинами, казавшимися голубымъ ковромъ отъ массы покрывавшихъ ихъ колокольчиковъ. Нѣсколько разъ онъ вскакивалъ съ радостнымъ смѣхомъ, когда изъ-подъ зелени выскакивалъ кроликъ и быстрыми прыжками снова скрывался отъ нихъ, поднявъ кверху свой короткій бѣленькій хвостикъ. Разъ даже шумно поднялась съ земли цѣлая стая куропатокъ и заставила его захлопать въ ладоши отъ восторга.

— Не правда ли, какое это прекрасное мѣсто? — обратился онъ къ м-ру Хавишаму. — Я никогда не видалъ такого прекраснаго мѣста. Оно даже лучше нашего Центральнаго парка.

Ему показалось нѣсколько страннымъ, что они такъ долго находятся въ пути.

— Далеко ли, — спросилъ онъ, наконецъ, — отъ воротъ до параднаго подъѣзда?

— Отъ трехъ до четырехъ миль, — сказалъ адвокатъ.

— Какъ можно такъ далеко жить отъ своихъ воротъ, — замѣтилъ маленькій лордъ.

Каждыя пять минутъ онъ видѣлъ что-нибудь новое, что поражало и забавляло его. Онъ пришелъ въ восхищеніе, увидавъ оленей, однихъ спокойно лежавшихъ на травѣ, другихъ — повернувшихъ какъ бы въ нѣкоторомъ недоумѣніи свои прекрасно очерченныя головы въ сторону аллеи и смотрѣвшихъ на быстро катившійся экипажъ, на минуту нарушившій безмятежную тишину ихъ привольной жизни.

— Здѣсь былъ прежде циркъ? — воскликнулъ онъ съ оживленіемъ, — или они всегда живутъ здѣсь? Чьи они?

— Они живутъ здѣсь, — отвѣтилъ м-ръ Хавишамъ, — и принадлежатъ графу, вашему дѣдушкѣ.

Вскорѣ послѣ этого показался замокъ. Онъ всталъ передъ ними своею стройною и величественною сѣрою громадою, когда послѣдніе лучи заходившаго солнца отражались яркими блестками въ его многочисленныхъ окнахъ. Зданіе украшено было множествомъ зубцовъ, башенъ и башенокъ; стѣны его мѣстами скрывались подъ густою зеленью плюща, а передъ главнымъ фасадомъ простиралось обширное открытое пространство, разбитое на террасы, лужайки и куртины великолѣпныхъ цвѣтовъ.

— Никогда я не видалъ такого прелестнаго мѣста! — сказалъ Кедрикъ, при чемъ его круглое личико горѣло краскою удовольствія. — Это напоминаетъ какой-нибудь царскій дворецъ, въ родѣ тѣхъ, что я видалъ на картинкахъ въ одной книжкѣ со сказками.

Онъ увидалъ растворенныя настежь большія входныя двери и множество стоявшихъ въ два ряда и смотрѣвшихъ на него слугъ. Не понимая, для чего они тутъ стояли, онъ съ удивленіемъ разсматривалъ ихъ ливреи. Онъ не зналъ, что они были собраны здѣсь для оказанія почета маленькому мальчику, имѣющему со временемъ наслѣдовать весь этотъ блескъ — прекрасный, какъ въ сказкахъ, замокъ, великолѣпный паркъ, большія старыя деревья, лужайки съ папоротниками и колокольчиками, гдѣ играли зайцы и кролики и паслись сѣрые большеглазые олени. Какихъ-нибудь двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, болтая ногами, сидѣлъ на высокомъ стулѣ у м-ра Хоббса, среди картофеля и обсахарен-

ныхъ персиковъ: ему и въ голову не могло прійти тогда, какая роскошь ожидаетъ его въ такомъ близкомъ будущемъ. Во главѣ шеренги слугъ стояла пожилая женщина въ богатомъ черномъ шелковомъ платьѣ, съ чепчикомъ на головѣ. Когда онъ вошелъ въ переднюю, она выступила нѣсколько впередъ, и по выраженію ея глазъ ребенокъ замѣтилъ, что она хочетъ заговорить съ нимъ. Державшій его за руку м-ръ Хавишамъ остановился на минуту.

— Это лордъ Фонтлерой, м-ссъ Мэллонъ, — сказалъ онъ. — Лордъ Фонтлерой, это м-ссъ Мэллонъ — экономка.

Кедрикъ подалъ ей руку, и глаза его оживились.

— Это вы прислали кошку? — спросилъ онъ. — Я вамъ очень благодаренъ, сударыня.

Пріятное лицо м-ссъ Мэллонъ приняло такое же выраженіе удовольствія, съ какимъ передъ тѣмъ встрѣтила его привратница.

— Я бы всюду узнала его милость, — сказала она м-ру Хавишаму. — У него и выраженіе и манеры совсѣмъ какъ у покойнаго капитана. Знаменательный сегодня день, сэръ.

Кедрикъ недоумѣвалъ, почему этотъ день могъ быть знаменательнымъ. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на м-ссъ Мэллонъ. Ему даже показалось, какъ будто на глазахъ ея сверкнули слезы; во всякомъ случаѣ, замѣтно было, что она довольна настоящимъ событіемъ. Пріятно улыбаясь, смотрѣла она на него.

— Кошка оставила здѣсь двухъ прекрасныхъ котятъ, — сказала она: — мы отправимъ ихъ въ комнату вашей милости.

М-ръ Хавишамъ сказалъ ей тихо нѣсколько словъ.

— Въ библіотекѣ, сэръ, — отвѣтила м-ссъ Мэллонъ. — Приказано ввести туда его милость одного.

Нѣсколько минутъ спустя, самый высокій изъ ливрейныхъ лакеевъ, проводившій Кедрика до двери библіотеки, отворилъ ее и торжественнымъ тономъ произнесъ:

— Лордъ Фонтлерой, ваше сіятельство.

Какъ ни скромно было его положеніе въ домѣ, тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ важность настоящей минуты, когда наслѣдникъ возвращается въ свою родную страну и свои собственныя владѣнія и является передъ графомъ, мѣсто и титулъ котораго онъ долженъ получить со временемъ.

Кедрикъ очутился въ очень большой и роскошной комнатѣ, съ массивною рѣзною мебелью и безчисленнымъ множествомъ полокъ съ книгами; мебель была такая темная, драпировки такія тяжелыя и окна настолько глубоко скрывались въ своихъ впадинахъ, что комната казалась безконечно длинною и поражала своею мрачностью. Кедрикъ подумалъ, было, что въ комнатѣ никого не было, но вслѣдъ за тѣмъ онъ разглядѣлъ, что у топившагося камина стояло большое кресло и кто-то сидѣлъ въ немъ, но этотъ кто-то смотрѣлъ совсѣмъ не въ его сторону.

Наконецъ, онъ все-таки привлекъ на себя вниманіе. На полу, у кресла, лежала огромная собака, своими крупными размѣрами напоминавшая льва; громадный песъ величественно и медленно поднялся съ своего мѣста и, тяжело ступая, направился къ мальчику.

Тогда сидѣвшее въ креслѣ существо заговорило:

— Даугель, — произнесъ его голосъ, — пошелъ назадъ.

Но сердцу маленькаго лорда страхъ былъ такъ же чуждъ, какъ и недобрыя чувства; онъ никогда не отличался трусостью. Онъ положилъ руку на толстый ошейникъ собаки, и они вмѣстѣ пошли впередъ, при чемъ Даугель тяжело сопѣлъ.

Тогда только графъ поднялъ глаза. Кедрикъ увидалъ рослаго старика, съ щетинистыми бѣлыми волосами, сѣдыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ смотрѣли глубоко сидѣвшіе, съ свирѣпымъ выраженіемъ, глаза, отдѣлявшіеся другъ отъ друга крупнымъ орлинымъ носомъ. Взорамъ же графа представилась миловидная, изящная фигура мальчика въ черномъ бархатномъ костюмѣ, съ кружевнымъ воротникомъ, наполовину закрывавшимся красиво вьющимися локонами, окаймлявшими симпатичное, дѣтски-мужественное личико. Глаза его довѣрчиво-ласково встрѣтили суровый взглядъ стараго графа. Если бы этотъ замокъ принять за одинъ изъ тѣхъ дворцовъ, которые описываются въ сказкахъ, то юнаго лорда Фонтлероя можно бы смѣло счесть за уменьшенную копію сказочнаго принца, хотя онъ совсѣмъ и не сознавалъ этого, представляя собою скорѣе образецъ прекрасной маленькой феи. Но вотъ въ гордомъ сердцѣ старика-вельможи сказалось чувство торжества и восторга, когда онъ увидалъ, какой сильный, красивый мальчикъ былъ его внукъ и какъ безбоязненно онъ глядѣлъ на него, держа руку на шеѣ огромнаго пса. Старому дворянину было пріятно, что ребенокъ не обнаруживаетъ ни малѣй-

шей робости или страха ни передъ нимъ ни передъ собакой.

Кедрикъ смотрѣлъ на графа такъ же, какъ недавно смотрѣлъ на привратницу или на экономку — и совсѣмъ близко подошелъ къ нему.

«...—Вы графъ?—сказалъ онъ.—Я вашъ внукъ. Я лордъ Фонтлерой...»

— Вы графъ? — сказалъ онъ. — Я вашъ внукъ, знаете, котораго привезъ м-ръ Хавишамъ. Я лордъ Фонтлерой.

Онъ протянулъ руку, считая это необходимымъ выраженіемъ вѣжливости даже и съ графами.

— Надѣюсь, вы совершенно здоровы, — продолжалъ онъ самымъ привѣтливымъ тономъ. — Я очень радъ васъ видѣть.

Графъ потрясъ ему руку, при чемъ въ глазахъ его промелькнуло какое-то странное чувство; онъ былъ такъ удивленъ, что въ первую минуту почти не зналъ, что ему сказать. Онъ пристально смотрѣлъ изъ-подъ густыхъ бровей на маленькую, миловидную фигуру, оглядывая ее съ головы до ногъ.

— Ты радъ меня видѣть, такъ ли? — сказалъ онъ.

— Да, и очень даже, — отвѣтилъ лордъ Фонтлерой.

Рядомъ съ нимъ стоялъ стулъ, и онъ сѣлъ на него. Это былъ стулъ съ большой спинкой и нѣсколько высокъ для мальчика, такъ что ноги не доставали у него до пола, когда онъ усѣлся какъ слѣдуетъ; но это обстоятельство, повидимому, нисколько его не безпокоило, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, скромно, но пристально смотрѣлъ на своего высокаго родственника.

— Я все думалъ, на кого вы можете быть похожи, — замѣтилъ онъ. — Лежу, бывало, въ своей койкѣ, на пароходѣ, и все думаю, похожи ли вы сколько-нибудь на моего отца.

— Ну, что же, похожъ я на него? — спросилъ графъ.

— Какъ вамъ сказать, — отвѣтилъ Кедрикъ: — я былъ очень молодъ, когда онъ умеръ, и не могу хорошенько припомнить его лица, но я не думаю, чтобы вы были на него похожи.

— Ты, должно-быть, ошибся въ своихъ предположеніяхъ? — освѣдомился дѣдъ.

— О, нѣтъ,—возразилъ вѣжливо Кедрикъ.—Конечно, пріятно, когда кто-нибудь похожъ на вашего отца; но, разумѣется, вамъ будутъ нравиться черты вашего дѣдушки, если даже онъ и не похожъ на вашего отца. Вы по себѣ знаете, какъ намъ нравятся наши родственники.

Графъ откинулся на спинку кресла и смотрѣлъ съ удивленіемъ. Про него совсѣмъ нельзя было сказать, будто онъ знаетъ, какъ любятъ своихъ родственниковъ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ томъ, что ссорился и враждовалъ съ своей родней, выгонялъ ее изъ дома, не скупился обзывать ее самыми оскорбительными прозвищами; зато и родня въ свою очередь искренно его ненавидѣла.

— Какой же мальчикъ не станетъ любитъ своего дѣдушку,— продолжалъ лордъ Фонтлерой,— особенно если онъ такъ добръ къ нему, какъ были вы?

Въ глазахъ стараго дворянина снова мелькнуло какое-то странное выраженіе.

— О! — сказалъ онъ. — Развѣ я былъ добръ къ тебѣ?

— Да, — отвѣчалъ съ сіяющимъ лицомъ лордъ Фонтлерой, — я вамъ такъ благодаренъ за Бриджетъ, за торговку яблоками и за Дика!

— Бриджетъ!—изумился графъ.—Дикъ! Торговка яблоками!

— Да! — воскликнулъ Кедрикъ, — это тѣ самые, для которыхъ вы мнѣ давали всѣ эти деньги — деньги, которыя вы велѣли м-ру Хавишаму давать мнѣ, если я спрошу.

— Ха! — произнесъ его сіятельство. — Такъ вотъ оно что? Это деньги, которыя ты могъ тратить по желанію. Что же ты купилъ на нихъ? Хотѣлось бы узнать что-нибудь на этотъ счетъ.

Онъ сдвинулъ свои щетинистыя брови и устремилъ пристальный взглядъ на мальчика. Въ душѣ его очень интересовалъ вопросъ, какъ его внукъ воспользовался этими деньгами.

— О! — сказалъ лордъ Фонтлерой, — можетъ-быть, вы не знали о Дикѣ и о торговкѣ и о Бриджетъ. Я забылъ, что вы такъ далеко отъ нихъ живете. Это мои близкіе друзья. Видите ли, у Михаила была лихорадка...

— Кто это такое Михаилъ? — освѣдомился графъ.

— Михаилъ, это — мужъ Бриджетъ, и они были въ большомъ горѣ. Знаете, какъ плохо бываетъ человѣку, когда онъ нездоровъ и не можетъ работать и имѣетъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей. А Михаилъ былъ всегда трезвымъ человѣкомъ; и Бриджетъ приходила обыкновенно къ намъ и плакала; и въ тотъ вечеръ, когда у насъ былъ м-ръ Хавишамъ, она была въ кухнѣ и плакала, потому что имъ почти нечего было ѣсть и нечѣмъ было заплатить за квартиру; я и пошелъ повидаться съ ней, а м-ръ Хавишамъ послалъ за мной и сказалъ, что вы дали ему для меня денегъ. Я побѣжалъ тогда поскорѣе въ кухню и отдалъ ихъ Бриджетъ; и тогда все дѣло устроилось, и Бриджетъ почти не вѣрила своимъ глазамъ. Вотъ почему я такъ благодаренъ вамъ.

— О! — сказалъ графъ своимъ глубокимъ голосомъ, — такъ вотъ что ты для себя сдѣлалъ? Ну, а еще что?

Великанъ-собака не замедлила помѣститься рядомъ со стуломъ, на которомъ сидѣлъ Кедрикъ. Нѣсколько разъ она оборачивалась въ его сторону и смотрѣла на мальчика, какъ бы интересуясь его разговоромъ. Старый графъ, хорошо знавшій собаку, съ любопытствомъ наблюдалъ за нею. Даугель не принадлежалъ къ числу собакъ, привыкшихъ быстро знакомиться, и графъ недоумѣвалъ отчасти, видя, какъ спокойно сидитъ это животное подъ ласковымъ прикосновеніемъ дѣтской руки. И какъ разъ въ эту минуту величественный песъ кинулъ на лорда Фонтлероя новый, какъ бы испытующій взглядъ и вслѣдъ затѣмъ положилъ свою огромную морду на одѣтыя въ черный бархатъ колѣни мальчика.

Поглаживая рукою этого новаго друга, Кедрикъ отвѣтилъ:

— Ну, еще былъ тамъ Дикъ, — сказалъ онъ. — Вы бы полюбили Дика, онъ такой смирный.

— Что это за Дикъ? — спросилъ графъ.

— Онъ чистильщикъ сапоговъ, очень скромный и добрый малый и усердно дѣлаетъ свое дѣло.

— И онъ тоже одинъ изъ твоихъ друзей? — сказалъ графъ.

— Это мой старый другъ, – отвѣчалъ внучекъ.— Не такой старый, какъ мистеръ Хоббсъ, но все-таки старый. Онъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ, какъ разъ передъ отправленіемъ парохода.

Кедрикъ опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда старательно сложенную краснаго цвѣта вещь и съ видомъ торжества распустилъ ее въ воздухѣ. Это былъ красный шелковый платокъ съ большими пурпуровыми подковками и конскими головами.

— Вотъ что онъ мнѣ подарилъ, — сказалъ мальчикъ. — Я буду всегда беречь его. Его можно надѣвать на шею или носить въ карманѣ. Онъ купилъ его на первыя вырученныя деньги, послѣ того, какъ я откупилъ его отъ Джека и подарилъ ему новыя щетки. Это у меня на память. На часахъ м-ра Хоббса я написалъ стихи: «Когда увидишь сей стишокъ, то вспомни обо мнѣ, дружокъ!» Когда я смотрю на этотъ платокъ, то вспоминаю Дика.

Трудно было бы описать, что происходило въ душѣ его сіятельства графа Доринкура. Этого стараго вельможу удивить было не легко, такъ какъ онъ куда какъ много видѣлъ на свѣтѣ, но теперь онъ слышалъ нѣчто, столь новое для него, что прямо-таки не находилъ словъ, испытывая какое-то странное волненіе. Онъ никогда не обращалъ вниманія на дѣтей; да ему, занятому всегда своими собственными удовольствіями, не до дѣтей и было. Его не интересовали и собственные сыновья, пока были еще совсѣмъ юны — хотя онъ вспоминалъ иногда, что отецъ Кедрика былъ красивымъ и милымъ мальчикомъ. Самъ онъ былъ такъ себялюбивъ, что совсѣмъ чуждъ былъ удовольствію видѣть безкорыстіе въ другихъ. Онъ не имѣлъ понятія, какія бываютъ иной разъ ласковыя, довѣрчивыя, добрыя дѣти, и какъ невинны и безсознательны ихъ простыя, благородныя побужденія. Въ каждомъ мальчикѣ онъ, повидимому, всегда видѣлъ какое-то непріятное маленькое животное, себялюбивое, жадное, буйное, если ему только мало-мальски дать волю. Оба старшіе сына его доставляли своимъ надзирателямъ и наставникамъ только постоянное горе и безпокойство, хотя ему какъ будто по-

мнилось, что на младшаго сына ему приходилось слышать мало жалобъ, потому что на него не обращали особеннаго вниманія. Ему и въ голову никогда не приходило, что онъ когда-нибудь полюбитъ своего внука; онъ послалъ за Кедрикомъ лишь побуждаемый гордостью. Разъ мальчикъ долженъ былъ занять со временемъ его мѣсто, онъ не желалъ, чтобы имя его было опозорено переходомъ къ необразованному мужику. Онъ былъ увѣренъ, что если воспитать наслѣдника въ Америкѣ, то изъ него непремѣнно выйдетъ невѣжа. Въ немъ не было чувства расположенія къ своему внуку; вся надежда его была только на то, что онъ окажется приличной наружности и съ достаточнымъ запасомъ здраваго смысла. Онъ былъ такъ разочарованъ въ своихъ старшихъ сыновьяхъ и такъ возстановленъ противъ женитьбы капитана Эрроля на американкѣ, что рѣшительно не допускалъ возможности, чтобы изъ этого вышло что-нибудь порядочное. Когда лакей доложилъ о пріѣздѣ лорда Фонтлероя, ему было почти страшно взглянуть на мальчика, — настолько велика была его увѣренность встрѣтить въ немъ какъ разъ то, чего онъ боялся. Подъ вліяніемъ именно этого чувства онъ и велѣлъ впустить къ себѣ ребенка одного. Гордость не позволяла ему допускать кого-либо быть свидѣтелемъ его досады, если бы ему пришлось досадовать. Поэтому надменное, непреклонное сердце его затрепетало въ немъ, когда онъ увидалъ мальчика, шедшаго къ нему непринужденной, граціозной походкой, безстрашно положивъ руку на шею огромнаго дога. Даже въ тѣ минуты, когда графъ надѣялся на самое лучшее, его воображеніе никогда не рисовало ему внука такимъ,

какимъ онъ теперь стоялъ передъ нимъ. Ему почти не вѣрилось, что этотъ красивый, мужественный ребенокъ былъ тотъ самый мальчикъ, встрѣчи съ которымъ онъ такъ страшился, и мать котораго была ему столь ненавистна. Такая поразительная неожиданность совершенно поколебала безсердечную холодность стараго графа.

Между внукомъ и дѣдомъ началась бесѣда. Послѣдній продолжалъ все больше и больше удивляться мальчику. Во-первыхъ, привыкнувъ видѣть передъ собою людей, стѣснявшихся и даже чувствовавшихъ страхъ въ его присутствіи, графъ былъ увѣренъ, что такимъ же робкимъ и застѣнчивымъ окажется и его внукъ. Между тѣмъ, Кедрикъ такъ же мало испугался графа, какъ и Даугеля. Онъ не былъ дерзокъ, а только простодушно ласковъ и нисколько не сознавалъ, чтобы могла существовать какая-нибудь причина, которая бы заставляла его бояться или приходить въ смущеніе. Графъ не могъ не видѣть, что мальчикъ считалъ его другомъ, и по-дружески разговарилъ съ нимъ, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Было очевидно, что, сидя на своемъ высокомъ стулѣ и ведя пріятельскую бесѣду, онъ и въ мысляхъ не имѣлъ, чтобы этотъ большой, свирѣпо глядѣвшій старикъ могъ питать къ нему какія-нибудь непріязненныя чувства; напротивъ, онъ былъ увѣренъ, что тотъ очень радъ ему. Ясно было также, что онъ по-своему, по-дѣтски, желалъ понравиться дѣду и заинтересовать его. При всей суровости, при всемъ жестокосердіи и сухости своей природы, графъ не могъ не испытывать тайнаго и совершенно новаго для него чувства удовольствія при видѣ такого къ

себѣ довѣрія. Какъ бы то ни было, ему могло быть только пріятно встрѣтить человѣка, который не сомнѣвается въ немъ, не дрожитъ въ его присутствіи и не старается обнаружить въ немъ дурную сторону его характера — все равно, кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, смотрящій на него ясными, ничего не подозрѣвающими глазами — хотя бы даже маленькій мальчикъ въ черномъ бархатномъ костюмѣ.

Такимъ образомъ, старикъ откинулся на спинку кресла и, давъ волю своему юному собесѣднику продолжать разсказы о своемъ житьѣ-бытьѣ, не переставалъ внимательно наблюдать за мальчикомъ, устремивъ на него свой странный взглядъ. Лордъ Фонтлерой обнаруживалъ полную готовность отвѣчать на всѣ его вопросы и весело и непринужденно входилъ въ подробныя объясненія. Онъ разсказалъ ему все, что могъ, о Дикѣ и Джекѣ, о торговкѣ яблоками и м-рѣ Хоббсѣ; описывалъ народныя сборища во всей красѣ ихъ пестрой обстановки — со знаменами, транспарантами, факелами и ракетами. Мало-по-малу онъ дошелъ въ своихъ разсказахъ до четвертаго іюля и войны за освобожденіе, и уже пришелъ было въ полный восторгъ, какъ вдругъ, что-то вспомнивъ остановился.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ дѣдъ. — Почему ты не продолжаешь?

Лордъ Фонтлерой нѣсколько сконфуженно задвигался на своемъ стулѣ. Графу было ясно, что эта нечаянная остановка была вызвана какою-нибудь промелькнувшею въ умѣ мальчика внезапною мыслью.

— Мнѣ пришло сейчасъ въ голову, что, можетъ-быть, вамъ это не нравится, — отвѣтилъ онъ. — Можетъ-быть, кто-нибудь изъ вашихъ былъ тамъ въ это время. Я забылъ, что вы англичанинъ.

— Можешь продолжать, — сказалъ графъ. — Никто изъ близкихъ мнѣ тамъ не былъ. Ты забылъ, что и ты самъ англичанинъ.

— О, нѣтъ! — быстро возразилъ Кедрикъ. — Я американецъ!

— Ты англичанинъ, — повторилъ графъ сурово. — Твой отецъ былъ англичанинъ.

Ему пріятно было это сказать, но оно непріятно было Кедрику. Мальчикъ никогда не думалъ о подобной развязкѣ. Онъ чувствовалъ, что покраснѣлъ до корня волосъ.

— Я родился въ Америкѣ, — протестовалъ онъ. — Если вы родились въ Америкѣ, то, стало-быть, вы американецъ. Извините меня, — продолжалъ онъ съ видомъ серіозной вѣжливости, — что я противорѣчу вамъ. М-ръ Хоббсъ говорилъ мнѣ, что если бы случилась новая война, то мнѣ пришлось бы быть — быть американцемъ.

Графъ какъ-то жестко засмѣялся; это былъ короткій и суровый, но все-таки смѣхъ.

— Ты, говоришь, сдѣлался бы американцемъ? — сказалъ онъ.

Онъ ненавидѣлъ Америку и американцевъ, но его забавляло серіозное одушевленіе этого маленькаго патріота. Онъ подумалъ, что изъ такого хорошаго американца долженъ со временемъ выйти и хорошій англичанинъ.

Скоро позвали къ обѣду, такъ что имъ не пришлось углубиться въ бесѣду о революціи, да и лордъ Фонтлерой находилъ неловкимъ возвращаться къ этой темѣ.

Кедрикъ слѣзъ со стула и подошелъ къ своему вельможному дѣду. Онъ посмотрѣлъ на его больную ногу.

— Не позволите ли мнѣ помочь вамъ? — произнесъ онъ учтиво. — Знаете, вы можете опереться на меня. Одинъ разъ, когда у м-ра Хоббса болѣла нога,—на нее опрокинулась бочка съ картофелемъ—то онъ обыкновенно опирался на меня.

Рослый лакей чуть не лишился своей репутаціи и мѣста, улыбнувшись на эту фразу Кедрика. Это былъ аристократическій лакей, всегда жившій въ самыхъ лучшихъ, благородныхъ домахъ, и никогда не улыбался. Онъ, не шутя, самъ счелъ бы себя недостойнымъ своего истинно лакейскаго званія, допустивъ, чтобы какое бы то ни было обстоятельство могло заставить его сдѣлать такой непростительный поступокъ, какъ позволить себѣ улыбнуться. Но на этотъ разъ онъ не выдержалъ и, почувствовавъ весь ужасъ своего положенія, спасся только тѣмъ, что моментально устремилъ глаза черезъ голову графа на какую-то очень страшную картину.

Графъ смѣрилъ глазами своего мужественнаго внука съ головы до ногъ.

— Ты думаешь, что въ состояніи это сдѣлать? — спросилъ онъ сурово.

— Думаю, что могъ бы, — сказалъ Кедрикъ. — Я силенъ. Мнѣ, вы знаете, семь лѣтъ. Вы можете съ одной стороны опереться на свою палку, а съ дру-

гой — на меня. Дикъ говоритъ, что для семилѣтняго мальчика у меня очень хорошіе мускулы.

Онъ пригнулъ руку къ плечу, чтобы графъ могъ видѣть мускулы, заслужившіе похвалу Дика; при этомъ лицо его смотрѣло такъ серіозно и важно, что лакей счелъ необходимымъ еще пристальнѣе уставиться въ страшную картину.

— Хорошо, — сказалъ графъ, — можешь попробовать.

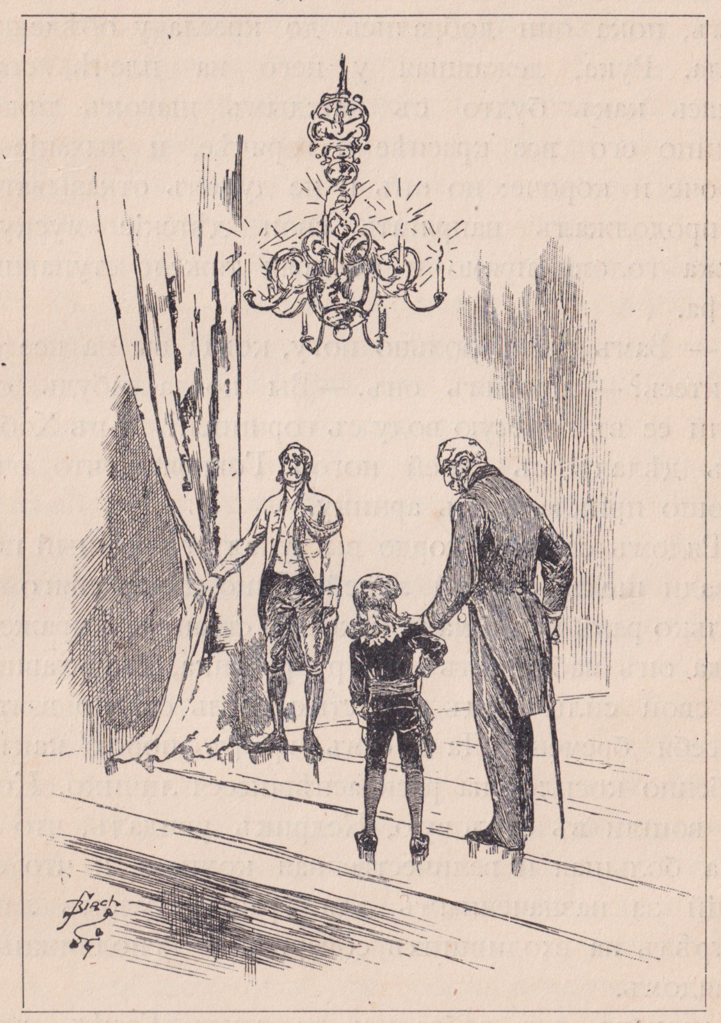
Кедрикъ подалъ ему палку и началъ помогать ему подняться. Обыкновенно это исполнялъ лакей и ему доставалось не мало проклятій, если въ такую минуту нога его сіятельства поражалась новой схваткой. Не въ привычкѣ графа было стѣсняться выраженіями, и нерѣдко у здоровенныхъ слугъ его душа уходила въ пятки при подобныхъ обстоятельствахъ.

Но на этотъ разъ старикъ обошелся безъ брани, хотя и чувствовалъ сильную боль. Онъ предпочелъ сдѣлать попытку: медленно поднялся и положилъ руку на маленькое плечико своего храбраго внука. Лордъ Фонтлерой сдѣлалъ осторожный шагъ, смотря на больную ногу подагрика.

— Вы только опирайтесь на меня, — сказалъ онъ, одобрительно улыбаясь. — Я пойду очень тихо.

Если бы графа поддерживалъ слуга, то онъ не столько облокачивался бы на свою палку, сколько на руку лакея. И теперь онъ хотѣлъ испытать силу своего внука, давъ ему почувствовать тяжесть такого бремени. Оно и въ самомъ дѣлѣ было нелегко, такъ что уже черезъ нѣсколько шаговъ лицо юнаго лорда сильно покраснѣло, и сердце забилось быстрѣе; но

онъ крѣпился, помня про свои мускулы и похвальный отзывъ о нихъ Дика.

«...Вы только опирайтесь на меня, я пойду очень тихо...»

— Не бойтесь опираться на меня, — произнесъ онъ, съ трудомъ переводя духъ. — Мнѣ ничего, если — если это не очень далеко.

До столовой было, дѣйствительно, не очень далеко, но Кедрику показался путь совсѣмъ не близкимъ, пока они добрались до кресла у обѣденнаго стола. Рука, лежавшая у него на плечѣ, становилась какъ будто съ каждымъ шагомъ тяжеле, а лицо его все краснѣе и горячѣе, и дыханіе все короче и короче; но онъ и не думалъ отказываться, а продолжалъ напрягать свои дѣтскіе мускулы, держа голову прямо и ободряя тяжело ступавшаго графа.

— Вамъ очень больно ногу, когда вы на нее становитесь? — спросилъ онъ. — Вы когда-нибудь опускали ее въ горячую воду съ горчицей? М-ръ Хоббсъ такъ дѣлалъ съ своей ногой. Говорятъ, что очень хорошо прикладывать арнику.

Рядомъ съ ними гордо выступалъ громадный песъ, а сзади шелъ рослый лакей. Лицо послѣдняго нѣсколько разъ принимало какое-то странное выраженіе, когда онъ наблюдалъ фигуру ребенка, напрягавшаго всѣ свои силы подъ тяжестью столь охотно взятаго на себя бремени. Да и самъ графъ порою какъ-то особенно косился на раскраснѣвшееся личико. Когда они вошли въ столовую, Кедрикъ увидалъ, что это была большая и величественная комната, и что стоявшій за назначеннымъ для графа стуломъ лакей смотрѣлъ на входившихъ совершенно неподвижнымъ взглядомъ.

Наконецъ, они добрались до стула. Графъ снялъ руку съ плеча мальчика и спокойно опустился на свое мѣсто.

Кедрикъ вынулъ Диковъ платокъ и обтеръ имъ лобъ.

— Какъ нынче тепло, не правда ли? — сказалъ онъ. — Вамъ, вѣроятно, нужно, чтобы топился каминъ — изъ-за вашей ноги, а мнѣ кажется, здѣсь немножко жарко.

Онъ съ такою деликатною внимательностью относился къ своему благородному дѣду, что и виду не хотѣлъ подать, будто считаетъ что-нибудь излишнимъ въ обстановкѣ графа.

— Не легко тебѣ пришлось? — сказалъ графъ.

— О, нѣтъ, — отозвался маленькій графъ, — не то чтобы мнѣ было очень трудно, а только стало нѣсколько жарко. Лѣтомъ это такъ часто бываетъ.

И онъ еще разъ старательно вытеръ свои влажные кудри роскошнымъ подаркомъ Дика. Его собственный стулъ былъ поставленъ по другую сторону стола, насупротивъ дѣда. Это былъ стулъ съ ручками, предназначенный для особы несравненно крупнѣе его; да и все, что онъ до сихъ поръ видѣлъ въ этомъ домѣ, — обширныя комнаты съ высокими потолками, массивная мебель, огромный лакей, огромная собака и внушительная фигура самого графа — все это было такихъ крупныхъ размѣровъ, что маленькій мальчикъ не могъ не чувствовать своей крайней миніатюрности. Впрочемъ, это нисколько не смущало его: онъ никогда не представлялъ себя особенно большимъ или важнымъ и былъ вполнѣ готовъ приспособиться къ обстоятельствамъ даже такого подавляющаго свойства.

Пожалуй, онъ еще никогда не казался такимъ маленькимъ, какъ въ эту минуту, сидя на большомъ стулѣ, въ концѣ стола. Несмотря на свое одиночество, графъ любилъ хорошо пожить. Онъ охотно

садился за обѣдъ и обѣдалъ чинно и торжественно. Кедрикъ смотрѣлъ на него черезъ цѣлый ассортиментъ роскошнаго хрусталя и прочей сервировки, совершенно поражавшей его непривычный къ такому блеску взоръ. Посторонній наблюдатель, вѣроятно, улыбнулся бы, глядя на такую картину: большая изящная комната, дюжіе, въ богатыхъ ливреяхъ слуги, блестящіе серебро и хрусталь, сурово-смотрящій старый вельможа по одну сторону стола и совсѣмъ маленькій мальчикъ по другую. Обѣдъ считался у графа серіознымъ дѣломъ, и такимъ же важнымъ дѣломъ былъ онъ для повара, въ случаѣ, если его сіятельству придется что-либо не по вкусу. На этотъ разъ, однако, аппетитъ графа былъ, повидимому, нѣсколько лучше обыкновеннаго — можетъ-быть, потому, что мысли его были заняты чѣмъ-то инымъ, помимо разныхъ соусовъ и подливокъ. Онъ думалъ о своемъ внукѣ, посматривая на него черезъ столъ. Самъ онъ говорилъ не очень много, зато охотно слушалъ мальчика. Ему и въ голову никогда не приходило, чтобы его могъ занять разговоръ ребенка, но лордъ Фонтлерой и удивлялъ и забавлялъ его; старикъ не могъ забыть, какъ заставилъ мальчика почувствовать свою тяжесть съ прямою цѣлью убѣдиться, насколько хватитъ у того мужества и выдержки. Ему доставляло удовольствіе сознаніе, что его внукъ такъ стойко выдержалъ испытаніе и, какъ видно, даже на минуту не подумалъ отказаться отъ разъ взятаго на себя труда.

— Вы не всегда носите свою корону? — почтительно замѣтилъ лордъ Фонтлерой.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ графъ своей обычной сухой улыбкой: — она не идетъ ко мнѣ.

— М-ръ Хоббсъ сказалъ было, что вы ее носите постоянно, — сообщилъ Кедрикъ; — но потомъ, подумавъ, рѣшилъ, что вамъ, вѣроятно, приходится иногда снимать ее, чтобы надѣть шляпу.

— Да, — сказалъ графъ, — иногда я снимаю ее.

При этихъ словахъ лакеи вдругъ отвернулись въ сторону и какъ-то странно закашляли, закрывая ротъ рукою.

Кедрикъ кончилъ свой обѣдъ первымъ и, откинувшись на спинку стула, началъ расматривать комнату.

— Вы должны очень гордиться своимъ домомъ, — сказалъ онъ; — это такой прекрасный домъ. Я никогда не видалъ ничего подобнаго; но, конечно, мнѣ всего семь лѣтъ, я не много видѣлъ.

— А ты думаешь, что я долженъ гордиться имъ? — спросилъ графъ.

— По-моему, всякій сталъ бы гордиться имъ, — отвѣчалъ лордъ Фонтлерой. — Я бы самъ гордился имъ, если бы это былъ мой домъ. Все въ немъ и около него такъ прекрасно — и паркъ и эти деревья — какъ прекрасны они и какъ хорошо шумятъ ихъ листья!

Затѣмъ онъ на минуту остановился и пристально посмотрѣлъ черезъ столъ.

— Это очень большой домъ для двоихъ, не правда ли? — сказалъ онъ.

— Для двоихъ онъ какъ разъ достаточенъ, — отвѣтилъ графъ. — По-твоему, онъ слишкомъ великъ?

Маленькій лордъ колебался одно мгновеніе.

— Я только думалъ, — сказалъ онъ, — что если въ немъ пришлось бы жить двоимъ, не особенно дружнымъ между собою, то иногда имъ могло бы быть скучно.

— А какъ ты думаешь, хорошимъ я тебѣ буду товарищемъ? — освѣдомился графъ.

— Да, — отвѣчалъ Кедрикъ, — я думаю, что мы будемъ дружны. Мы съ м-ромъ Хоббсомъ были большіе друзья. Послѣ Милочки онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ.

Густыя брови графа быстро передернулись.

— Кто это Милочка?

— Это моя мама, — сказалъ лордъ Фонтлерой довольно тихимъ голосомъ.

Вслѣдствіе ли приближенія часа, когда онъ обыкновенно ложился спать, или вслѣдствіе возбужденнаго состоянія нѣсколькихъ послѣднихъ дней, мальчикъ, видимо, утомился, и это чувство усталости привело его къ нѣкоторому сознанію своего одиночества, особенно, когда онъ вспомнилъ, что эту ночь ему не придется спать дома подъ ласковымъ надзоромъ «лучшаго изъ друзей» своихъ. Кедрикъ и молодая мать его были всегда «лучшими друзьями». Онъ не могъ не думать о ней, и чѣмъ онъ больше о ней думалъ, тѣмъ меньше ему хотѣлось говорить, такъ что, когда обѣдъ совсѣмъ кончился, графъ замѣтилъ на лицѣ ребенка легкую тѣнь. Однако, Кедрикъ продолжалъ держаться очень бодро, и когда они возвращались опять въ библіотеку, то, хотя высокій лакей шелъ по одну сторону графа, рука послѣдняго все-таки оставалась на плечѣ внука, хотя и не давила его прежнею тяжестью.

Когда лакей вышелъ изъ комнаты, Кедрикъ усѣлся на коврѣ противъ камина, рядомъ съ Даугелемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ потихоньку гладилъ уши собаки, смотря самъ на огонь камина.

Графъ наблюдалъ за нимъ. Глаза мальчика смотрѣли сосредоточенно и задумчиво, и раза два онъ испустилъ легкій вздохъ. Графъ сидѣлъ неподвижно, не сводя глазъ съ своего внука.

— Фонтлерой, — сказалъ онъ, наконецъ, — о чемъ ты задумался?

Фонтлерой поднялъ глаза, стараясь улыбнуться.

— Я думалъ о Милочкѣ, — сказалъ онъ: — и... и я думаю, не встать ли мнѣ и не походить ли по комнатѣ.

Онъ всталъ и, заложивъ руки въ свои маленькіе карманы, началъ ходить взадъ и впередъ. Глаза его смотрѣли широко, а губы были плотно сжаты, но голову онъ держалъ прямо и ходилъ твердой поступью. Даугель лѣниво зашевелился и, посмотрѣвъ на него, всталъ. Онъ подошелъ къ ребенку и началъ ходить вслѣдъ за нимъ. Фонтлерой вынулъ изъ кармана одну руку и положилъ ее на голову собаки.

— Это очень хорошая собака, — сказалъ онъ. — Она — мой другъ; она понимаетъ, что я чувствую.

— А ты что чувствуешь? — спросилъ графъ.

Ему неловко было видѣть, какъ ребенокъ въ первый разъ боролся съ чувствомъ одиночества, но съ другой стороны ему не могло не нравиться, что мальчикъ мужественно усиливается перенести его. Эта дѣтская стойкость пришлась ему по вкусу.

— Поди сюда, — сказалъ онъ.

Фонтлерой подошелъ къ нему.

— Я никогда до сихъ поръ не былъ не дома, — сказалъ мальчикъ, и въ его карихъ глазахъ проглянуло смущеніе. — Какъ-то странно чувствуешь себя, когда приходится всю ночь оставаться въ чужомъ замкѣ, вмѣсто того, чтобы быть въ своемъ домѣ. Но Милочка не очень далеко отъ меня. Она велѣла мнѣ помнить объ этомъ, — а... а мнѣ семь лѣтъ, и я могу смотрѣть на портретъ, который она дала мнѣ.

Онъ опустилъ руку въ карманъ и досталъ оттуда маленькую бархатную коробочку.

— Вотъ онъ, — сказалъ Кедрикъ. — Видите, стоитъ только пожать пружинку, и коробочка открывается, въ ней портретъ.

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ креслу графа и, доставая коробочку, довѣрчиво облокотился на ручку кресла и вмѣстѣ на плечо графа.

— Вотъ она, — сказалъ онъ, когда футляръ открылся, и посмотрѣлъ на старика.

Графъ сдвинулъ брови; онъ не хотѣлъ видѣть портрета, но противъ воли увидалъ его. На него взглянуло такое милое, молодое лицо, притомъ столь похожее на лицо стоявшаго рядомъ съ нимъ мальчика, что графъ прямо былъ пораженъ имъ.

— Ты, кажется, думаешь, что очень любишь ее, — сказалъ онъ.

Да, — отвѣтилъ кроткимъ и прямодушнымъ тономъ лордъ Фонтлерой, — я такъ думаю, и думаю, что это вѣрно. Видите ли, м-ръ Хоббсъ былъ моимъ другомъ, и Дикъ, и Бриджетъ, и Мэри, и Михаилъ тоже были моими друзьями; а Милочка — это уже мой близкій другъ, и мы всегда все гово-

римъ другъ другу. Папа оставилъ мнѣ ее, чтобы я о ней заботился, и когда я стану мужчиной, то пойду работать и буду добывать для нея деньги.

— Что же ты думаешь дѣлать?—спросилъ графъ.

Мальчикъ опустился на коверъ и сѣлъ, продолжая держать въ рукѣ портретъ. Повидимому, онъ серіозно размышлялъ, прежде чѣмъ дать отвѣтъ.

— Я думаю, не вступить ли мнѣ компаньономъ къ м-ру Хоббсу, — сказалъ онъ: — впрочемъ, мнѣ лучше хотѣлось бы быть президентомъ.

— Вмѣсто этого мы пошлемъ тебя въ палату лордовъ,—сказалъ графъ.

— Что же, ничего, — замѣтилъ лордъ Фонтлерой, — если это хорошее занятіе, и если бы я не могъ сдѣлаться президентомъ. Овощная торговля не всегда идетъ хорошо.

Вѣроятно, онъ взвѣшивалъ это обстоятельство въ своемъ умѣ, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ послѣ того сидѣлъ молча, поглядывая на огонь камина.

Графъ не возобновилъ разговора. Откинувшись въ креслѣ, онъ наблюдалъ за мальчикомъ. Множество странныхъ и новыхъ мыслей пробѣгало въ головѣ стараго вельможи. Даугель заснулъ, положивъ морду на свои толстыя лапы. Наступила продолжительная тишина.

Такимъ образомъ прошло около получаса времени, когда доложили о пріѣздѣ м-ра Хавишама. При входѣ его въ комнату, въ ней было попрежнему тихо. Графъ продолжалъ полулежать въ своемъ креслѣ. Когда подошелъ м-ръ Хавишамъ, онъ пошевелился и сдѣлалъ рукою какъ бы предостерегающій, хотя,

повидимому, и невольный жестъ. Даугель продолжалъ спать и, рядомъ съ нимъ, подложивъ руку подъ свою кудрявую головку, покоился мирнымъ сномъ и нашъ маленькій лордъ.

VI.

Когда, на слѣдующее утро, лордъ Фонтлерой проснулся — наканунѣ его соннаго перенесли въ постель, — то первыми донесшимися до него звуками были потрескиваніе горѣвшихъ дровъ и тихій разговоръ какихъ-то голосовъ.

— Смотри, Даусонъ, ничего не говори объ этомъ, — произнесъ кто-то. — Онъ не знаетъ, почему она не должна быть съ нимъ, и причину этого нужно скрывать отъ него.

— Разумѣется, мадамъ, если было такое распоряженіе его сіятельства, — отвѣчалъ другой голосъ, — можно ли его не исполнить. Только ужъ вы простите, мадамъ, за смѣлость, такъ какъ это между нами, и все равно — служанка я или нѣтъ, а должна сказать, жестокое это дѣло — разлучать такое бѣдное и милое молодое созданіе съ ея собственнымъ кровнымъ дѣтищемъ да еще такимъ красавчикомъ и сыномъ благородныхъ родителей. Джемсъ и Томъ, мадамъ, вчера вечеромъ оба говорили въ людской, что ни въ жизнь не могли бы думать — да и не только они, а никто изъ порядочныхъ ливрейныхъ, — чтобы могла быть такая ангельская душа, какъ у этого малютки; такимъ кроткимъ, учтивымъ и смышленымъ сидѣлъ онъ вчера за обѣдомъ, какъ будто что ни на есть съ лучшимъ своимъ другомъ, — а ужъ

(извините меня, мадамъ), мы знаемъ, какъ отъ этого друга подчасъ кровь въ жилахъ застываетъ. А посмотрѣли бы вы, мадамъ, какъ вчера, когда насъ съ Джемсомъ позвали въ библіотеку и велѣли отнести его наверхъ; поднялъ это Джемсъ его на руки, а головенка-то его невинная, такая кудрявая, а личико-то его такое розовое да румяное лежало на Джемсовомъ плечѣ — такъ, скажу вамъ, помрешь, а другого такого красавчика не увидишь. Думается мнѣ, и самъ графъ-то разглядѣлъ эту прелесть, потому смотритъ онъ такъ на него и говоритъ Джемсу: «Смотри,—говоритъ,—не разбуди его».

Кедрикъ зашевелился на подушкѣ и, перевернувшись, открылъ глаза.

Въ комнатѣ были двѣ женщины. Кругомъ все смотрѣло весело и привѣтливо, благодаря нѣжнымъ колерамъ ситца, которымъ была обита комната и мебель. Въ каминѣ горѣли дрова, и чрезъ обвитыя плющемъ окна пробивались яркіе лучи утренняго солнца. Обѣ женщины направились къ мальчику. Въ одной изъ нихъ онъ увидалъ уже знакомую ему м-ссъ Мэллонъ, экономку; другая была среднихъ лѣтъ женщина съ привѣтливымъ и добрымъ лицомъ.

— Здравствуйте, лордъ! — сказала м-ссъ Мэллонъ. — Хорошо ли вы спали?

Маленькій лордъ протеръ глаза и улыбнулся.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—Я не зналъ, что я здѣсь.

— Васъ перенесли сюда спящимъ, — сказала экономка. — Это ваша спальня, а это Даусонъ, которая будетъ ходить за вами.

Фонтлерой сѣлъ въ постели и протянулъ руку Даусонъ, какъ наканунѣ протянулъ ее графу.

— Какъ вы поживаете, мадамъ?—сказалъ онъ. — Очень благодаренъ вамъ, что вы пришли ухаживать за мной.

— Вы можете называть ее Даусонъ, мой лордъ,— сказала улыбаясь экономка. — Она привыкла, чтобы ее звали Даусонъ.

— *Миссъ* Даусонъ или *мистриссъ* Даусонъ?—освѣдомился лордъ Фонтлерой.

— Просто Даусонъ, мой лордъ, — отвѣчала сама Даусонъ, вся сіяющая. — Ни миссъ ни миссисъ, дорогой мой! Извольте теперь вставать, и Даусонъ васъ одѣнетъ, а затѣмъ вамъ подадутъ завтракъ.

— Благодарю, я ужъ сколько лѣтъ самъ одѣваюсь,—отвѣчалъ Фонтлерой.—Милочка научила меня. Милочка—моя мама. У насъ была только одна Мэри; она все дѣлала — и мыла и все, — такъ что ее ужъ нельзя было затруднять еще этимъ. Я и умываться тоже умѣю самъ, если вы только послѣ будете такъ добры посмотрѣть, все ли въ порядкѣ.

Даусонъ и экономка переглянулись между собою.

— Даусонъ сдѣлаетъ вамъ все, что ни прикажете,—сказала м-ссъ Мэллонъ.

— Конечно, родной мой, — прибавила Даусонъ своимъ добрымъ, ласковымъ голосомъ. — Пусть онъ самъ одѣнется, если ему угодно, а я буду тутъ же, чтобы помочь, когда будетъ нужно.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ лордъ Фонтлерой. — Иногда немножко трудно бываетъ мнѣ справиться съ пуговицами; тогда ужъ я прошу когонибудь.

Даусонъ показалась ему очень доброй женщиной, и не успѣлъ еще онъ умыться и одѣться, какъ они стали отмѣнными друзьями, при чемъ онъ ужъ многое узналъ о ней. Оказалось, что мужъ ея былъ солдатомъ и убитъ въ настоящемъ сраженіи, и что сынъ ея служилъ матросомъ и въ это время находился гдѣ-то очень далеко; что онъ видалъ и пиратовъ, и людоѣдовъ, и китайцевъ, и турокъ, и привезъ съ собою много невиданныхъ раковинъ и коралловыхъ вещей. Даусонъ готова была показать ихъ во всякую минуту, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ лежали у нея въ сундукѣ. Все это было очень интересно. Фонтлерой узналъ также, что Даусонъ всю жизнь свою ходила за маленькими дѣтьми и теперь только что пріѣхала сюда изъ другой части Англіи, гдѣ была няней прекрасной маленькой дѣвочки, которую звали лэди Джоржина Воганъ.

— И она немножко сродни вашей милости, — сказала Даусонъ, — можетъ-быть, вы когда-нибудь ее и увидите.

— Въ самомъ дѣлѣ? — отозвался Фонтлерой. — Я былъ бы очень радъ этому. Я никогда не былъ знакомъ съ маленькими дѣвочками, но всегда люблю смотрѣть на нихъ.

Когда онъ перешелъ для завтрака въ сосѣднюю комнату и увидалъ, какъ она была велика, и что за нею была еще третья комната, по словамъ Даусонъ, тоже назначенная для него, — тогда сознаніе, что онъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ малъ для такого помѣщенія, снова овладѣло имъ и на этотъ разъ такъ сильно, что, усѣвшись за прекрасно сервированный

завтракъ, онъ не могъ не подѣлиться своимъ недоумѣніемъ съ Даусонъ.

— Я очень маленькій мальчикъ, — сказалъ онъ нѣсколько задумчиво, — и мнѣ странно кажется, что я въ такомъ громадномъ замкѣ, и у меня столько большихъ комнатъ—не правда ли?

— Э, что вы, — замѣтила Даусонъ, — это только такъ сначала кажется, а потомъ скоро пройдетъ, и вамъ здѣсь понравится. Тутъ очень хорошо.

— Конечно, здѣсь отличное мѣсто, — сказалъ Фонтлерой съ легкимъ вздохомъ, — но мнѣ бы оно больше понравилось, если бы и Милочка была со мною. Я всегда утромъ завтракалъ съ нею и наливалъ ей въ чай сливки и клалъ сахаръ, и подавалъ хлѣбъ. Такъ это было все хорошо.

— Такъ что же! — отвѣтила Даусонъ, — вы вѣдь можете видѣться съ ней каждый день, а ужъ зато сколько разсказовъ у васъ будетъ. Постойте, вотъ вы походите здѣсь да увидите, какія тутъ есть собаки, какія на конюшнѣ лошади. Есть тамъ такія, что, навѣрное знаю, вамъ понравятся.

— А, лошади?! — воскликнулъ Фонтлерой: — я очень люблю лошадей. Я очень любилъ Джима. Это — лошадь, которая возила телѣгу м-ра Хоббса. Она отличная была лошадь, когда не упрямилась.

— Ну, въ томъ-то и дѣло, — сказала Даусонъ. — Вы только подождите, пока не увидите конюшенъ и какія въ нихъ лошади. Да вы, родной мой, не видали еще даже и той комнаты, которая рядомъ съ этой!

— А что тамъ? — спросилъ Фонтлерой.

— Сперва откушайте, а потомъ увидите.

Любопытство Кедрика естественно было возбуждено всѣми этими неожиданностями, и онъ усердно принялся за свой завтракъ. Ему казалось, что въ сосѣдней комнатѣ непремѣнно должно было находиться что-нибудь интересное, иначе Даусонъ не смотрѣла бы такъ таинственно.

— Ну-съ, теперь,—сказалъ онъ, сползая со стула нѣсколько минутъ спустя, — я сытъ. Можно мнѣ будетъ пойти посмотрѣть, что тамъ?

Даусонъ утвердительно кивнула головой и пошла впередъ, съ еще болѣе загадочнымъ и многозначительнымъ видомъ. Любопытство Фонтлероя было возбуждено въ высшей степени.

Когда служанка отворила дверь въ таинственную комнату, онъ остановился на порогѣ и съ изумленіемъ оглядѣлъ ее. Не произнося ни слова, стоялъ онъ, запустивъ руки въ карманы и съ лицомъ, раскраснѣвшимся до самаго лба — настолько онъ былъ удивленъ и взволнованъ.

И было же чему удивляться! Комната не уступала размѣрами остальнымъ комнатамъ замка и показалась Кедрику еще прекраснѣе другихъ, хотя и по другой причинѣ. Мебель была здѣсь не такая старинная и массивная, какъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя онъ уже видѣлъ внизу; драпировки, ковры, стѣны были здѣсь свѣтлѣе; на полкахъ стояли цѣлые ряды книгъ, а на столахъ множество преинтересныхъ, отличныхъ игрушекъ, наподобіе тѣхъ, которыя онъ съ такимъ удовольствіемъ созерцалъ, бывало, въ окнахъ нью-йоркскихъ магазиновъ.

— Это похоже на дѣтскую комнату, — произнесъ онъ, наконецъ, немного переводя духъ.—Чьи это вещи?

— Подите, посмотрите на нихъ, — сказала Даусонъ.—Онѣ ваши!

— Мои!—вскрикнулъ онъ,—мои! Почему же онѣ мои? Кто мнѣ далъ ихъ?

И съ веселымъ крикомъ онъ кинулся къ этимъ сокровищамъ. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Это—дѣдушка!—сказалъ онъ, и глаза его блеснули радостью.—Я знаю, это—дѣдушка!

— Да, это его сіятельство, — подтвердила Даусонъ:—и если вы будете вести себя, какъ слѣдуетъ маленькому барину, и не будете ихъ ломать, а станете ими хорошо заниматься, онъ дастъ вамъ все, чего вы ни попросите.

Это было восхитительное утро. Столько всего приходилось осмотрѣть, столько испробовать; каждая новинка была такъ заманчива, что некогда было успѣть взглянуть на слѣдующую. Поразительно было еще то, что, какъ оказалось, все это приготовлено было для него одного; что еще прежде отъѣзда его изъ Нью-Йорка были вызваны сюда люди изъ Лондона нарочно для того, чтобы устроить назначенныя для него комнаты и наполнить ихъ книгами и игрушками, которыя могли бы заинтересовать его.

— Знали ли вы когда-нибудь человѣка, — обратился онъ къ Даусонъ,— у котораго былъ бы такой добрый дѣдушка?

На минуту лицо Даусонъ приняло выраженіе нерѣшительности. Она не была особенно высокаго мнѣнія о его сіятельствѣ, графѣ. Она находилась въ домѣ всего нѣсколько дней, но этого времени было

вполнѣ достаточно, чтобы услыхать довольно свободно передававшіеся въ людскихъ разсказы объ особенностяхъ характера стараго вельможи.

— Ужъ такая моя, должно-быть, горькая судьба, что всю жизнь приходится мнѣ служить злонравнымъ, дикимъ старикамъ, — выразился недавно самый высокій изъ лакаевъ, — а этотъ, кажется, всѣхъ за поясъ заткнетъ.

Тотъ же самый лакей, по имени Томъ, передалъ своимъ слушателямъ въ людской нѣкоторыя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ графомъ м-ру Хавишаму, когда они обсуждали эти самыя приготовленія.

— Потакайте его желаніямъ, наполните его комнаты игрушками, — говорилъ его сіятельство. — Дайте ему то, что можетъ доставить ему удовольствіе, и онъ скоро забудетъ свою мать. Забавляйте его, наполните его душу чѣмъ-нибудь другимъ, и тогда намъ нечего будетъ безпокоиться. Съ дѣтьми всегда такъ бываетъ.

Задавшись такою благородною цѣлью, онъ, вѣроятно, былъ нѣсколько разочарованъ, замѣтивъ, что этотъ мальчикъ не совсѣмъ таковъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ. Графъ дурно провелъ ночь и все утро не выходилъ изъ комнаты; но, позавтракавъ, онъ послалъ за внукомъ.

Фонтлерой тотчасъ же отозвался на этотъ зовъ. Онъ быстро сбѣжалъ внизъ по широкой лѣстницѣ; графъ слышалъ его шаги въ передней; вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась, и внукъ, краснощекій, съ сіяющимъ взоромъ, появился въ комнатѣ.

— Я ждалъ, что вы пришлете за мною, — сказалъ онъ. — Я уже давно былъ готовъ. Я вамъ такъ

благодаренъ за игрушки! Такъ благодаренъ вамъ! Я ими все утро игралъ.

— О! — сказалъ графъ, — такъ онѣ тебѣ нравятся?

— Такъ нравятся, что и сказать не могу! — отвѣтилъ Фонтлерой, сіяя отъ удовольствія. — Есть тамъ такая игра, съ черными и бѣлыми шариками, а на проволокѣ висятъ отмѣтки, по которымъ считаютъ. Я пробовалъ обучить Даусонъ, только она этого не могла понять сразу — вѣдь она, какъ лэди, никогда не играла въ эту игру, а, можетъ-быть, я не сумѣлъ объяснить ей хорошенько. Но вы, навѣрное, отлично знаете эту игру, не такъ ли?

— Врядъ ли я знаю, — отвѣтилъ графъ. — Это американская игра, кажется: похожа на крикетъ?

— Я никогда не видалъ крикета, — сказалъ Фонтлерой: — а эту игру м-ръ Хоббсъ нѣсколько разъ водилъ меня показывать. Это отличная игра. Такая интересная. Позвольте мнѣ сходить за ней и показать вамъ. Можетъ-быть, она развлечетъ васъ, такъ что вы забудете про свою больную ногу. У васъ она очень болитъ сегодня?

— Да, таки порядкомъ.

— Тогда, пожалуй, вамъ нельзя будетъ забыть ее, — сказалъ мальчикъ испуганнымъ тономъ. — Можетъ-быть, васъ будетъ безпокоить разговоръ объ игрѣ? Думаете ли вы, что это васъ развлечетъ, или вы думаете, что это будетъ вамъ въ тягость?

— Поди и принеси игру, — отвѣчалъ графъ.

Безъ сомнѣнія, такое занятіе, гдѣ ребенокъ училъ его играть въ игры, было для благороднаго лорда совершенною новостью, но эта новизна и забавляла

его. Внимательный наблюдатель могъ бы открыть на лицѣ графа нѣчто въ родѣ улыбки и выраженіе самаго живого интереса, когда Кедрикъ вернулся, держа въ рукахъ ящикъ съ игрою.

— Можно мнѣ пододвинуть этотъ столикъ поближе къ вашему креслу? — спросилъ онъ.

— Позвони Тома, — сказалъ графъ. — Онъ тебѣ поставитъ его.

— О, я самъ могу это сдѣлать, — отвѣчалъ Фонтлерой. — Онъ не очень тяжелъ.

— Прекрасно, — сказалъ дѣдъ.

Сдержанная улыбка на лицѣ графа проступала все явственнѣе, пока онъ наблюдалъ за приготовленіями, поглотившими все вниманіе его маленькаго внука. Столикъ былъ пододвинутъ къ креслу, игра вынута изъ ящика и разставлена.

— Это очень интересно, стоитъ только начать играть, — сказалъ Фонтлерой и съ величайшимъ одушевленіемъ пустился въ объясненіе мельчайшихъ подробностей игры. При этомъ онъ изображалъ жестами различныя позы участниковъ при настоящей игрѣ и далъ драматическое описаніе одного замѣчательнаго удара, котораго былъ разъ свидѣтелемъ вмѣстѣ съ м-ромъ Хоббсомъ.

Объясненія и описанія кончились, началась самая игра, а интересъ графа не ослабѣвалъ. Что же касается его юнаго товарища, то онъ былъ вполнѣ поглощенъ забавой, и каждый удачный ударъ свой или его противника вызывалъ у него восклицаніе живѣйшаго восторга.

Если бы за недѣлю передъ тѣмъ кто-нибудь сказалъ графу Доринкуру, что въ такое-то утро, забывъ

свою подагру и свое раздраженіе, онъ будетъ забавляться дѣтской игрой съ маленькимъ кудрявымъ мальчикомъ, то куда какъ непривѣтливо встрѣтилъ бы онъ подобное предположеніе; а теперь онъ въ самомъ дѣлѣ забылъ о себѣ, когда отворилась дверь, и лакей Томъ доложилъ о посѣтителѣ.

Этотъ посѣтитель, оказавшійся пожилымъ, одѣтымъ въ черное, мужчиной, былъ не кто иной, какъ пасторъ мѣстной приходской церкви. Онъ былъ такъ пораженъ представившейся ему сценой, что невольно попятился назадъ, чуть не столкнувшись съ лакеемъ.

Для почтеннаго м-ра Мордаунта самою непріятною частью его обязанностей была необходимость посѣщать своего сановитаго патрона. Дѣло въ томъ, что его сановитый патронъ дѣлалъ эти посѣщенія настолько непріятными, насколько это было въ его силахъ. Онъ гнушался церквей и дѣлъ милосердія и приходилъ въ страшную ярость, когда кто-нибудь изъ его арендаторовъ позволялъ себѣ впасть въ нужду, захворать и потребовать помощи. Когда особенно разыгрывалась его подагра, онъ, не стѣсняясь, объявлялъ, что не желаетъ, чтобы ему надоѣдали и раздрожали разсказами о несчастныхъ, если же болѣзнь ослабѣвала и онъ приходилъ въ болѣе спокойное состояніе духа, то иногда, можетъ-быть, давалъ священнику нѣсколько денегъ, сперва помучивъ его хорошенько и разбранивъ весь приходъ за слабоуміе и неумѣніе обходиться безъ чужой помощи. Но въ какомъ бы онъ настроеніи ни былъ, онъ никогда не упускалъ случая наговорить какъ можно больше язвительныхъ словъ и тѣмъ вызывалъ въ достопочтенномъ мистерѣ Мордаунтѣ нѣчто въ родѣ сожалѣнія,

что христіанская нравственность не допускаетъ бросить въ него чѣмъ-нибудь тяжелымъ. За все многолѣтнее пребываніе м-ра Мордаунта настоятелемъ Доринкурскаго прихода, пасторъ не могъ припомнить ни одного случая когда бы его сіятельство, по собственному побужденію, сдѣлалъ какое-нибудь доброе дѣло или, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, доказалъ, что думаетъ о комъ-нибудь другомъ, кромѣ себя.

На этотъ разъ священникъ пришелъ поговорить съ нимъ объ особо настоятельномъ, нетерпѣвшемъ отлагательства дѣлѣ, и, идя по аллеѣ, боялся предстоявшаго свиданія болѣе обыкновеннаго по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ зналъ, что его сіятельство уже нѣсколько дней страдаетъ подагрой и находится въ такомъ скверномъ расположеніи духа, что вѣсти объ этомъ проникли даже въ деревню. Сюда принесла ихъ одна изъ молодыхъ служанокъ своей сестрѣ, державшей здѣсь мелочную лавочку, въ которой можно было не только купить бумаги или иголокъ, но и наслушаться всякихъ новостей. Если что-нибудь, касавшееся замка ли съ его обитателями или сосѣдей на фермахъ и по деревнѣ, не было извѣстно м-ссъ Диббль, то объ этомъ прямо-таки не стоило и говорить. Она, безъ сомнѣнія, знала все, что дѣлалось въ замкѣ, такъ какъ ея сестра, Анна Шортсъ, была изъ числа старшихъ горничныхъ и состояла въ дружескихъ отношеніяхъ съ старшимъ лакеемъ Томомъ.

— А какъ ужъ онъ бушуетъ! — говорила м-ссъ Диббль, стоя за прилавкомъ, — и какія слова употребляетъ, никакому ливрейному, кажется, не выдержать,

говорилъ Аннѣ самъ м-ръ Томъ; всего, — говоритъ, — два дня тому назадъ запустилъ въ меня тарелкой съ кушаньемъ, такъ что, не будь тамъ разныхъ пріятностей въ кое-чемъ другомъ и такого прекраснаго общества въ людской, часу бы, — говоритъ, — не остался въ домѣ.

Обо всемъ этомъ слышалъ и пасторъ, потому что такъ или иначе графъ былъ самымъ обыкновеннымъ предметомъ разговоровъ въ хижинахъ и на фермахъ, и его дурной нравъ доставлялъ многимъ добрымъ сосѣдкамъ поводъ поболтать о немъ съ гостями за чашкою чая.

Вторая причина опасеній священника была еще того хуже, такъ какъ это была причина новая и обсуждалась по всей округѣ съ величайшимъ интересомъ.

Кому только не было извѣстно о томъ, какъ разбушевался старый дворянинъ, когда его младшій сынъ женился на американской дѣвушкѣ! Кто только не зналъ, какъ жестоко онъ поступилъ съ молодымъ капитаномъ, и какъ этотъ рослый, веселый, ласково улыбавшійся офицеръ, бывшій единственнымъ любимымъ всѣми человѣкомъ изъ цѣлой семьи, умеръ на чужбинѣ въ бѣдности и опалѣ! Кто только не зналъ, съ какою страшною ненавистью относился старикъ къ юной супругѣ своего сына, какъ ему ненавистна была даже самая мысль о ея ребенкѣ, котораго онъ и не думалъ увидать когда-нибудь, пока не умерли оба его сына и не оставили его безъ наслѣдника! А потомъ, врядъ ли оставалось кому-нибудь неизвѣстнымъ, что онъ безъ всякаго удовольствія ожидалъ пріѣзда своего внука и при-

готовился встрѣтить въ немъ дюжиннаго, неотесаннаго, грубаго американскаго мальчишку, который скорѣе могъ опозорить, нежели сдѣлать честь его благородному имени.

Старый, сварливый гордецъ думалъ, что ему удалось скрыть отъ людей всѣ свои мысли. Ему и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь осмѣлился проникнуть въ нихъ, а тѣмъ менѣе говорить о его чувствахъ и опасеніяхъ; но слуги его наблюдали за нимъ, читали по его лицу, по его дурному расположенію духа, по припадкамъ мрачной задумчивости, и обсуждали все это въ людской. И когда онъ считалъ себя недосягаемымъ для простой толпы, Томъ говорилъ и Аннѣ, и повару, и дворецкому, и другой прислугѣ, что, по его мнѣнію, старикъ бывалъ хуже обыкновеннаго, когда думалъ о сынѣ капитана, отъ котораго не ожидалъ ничего путнаго.

— И подѣломъ ему, — прибавлялъ Томъ: — самъ виноватъ. Чего ему ждать отъ ребенка, воспитаннаго въ бѣдности въ этой простонародной Америкѣ!

По дорогѣ въ замокъ достопочтенный м-ръ Мордаунтъ вспомнилъ, что этотъ самый мальчикъ пріѣхалъ въ замокъ только наканунѣ, вечеромъ, и что было девять шансовъ противъ одного за то, что опасенія его сіятельства оправдались, и двадцать шансовъ противъ одного за то, что графъ, въ случаѣ разочарованія своего въ мальчикѣ, находится теперь какъ разъ въ самомъ свирѣпомъ состояніи и готовъ излить всю свою злобу на перваго посѣтителя — какимъ и окажется, пожалуй, его собственная особа.

Представьте же себѣ его удивленіе, когда чрезъ отворенную передъ нимъ Томомъ дверь библіотеки до него донесся веселый дѣтскій смѣхъ.

— Вотъ и два съ кона долой! — оживленно восклицалъ чей-то звонкій голосъ. — Видите, два ужъ и сдѣлано!

Вотъ и кресло графа и скамейка для его больной ноги; рядомъ маленькій столъ съ игрою, а вплотную къ графу, облокотившись на его руку и здоровое колѣно, стоялъ маленькій мальчикъ съ раскраснѣвшимся личикомъ и съ глазами, бѣгавшими отъ возбужденія.

— Два сдѣлано! — кричалъ маленькій незнакомецъ. — Вамъ на этотъ разъ незадача, должно-быть?

И вдругъ оба играющіе замѣтили, что кто-то вошелъ.

Графъ оглянулся, сдвинувъ по обыкновенію свои густыя брови, и, когда увидалъ, кто былъ вошедшій, то, къ еще большему удивленію м-ра Мордаунта, смотрѣлъ не только не мрачнѣе, а даже привѣтливѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Дѣйствительно, судя по его взгляду, можно было подумать, что въ эту минуту онъ какъ бы забылъ, насколько былъ непріятенъ и какимъ въ самомъ дѣлѣ отталкивающимъ могъ бы представиться, если бы хотѣлъ.

— А! — сказалъ онъ своимъ грубымъ голосомъ, протягивая, однако, руку довольно любезно. — Здравствуйте, Мордаунтъ. Видите, я нашелъ себѣ новое занятіе.

Онъ положилъ другую руку на плечо Кедрика. Можетъ-быть, въ глубинѣ души его зашевелилось пріятное чувство гордости, что ему приходилось пред-

ставить такого наслѣдника; въ его глазахъ мелькнула искра чего-то въ родѣ удовольствія, когда онъ подвинулъ мальчика нѣсколько впередъ.

— Это новый лордъ Фонтлерой,— сказалъ онъ.— Фонтлерой, это м-ръ Мордаунтъ, настоятель здѣшняго прихода.

Фонтлерой посмотрѣлъ на господина въ пасторскомъ костюмѣ и подалъ ему руку.

— Я очень радъ съ вами познакомиться,— сказалъ онъ, вспомнивъ слова, произносившіяся бывало м-ромъ Хоббсомъ, когда онъ вѣжливо привѣтствовалъ какого-нибудь новаго покупателя. Кедрикъ былъ увѣренъ, что нужно быть учтивѣе обыкновеннаго съ лицомъ духовнаго званія.

М-ръ Мордаунтъ не сразу выпустилъ маленькую ручку изъ своей, и, невольно улыбаясь, смотрѣлъ на на лицо мальчика. Онъ полюбилъ ребенка съ этой же минуты, какъ это всегда бывало и съ другими. Привлекали его не красота и не изящество манеръ мальчика, а простая, естественная доброта, благодаря которой всякое его слово, какъ бы странно и неожиданно оно ни было, отзывалось искренностью и лаской. Смотря на Кедрика, пасторъ совсѣмъ забылъ о графѣ. На свѣтѣ нѣтъ ничего могущественнѣе добраго сердца, и это доброе, хотя и такое маленькое сердце, казалось, очищало атмосферу обширной мрачной комнаты и какъ бы дѣлало ее болѣе свѣтлою.

— Я въ восторгѣ отъ вашего знакомства, лордъ Фонтлерой, — сказалъ священникъ. — Вы совершили длинный путь, чтобы пріѣхать къ намъ. Очень многіе будутъ рады, узнавъ о вашемъ благополучномъ прибытіи.

— Мы ѣхали долго, — отвѣчалъ Фонтлерой, — но Милочка, моя мама, была со мной, и я не скучалъ. Вамъ, разумѣется, никогда не будетъ скучно, если ваша мать съ вами; и пароходъ былъ отличный.

— Садитесь, Мордаунтъ, — сказалъ графъ.

М-ръ Мордаунтъ сѣлъ. Съ Фонтлероя онъ перевелъ глаза на графа.

— Ваше сіятельство есть съ чѣмъ поздравить, — произнесъ онъ съ чувствомъ.

Однако, графъ видимо не желалъ обнаруживать своихъ мыслей на этотъ счетъ.

— Онъ похожъ на своего отца, — отвѣчалъ онъ нѣсколько грубо. — Будемъ надѣяться, что онъ станетъ вести себя болѣе достойнымъ образомъ. Ну, въ чемъ на этотъ разъ дѣло, Мордаунтъ? — прибавилъ онъ. — Кто теперь въ бѣдѣ?

Это было совсѣмъ не такъ дурно, какъ ожидалъ м-ръ Мордаунтъ, но онъ нѣсколько помедлилъ, прежде чѣмъ начать свой докладъ.

— Хиггинсъ, — сказалъ онъ, — Хиггинсъ съ крайней фермы. Онъ въ большомъ несчастьи. Онъ самъ хворалъ прошлой осенью, а потомъ у дѣтей была скарлатина. Я не могу назвать его очень хорошимъ хозяиномъ, но его все преслѣдовали незадачи, и, конечно, онъ во многомъ отстаетъ отъ другихъ. Теперь онъ въ затрудненіи насчетъ уплаты своей аренды. Ньюикъ говоритъ ему, что если онъ ея не заплатитъ, то долженъ будетъ выѣхать; а это, разумѣется, было бы для него тяжкимъ ударомъ. Жена у него нездорова, и онъ пришелъ вчера ко мнѣ съ просьбою, нельзя ли будетъ что-нибудь сдѣлать и попро-

сить у васъ отсрочки. Онъ думаетъ, что обернется какъ-нибудь, если вы дадите ему время.

— Они всѣ такъ думаютъ,— отозвался графъ съ нѣсколько суровымъ видомъ.

Фонтлерой сдѣлалъ движеніе впередъ. Онъ стоялъ все время между дѣдомъ и посѣтителемъ, жадно прислушиваясь къ ихъ разговору. Онъ сразу заинтересовался Хиггинсомъ. Ему хотѣлось узнать, сколько у того было дѣтей и насколько сильно они пострадали отъ скарлатины. Широко открывъ глаза и пристально устремивъ ихъ на пастора, онъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за его разсказомъ.

— Хиггинсъ человѣкъ благонамѣренный,— сказалъ священникъ, стараясь чѣмъ-нибудь подкрѣпить свое ходатайство.

— Онъ довольно плохой арендаторъ,— возразилъ его сіятельство.— У него всегда что-нибудь не ладится, какъ я слышу отъ Ньюика.

— Онъ теперь въ очень затруднительномъ положеніи,— сказалъ ректоръ.— Онъ очень любитъ жену и дѣтей, и если отнять у него ферму, то имъ придется буквально умирать съ голода. Онъ не можетъ доставить имъ необходимой для нихъ здоровой, питательной пищи. Двое изъ дѣтей очень плохи послѣ болѣзни, и докторъ велитъ давать имъ вино и еще кое-что укрѣпляющее, а у Хиггинса нѣтъ на это средствъ.

При этихъ словахъ Фонтлерой сдѣлалъ еще шагъ впередъ.

— То же самое было и съ Михаиломъ,— сказалъ онъ.

Графъ слегка вздрогнулъ.

— Про тебя-то я и забылъ! — сказалъ онъ. — Я забылъ, что у насъ здѣсь есть филантропъ. Кто такой Михаилъ?

И въ его глубоко сидящихъ глазахъ снова мелькнула искра удовольствія.

— Это мужъ Бриджетъ, у котораго была лихорадка, — отвѣчалъ Фонтлерой: — онъ тоже не могъ заплатить аренды и купить дѣтямъ вина и прочаго. А вы дали мнѣ денегъ, чтобы помочь ему.

Графъ какъ-то особенно сдвинулъ брови, но въ этомъ движеніи не было и тѣни свирѣпости. Онъ вскинулъ глаза на пастора.

— Не знаю, какой изъ него выйдетъ землевладѣлецъ,— сказалъ онъ.— Я велѣлъ Хавишаму исполнять всѣ желанія мальчика — какія бы они ни были — а желанія его, повидимому, заключались только въ томъ, чтобы подавать нищимъ.

— О, нѣтъ! Они совсѣмъ не нищіе, — горячо вступился Фонтлерой. — Михаилъ отличный каменщикъ! Они всѣ работали!

— О, еще бы! — сказалъ графъ, — совсѣмъ не нищіе. Это были все отличные каменщики, чистильщики сапоговъ и торговки яблоками.

Онъ замолкъ, остановивъ на минуту свой взглядъ на мальчикѣ. Дѣло въ томъ, что ему пришла новая мысль, вызванная если и не самыми добрыми побужденіями, но все-таки мысль не дурная.

— Поди сюда,— сказалъ онъ, наконецъ.

Фонтлерой приблизился къ нему, насколько было возможно, не тревожа его больную ногу.

— Что сдѣлалъ бы *ты* въ этомъ случаѣ? — спросилъ его сіятельство.

Нужно признаться, что м-ръ Мордаунтъ испыталъ въ эту минуту странное ощущеніе. Будучи человѣкомъ весьма разсудительнымъ и проживъ столько лѣтъ въ Доринкурскомъ имѣніи, зная всѣхъ арендаторовъ, бѣдныхъ и состоятельныхъ, зная, кто былъ честенъ и работящъ, кто лѣнивъ и порочень, онъ прекрасно понималъ, какая власть будетъ со временемъ находиться въ рукахъ этого маленькаго мальчика, который, глубоко заложивъ въ карманы ручонки, широко смотрѣлъ своими карими глазами. Онъ подумалъ также о томъ, что значительная доля власти, вслѣдствіе каприза гордаго, своенравнаго старика, перейдетъ, пожалуй, къ юному лорду уже теперь и, если послѣдній не окажется простымъ и благороднымъ ребенкомъ, можетъ принести величайшее несчастіе не только другимъ, но и ему самому.

— Такъ какъ же поступилъ бы *ты* въ подобномъ случаѣ? — Повторилъ графъ свой вопросъ.

Фонтлерой пододвинулся еще ближе и съ самымъ довѣрчивымъ видомъ положилъ руку на его колѣно.

— Если бы я былъ богатъ, — сказалъ онъ, — и не былъ такимъ маленькимъ мальчикомъ, я бы оставилъ Хиггинса и далъ, что нужно, для его дѣтей; но вѣдь я еще мальчикъ. — Затѣмъ, остановившись на секунду, съ просвѣтленнымъ выраженіемъ лица, онъ прибавилъ: — А вы, *вы* вѣдь все можете сдѣлать?

— Гмъ! — Отозвался лордъ, пристально глядя на него. — Ты такъ думаешь? — И онъ произнесъ это не безъ удовольствія.

— Я думаю, что вы можете всякому дать, что хотите, — сказалъ Фонтлерой. — Кто это Ньюикъ?

— Это мой приказчикъ,— отвѣчалъ графъ, — и нѣкоторые изъ моихъ арендаторовъ его недолюбливаютъ.

— Вы сейчасъ напишете ему письмо? — освѣдомился Фонтлерой.— Принести вамъ перо и чернилъ? Я могу убрать игру со стола.

Очевидно, ему и въ голову не приходило, что Ньюику позволятъ принять какія - нибудь строгія мѣры.

Съ минуту графъ помолчалъ, продолжая смотрѣть на внука.

— Ты умѣешь писать? — спросилъ онъ.

— Да,— отвѣтилъ Кедрикъ,— только не совсѣмъ хорошо.

— Убери это со стола,— распорядился графъ,— и принеси перо и чернила да листокъ бумаги съ моего письменнаго стола.

М-ра Мордаунта начало интересовать происходившее передъ нимъ. Фонтлерой быстро исполнилъ данное ему порученіе: черезъ минуту листъ бумаги, чернильница и перо были готовы.

— Вотъ! — сказалъ онъ весело, — теперь вы можете написать.

— Ты будешь писать,— сказалъ графъ.

— Я! — удивленно воскликнулъ Фонтлерой, и румянецъ выступилъ у него на лицѣ.— Будетъ ли годиться мое письмо? Я не всегда правильно пишу, если у меня нѣтъ словаря, и никто не говоритъ мнѣ, какъ писать.

— Ничего, — отвѣтилъ графъ. — Хиггинсъ не взыщетъ. Филантропъ не я, а ты. Обмокни перо въ чернила.

Фонтлерой взялъ перо и обмакнулъ въ чернильницу; затѣмъ усѣлся, облокотившись на столъ.

— Что же теперь написать? — спросилъ онъ.

— Можешь написать: Хиггинса можно пока не тревожить, — и подпиши: Фонтлерой, — сказалъ графъ.

Фонтлерой еще разъ окунулъ перо въ чернила и, оперевшись рукою, началъ писать. Дѣло шло нѣсколько медленно, но онъ относился къ нему съ великимъ усердіемъ и важностью. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, посланіе было готово, и мальчикъ вручилъ его дѣду съ улыбкою, сквозь которую проглядывало нѣкоторое безпокойство.

— Вы думаете — оно годится? — спросилъ онъ.

Графъ посмотрѣлъ на бумагу, и углы его рта нѣсколько искривились.

— Да, — отвѣчалъ онъ, — Хиггинсъ найдетъ это вполнѣ удовлетворительнымъ. — И онъ передалъ записку м-ру Мордаунту.

Пасторъ прочиталъ слѣдующее:

„Дарагой мистеръ Ньюикъ пажалуста не тревоште пока хигинса чъмъ обяжете

„вашего пакорнава слугу

Фонтлероя".

— М-ръ Хоббсъ всегда такъ подписывалъ свои письма, — сказалъ Фонтлерой, — и мнѣ казалось лучше написать: пожалуйста! Вѣрно ли я написалъ — тревожьте?

— Оно, дѣйствительно, не совсѣмъ такъ пишется, — отвѣчалъ графъ.

— Я этого боялся, — сказалъ Фонтлерой. — Мнѣ бы нужно было спросить. Вотъ вѣдь какъ трудно писать слова, въ которыхъ больше одного слога;

приходится смотрѣть въ словарѣ. Это всегда вѣрнѣе. Я перепишу это сызнова.

И онъ, дѣйствительно, переписалъ, на этотъ разъ— прекрасно, справляясь при каждомъ сомнительномъ случаѣ правописанія у графа.

— Какъ это странно пишутся слова, — сказалъ онъ.— Совсѣмъ другой разъ не такъ, какъ думаешь. Я всегда думалъ, что пожалуйста пишется п-а-ж-а-л-у-с-т-а, а выходитъ, что это совсѣмъ не такъ; если не справишься въ словарѣ, то кажется, что дорогой пишется д-а-р-а-г-о-й. Иногда совсѣмъ не знаешь, что дѣлать.

Уходя м-ръ Мордаунтъ унесъ съ собою письмо, а вмѣстѣ съ нимъ и еще нѣчто — именно, болѣе пріятное и радостное чувство, чѣмъ то, съ какимъ ему приходилось покидать Доринкурскій замокъ послѣ любого изъ прежнихъ своихъ посѣщеній.

Когда онъ ушелъ, Фонтлерой, проводившій его до двери, вернулся къ дѣду.

— Нельзя ли мнѣ пойти теперь къ Милочкѣ?— спросилъ онъ.— Я думаю, она будетъ ждать меня.

Графъ нѣсколько помолчалъ.

— Сначала тебѣ нужно посмотрѣть кое-что въ конюшнѣ, — сказалъ онъ.— Позвони въ колокольчикъ.

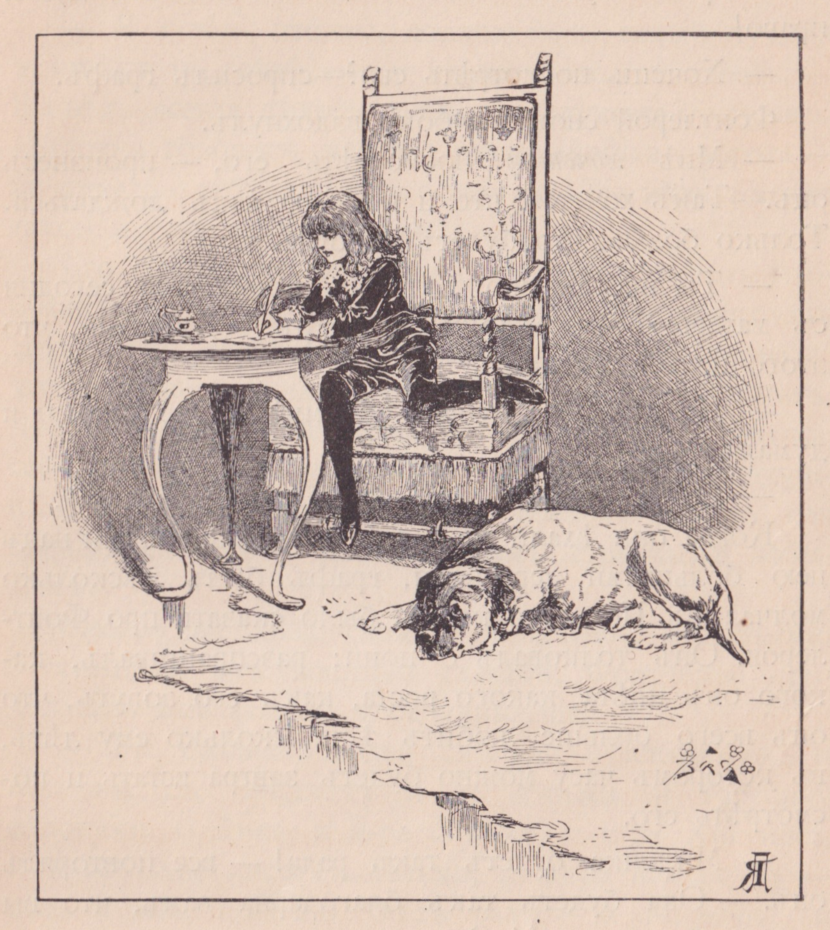
— Какъ вамъ угодно, — быстро покраснѣвъ, сказалъ Кедрикъ. — Я вамъ очень благодаренъ; но лучше бы я посмотрѣлъ это завтра. А то ей придется ждать еще дольше.

— Отлично, — отвѣтилъ графъ.— Мы велимъ заложить карету. — Затѣмъ онъ сухо прибавилъ: — а вѣдь въ конюшнѣ пони.

Фонтлерой глубоко вздохнулъ.

— Пони!—воскликнулъ онъ.—Чей это пони?

— Твой.

Лордъ Фонтлерой пишетъ письмо.

— Мой? Мой—какъ и все, что тамъ наверху?

— Да,—сказалъ дѣдъ.—Тебѣ хотѣлось бы взглянуть на него? Велѣть мнѣ его вывести?

Щеки Фонтлероя разгорались все ярче и ярче.

— Я никогда не думалъ, что у меня будетъ пони! — сказалъ онъ. — Я этого никогда не думалъ! Какъ рада будетъ Милочка. Вы мнѣ *все* даете, право!

— Хочешь посмотрѣть его?—спросилъ графъ.

Фонтлерой снова глубоко вздохнулъ.

— Мнѣ *хочется* посмотрѣть его, — произнесъ онъ.—Такъ хочется, что и не знаю какъ дождаться. Только боюсь, что будетъ некогда.

— Ты непремѣнно долженъ повидаться сегодня съ матерью? — освѣдомился графъ. — Думаешь, что этого нельзя отложить?

— Но вѣдь она думала обо мнѣ цѣлое утро, и я думалъ о ней!

— О!—сказалъ графъ.—Вотъ какъ? Позвони.

Когда они ѣхали по аллеѣ, подъ нависшими надъ нею большими деревьями, графъ былъ нѣсколько молчаливъ. Но этого нельзя было сказать про Фонтлероя. Онъ толковалъ о пони; разспрашивалъ, какого онъ цвѣта, какого роста, какъ его зовутъ, что онъ всего больше любитъ ѣсть, сколько ему лѣтъ, въ которомъ часу можно будетъ завтра встать и посмотрѣть его.

— Милочка будетъ такъ рада! — все повторялъ онъ. — Она будетъ такъ благодарна вамъ, что вы такъ добры ко мнѣ! Она знаетъ, что я всегда очень любилъ пони, но мы никогда не думали, что онъ у меня будетъ. У насъ на Пятой аллеѣ былъ мальчикъ, у котораго былъ пони, и онъ каждое утро ѣздилъ на немъ, а мы обыкновенно гуляли мимо его дома, чтобы увидать его.

Онъ откинулся на подушки и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ нѣмомъ восхищеніи смотрѣлъ на графа.

— Я думаю, что вы, должно-быть, самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ, — заговорилъ онъ, наконецъ. — Вы вѣдь всегда дѣлаете добро?—и думаете о другихъ. Милочка говоритъ, что это самая лучшая доброта — не думать о себѣ, а думать о другихъ. Вы вѣдь именно такой и есть, не правда ли?

Его сіятельство былъ настолько ошеломленъ изображеніемъ своей особы въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, что затруднился отвѣтомъ. Онъ чувствовалъ, что ему необходимо время, чтобы обдумать отвѣтъ. Видѣть превращеніе каждаго изъ своихъ дурныхъ, себялюбивыхъ побужденій въ добрыя и великодушныя, благодаря простодушію ребенка — было для старика слишкомъ неожиданнымъ, страннымъ событіемъ.

Смотря на дѣда своими большими, невинными, блестящими отъ восторга глазами, Фонтлерой продолжалъ высказывать свое удивленіе.

— Вы столько людей сдѣлали счастливыми: и Михаила съ Бриджетъ и съ дѣтьми, и торговку яблоками, и Дика, и м-ра Хоббса, и м-ра Хиггинса, и м-ссъ Хиггинсъ съ дѣтьми, и м-ра Мордаунта — вѣдь и онъ, конечно, былъ радъ — и Милочку, и меня. Знаете, я сосчиталъ по пальцамъ и въ умѣ, и насчиталъ двадцат семь человѣкъ, которымъ вы сдѣлали добро. Это очень много — двадцат семь!

— Да развѣ *я* былъ добръ къ нимъ? — сказалъ графъ.

— Разумѣется, вы, — отвѣчалъ Фонтлерой. — Вы всѣхъ ихъ сдѣлали счастливыми. Знаете ли вы, — прибавилъ онъ съ нѣкоторою нерѣшительностью, — что иногда люди ошибаются насчетъ графовъ, если ихъ не знаютъ. М-ръ Хоббсъ тоже ошибался. Я хочу теперь написать ему объ этомъ.

— Какого же мнѣнія былъ м-ръ Хоббсъ о графахъ?—спросилъ его сіятельство.

— Какъ вамъ сказать, — отвѣчалъ его собесѣдникъ,—бѣда въ томъ, что никого изъ нихъ онъ не зналъ, а читалъ про нихъ только въ книгахъ. Онъ думалъ — вы объ этомъ не безпокойтесь, — что они кровожадные тираны; но если бы онъ зналъ *васъ*, то, навѣрное, думалъ бы совсѣмъ по-другому. Я ему напишу про васъ.

— Что же ты ему напишешь?

— Я скажу ему, что вы самый добрый человѣкъ, какого я только знаю; что вы всегда думаете о другихъ, дѣлаете ихъ счастливыми и... и что я надѣюсь, когда выросту, быть совсѣмъ похожимъ на васъ.

— Совсѣмъ похожимъ на меня! — повторилъ старый лордъ, глядя на сіяющее личико.

И сквозь его увядшую кожу проступило что-то похожее на краску стыда; онъ вдругъ повернулъ глаза въ сторону и сталъ глядѣть въ окно кареты на большія буковыя деревья, на ихъ темно-красные, освѣщенные солнцемъ листья.

— *Совсѣмъ* похожимъ на васъ,—сказалъ Фонтлерой, скромно прибавивъ: — если я могу. Можетъ-быть, я не настолько добръ, но я постараюсь.

Карета, между тѣмъ, катилась по прекрасной аллеѣ подъ роскошными, развѣсистыми деревьями,

то мимо тѣнистыхъ купъ, то въ виду ярко освѣщенныхъ стѣнъ зелени. Снова увидѣлъ Фонтлерой красивыя поляны, заросшія папоротникомъ вперемежку съ крупными колокольчиками; снова увидалъ онъ оленей, то стоявшихъ, то лежавшихъ въ густой, сочной травѣ, какъ и наканунѣ повертывавшихъ голову въ сторону экипажа и провожавшихъ его глазами. Какъ и за день передъ тѣмъ, то здѣсь, то тамъ выбѣгали рѣзвые кролики и тотчасъ же снова скрывались въ чащѣ кустовъ. Громкій взлетъ куропатокъ, крики и пѣніе птицъ — все это казалось ему еще прекраснѣе, нежели въ первый разъ. Сердце его было полно удовольствія и счастія среди отовсюду окружавшей его красоты. Хотя старый графъ тоже, повидимому, смотрѣлъ въ окна кареты, но мысли его и слухъ были заняты совсѣмъ другимъ. Онъ видѣлъ долгую жизнь, въ которой не было ни благородныхъ поступковъ ни добрыхъ мыслей. Онъ видѣлъ годы, въ которые человѣкъ, тогда еще молодой и сильный, обладавшій богатствомъ и властью, употреблялъ и молодость, и силу, и богатство, и власть лишь на то, чтобы угодить самому себѣ и убить свое время. Онъ видѣлъ этого человѣка, когда время уже было убито, и наступила старость — старость одинокая, безъ истинныхъ друзей, несмотря на всю окружавшую его роскошь. Онъ видѣлъ людей или не любившихъ, или боявшихся его, или готовыхъ льстить и унижаться передъ нимъ, но въ дѣйствительности совершенно равнодушныхъ къ тому, живъ онъ или умеръ, развѣ изъ этого могла проистекать для нихъ какая-нибудь выгода или потеря. Онъ смотрѣлъ на обширныя площади принадлежавшихъ

ему земель и зналъ — чего не зналъ Фонтлерой — какъ далеко онѣ простирались, какое представляли собою богатство и сколько на нихъ жило людей. Онъ зналъ также — о чемъ Фонтлерой тоже не вѣдалъ — что въ числѣ этихъ людей, состоятельныхъ или бѣдныхъ, врядъ ли былъ кто-нибудь, кому, при всей зависти къ богатству, громкому имени и власти, при всемъ желаніи обладать всѣмъ этимъ, могло бы хотя на одну минуту прійти въ голову назвать этого вельможнаго собственника «добрымъ» или пожелать, подобно Кедрику, быть на него похожимъ.

Размышлять объ этомъ было не особенно пріятно даже такому суетному, съ такою очерствѣлою совѣстью человѣку, въ теченіе семидесяти лѣтъ довольствовавшемуся только самимъ собою и никогда не снисходившему до мысли о томъ, что думалъ о немъ свѣтъ, поскольку это не касалось его удобства или удовольствій. Онъ въ самомъ дѣлѣ ни разу до сихъ поръ не размышлялъ объ этомъ; и если задумался теперь, то лишь потому, что ребенокъ считалъ его лучшимъ, нежели онъ былъ, и, желая послѣдовать его примѣру, заставилъ его задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли онъ представлялъ собою личность, достойную служить образцомъ для другихъ.

Фонтлерой подумалъ, что у графа очень болитъ нога — настолько сморщены были брови смотрѣвшаго изъ кареты дѣда; внимательный мальчикъ разсудилъ не тревожить его разговоромъ и сталъ опять молча разсматривать деревья, папоротники и оленей. Наконецъ, миновавъ ворота и проѣхавъ еще

вдоль нѣсколькихъ зеленыхъ изгородей, карета остановилась. Они пріѣхали въ Кауртъ-Лоджь, и Кедрикъ соскочилъ на землю прежде, чѣмъ рослый лакей успѣлъ отворить дверцы экипажа.

Графъ вдругъ встрепенулся.

— Какъ, — сказалъ онъ. — Развѣ ужъ мы пріѣхали?

— Да, — отвѣчалъ Фонтлерой. — Позвольте мнѣ подать вамъ вашу палку. Опирайтесь на меня, когда будете выходить.

— Я не буду выходить, — произнесъ старикъ отрывисто.

— Вы... вы не хотите повидаться съ Милочкой? — съ удивленіемъ воскликнулъ Фонтлерой.

— Милочка извинитъ меня, — сухо отозвался графъ. — Ступай къ ней и скажи, что даже новый пони не могъ удержать тебя дома.

— Ей будетъ очень жалко, — сказалъ Фонтлерой. — Она непремѣнно захочетъ увидаться съ вами.

— Ну, не думаю, — былъ отвѣтъ. — Карета заѣдетъ за тобою на обратномъ пути. — Томъ, скажи Джеффри, чтобъ ѣхалъ дальше.

Томъ захлопнулъ дверцы, и Фонтлерой, взглянувъ на дѣда съ недоумѣніемъ, пустился къ дому. Графъ имѣлъ случай — какъ раньше Хавишамъ — увидать пару красивыхъ маленькихъ ногъ, съ удивительною быстротою замелькавшихъ по дорожкѣ. Обладатель ихъ, видимо, не хотѣлъ терять времени. Карета медленно покатилась дальше, но его сіятельство не откинулся на подушки, а все продолжалъ смотрѣть изъ окна. Черезъ просвѣтъ между деревьями онъ могъ видѣть дверь дома, стоявшую настежь.

Маленькая фигура вбѣжала по ступенькамъ, а навстрѣчу ей показалась другая, тоже миніатюрная, фигура стройной, молодой женщины въ черномъ платьѣ. Казалось, какъ будто онѣ обѣ слетѣлись вмѣстѣ, когда Фонтлерой вскочилъ въ объятія матери и, обвивъ ея шею руками, покрывалъ поцѣлуями ея красивое, молодое лицо.

VII.

Въ слѣдующее воскресное утро къ службѣ въ приходской церкви собралось много народа. Дѣйствительно, м-ръ Мордаунтъ не могъ запомнить, чтобъ когда-либо раньше стеченіе богомольцевъ было такъ велико. Явилось не мало такихъ, которые вообще рѣдко приходили слушать его проповѣди. Но на этотъ разъ можно было встрѣтить здѣсь даже прихожанъ сосѣдней церкви. Тутъ были дюжіе, съ загорѣлыми лицами, фермеры, здоровыя, краснощекія, въ своихъ лучшихъ чепцахъ и шаляхъ, фермерши, въ сопровожденіи полудюжины ребятъ на каждую семью. Была и докторша съ четырьмя дочерьми. На своихъ скамьяхъ сидѣли и м-ръ Кимсей съ женою, содержавшіе аптекарскій магазинъ и снабжавшіе пилюлями и порошками весь околотокъ, и м-ссъ Диббль, и портниха, миссъ Смиффъ, съ подругой, м-ссъ Перкинсъ, модисткой; явился и фельдшеръ, и служащій изъ аптеки — однимъ словомъ, налицо были представители почти каждой семьи со всего пространства графскихъ владѣній.

Въ теченіе предшествовавшей недѣли про маленькаго лорда Фонтлероя передавалось множество уди-

вительныхъ разсказовъ. М-ссъ Диббль было столько дѣла съ покупательницами, приходившими купить на одинъ пенни иголокъ или мотокъ тесьмы и послушать ея разсказовъ, что подвѣшенный на двери ея лавочки колокольчикъ звонилъ не переставая съ утра и до вечера. М-ссъ Диббль во всѣхъ подробностяхъ было извѣстно, какъ были убраны комнаты, назначенныя для маленькаго лорда, какія были куплены дорогія игрушки. Она знала о томъ, что для него приготовлены были и прекрасный бурый пони, и маленькій грумъ для ухода за лошадью, и маленькая колясочка съ серебряной упряжью. Она могла разсказать также все, что передавала каждая изъ прислугъ, которой удалось видѣть ребенка въ ночь его прибытія, и какъ всякая служанка въ людской сѣтовала о томъ, что такого милаго мальчика разлучили съ его матерью. Отъ нея можно было узнать, какъ у всѣхъ сжалось сердце, когда онъ одинъ пошелъ въ библіотеку къ своему дѣду, — вѣдь страшно было подумать, какъ тотъ обойдется съ одинокимъ ребенкомъ, когда у старыхъ-то людей сердце въ пятки уходитъ.

— Вы, м-ссъ Дженниферъ, пожалуй, не повѣрите мнѣ, — говорила м-ссъ Диббль, — только у этого ребенка совсѣмъ нѣтъ страха — самъ м-ръ Томъ это говоритъ; и какъ онъ улыбался и разговаривалъ съ его сіятельствомъ, — ну, просто, какъ бы давнишіе друзья. И графъ-то, говорятъ, такъ опѣшилъ, что сидитъ только да слушаетъ, да смотритъ на него исподлобья. М-ръ Томъ считаетъ, скажу, вамъ милая м-ссъ Бэтсъ, что какъ ни дуренъ старикъ, а и тотъ въ душѣ былъ доволенъ и возгордился. Да и что

же тутъ мудренаго? М-ръ Томъ говоритъ, что лучшаго и желать нельзя — такъ ужъ онъ красивъ, мальчикъ-то, да такія у него прекрасныя манеры, развѣ что немножко старомодныя.

А затѣмъ явилась исторія съ Хиггинсомъ. М-ръ Мордаунтъ разсказалъ ее за своимъ обѣдомъ, а слышавшая ее прислуга разсказала ее въ кухнѣ, откуда она быстро распространилась и по всему околотку.

И когда, въ базарный день, Хиггинсъ появился въ городѣ, то его засыпали разспросами. Освѣдомлялись и у Ньюика, который вмѣсто отвѣта показалъ нѣкоторымъ записку съ подписью: «Фонтлерой».

Такимъ образомъ, женской половинѣ фермерскаго населенія было о чемъ поговорить за чаемъ или во время посѣщенія лавокъ за покупками; и всѣ онѣ относились къ этому дѣлу по справедливости и не могли нахвалиться маленькимъ лордомъ. Отсюда станетъ понятнымъ, что фермерши въ первое же воскресенье отправились въ церковь, кто пѣшкомъ, а кто на лошадяхъ, въ сопровожденіи своихъ мужей, которымъ, пожалуй, тоже не безынтересно было взглянуть на молодого барина, будущаго хозяина земли.

Не въ привычкѣ графа было посѣщать церковь, но въ это первое воскресенье онъ рѣшилъ занять въ ней старинную фамильную ложу вмѣстѣ съ Фонтлероемъ.

По дорогѣ къ церкви и на самомъ церковномъ дворѣ собралось, такимъ образомъ, много любопытныхъ. Цѣлыми группами стоялъ народъ и на паперти

и въ воротахъ, и повсюду слышались догадки и споры насчетъ возможности пріѣзда въ церковь его сіятельства. Вдругъ въ самый разгаръ этихъ споровъ послышалось восклицаніе какой-то женщины:

— Э, да вѣдь это, должно-быть, мать!

Всѣ слышавшіе эти слова обернулись и увидали невысокаго роста, стройную, молодую женщину въ черномъ, шедшую по дорожкѣ. Вуаль ея была откинута назадъ, такъ что зрители могли видѣть ея красивое и пріятное лицо и слегка курчавые, какъ у ребенка, свѣтлые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ ея вдовьяго головного убора.

Она не думала объ окружавшемъ ея народѣ. Она думала о Кедрикѣ, о его пріѣздахъ къ ней, о его радости по поводу своего новаго пони, на которомъ онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ къ ней наканунѣ, при чемъ сидѣлъ очень прямо и казался чрезвычайно счастливымъ. Скоро, однако, ей невольно пришлось обратить вниманіе на то, что на нее смотритъ столько глазъ и что прибытіе ея произвело нѣкотораго рода волненіе. Она замѣтила это сначала потому, что какая-то старушка въ красной мантильѣ сдѣлала ей реверансъ, а затѣмъ другая, сдѣлавъ то же самое, сказала:

— Да пошлетъ вамъ Богъ счастія, сударыня! — и вслѣдъ затѣмъ мужчины одинъ за другимъ снимали шляпы по мѣрѣ того, какъ она проходила мимо ихъ.

Въ первую минуту она не поняла, а потомъ только догадалась, что ее привѣтствуютъ потому, что она мать маленькаго Фонтлероя. При этой мысли лицо ея нѣсколько зарумянилось: улыбаясь и поклонив-

шись въ свою очередь, она, обращаясь къ первой привѣтствовавшей ее старушкѣ, сказала:

— Благодарю васъ.

Для человѣка, жившаго всегда въ полномъ суеты и движенія американскомъ городѣ, такая простая форма почтительнаго вниманія составляла положительную новость и на первый разъ ставила въ нѣкоторое затрудненіе. Въ концѣ концовъ, однако, ей не могъ не понравиться и не произвести пріятнаго впечатлѣнія ласковый тонъ такого привѣтствія. Едва она успѣла пройти въ церковь, какъ совершилось великое событіе этого дня. Карета изъ замка, запряженная великолѣпными лошадьми и съ кучеромъ и лакеемъ, одѣтыми въ богатыя ливреи, обогнула уголъ и появилась на дорогѣ.

— Вотъ они ѣдутъ! — пронеслось по толпѣ отъ одного зрителя къ другому.

Карета остановилась; Томъ соскочилъ съ козелъ, отворилъ дверцу, и изъ нея выпрыгнулъ одѣтый въ черный бархатъ, съ пышными золотистыми волосами, маленькій мальчикъ.

Всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти, смотрѣли на него съ любопытствомъ.

— Ни дать ни взять капитанъ! — говорили помнившіе еще его отца. — Какъ двѣ капли воды самъ капитанъ!

Между тѣмъ, Кедрикъ, освѣщенный яркимъ утреннимъ солнцемъ, стоялъ и съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ Томъ высаживалъ графа изъ экипажа. Какъ только явилась для него возможность оказать старику помощь съ своей стороны, онъ протянулъ руку и подставилъ свое

плечо, какъ взрослый человѣкъ. Для всѣхъ стало ясно, что какъ бы ни относились къ графу Доринкуру другіе, внуку своему онъ не внушалъ ни малѣйшаго страха.

— Опирайтесь, пожалуйста, на меня, — слышенъ былъ его голосъ. — Какъ рады эти люди видѣть васъ и какъ, должно-быть, они васъ хорошо знаютъ!

— Сними шляпу, Фонтлерой, — сказалъ графъ. — Они тебѣ кланяются.

— Мнѣ! — воскликнулъ Фонтлерой, поспѣшно сорвавъ свою шляпу, и, восторженно и вмѣстѣ удивленно озираясь, началъ раскланиваться кругомъ, какъ бы стараясь сразу поклониться каждому изъ окружавшей его толпы.

— Да сохранитъ Богъ вашу милость! — сказала, присѣдая, старушка въ красной мантильѣ — та же, что передъ тѣмъ первая привѣтствовала его мать: — дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать!

— Благодарю васъ, сударыня, — сказалъ Фонтлерой.

Вслѣдъ затѣмъ они вошли въ церковь, и здѣсь всѣ присутствовавшіе провожали ихъ глазами, пока они проходили къ своей украшенной красными драпировками и такими же подушками ложѣ. Усѣвшись здѣсь поудобнѣе, Кедрикъ сдѣлалъ два пріятныя открытія: во-первыхъ, онъ увидалъ, что по другую сторону церкви сидитъ его мать и улыбается ему; во-вторыхъ, сбоку ложи, на стѣнѣ, виднѣлись двѣ странныя, высѣченныя изъ камня фигуры. Обратившись лицомъ другъ къ другу, онѣ стояли колѣнопреклоненныя съ обѣихъ сторонъ столба, поддерживавшаго два каменные молитвенника; на нихъ были какія-то старинныя, необыкновенныя одежды, а руки сложены какъ бы для молитвы. Внизу на доскѣ была какая-то надпись, изъ которой онъ могъ только прочесть слѣдующія показавшіяся ему непонятными слова:

«Здѣсь лежитъ тѣло Григорія Артура, перваго графа Доринкура. Также Алисоны Гильдегарды его жены».

— Могу я вамъ сказать потихоньку? — спросилъ маленькій лордъ, снѣдаемый любопытствомъ.

— Что такое? — отозвался дѣдъ.

— Кто они?

— Твои предки, — отвѣтилъ графъ, — жившіе нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Фонтлерой посмотрѣлъ на нихъ съ уваженіемъ и началъ прислушиваться къ службѣ. Когда началась музыка, онъ всталъ и улыбаясь посмотрѣлъ черезъ церковь на мать. Онъ очень любилъ музыку и

часто, бывало, пѣлъ вмѣстѣ съ матерью, такъ что и теперь началъ громко подпѣвать органу; и его чистый, звучный голосъ явственно раздавался подъ высокими сводами храма. Онъ вполнѣ увлекся пѣніемъ; рядомъ съ нимъ забылся нѣсколько и графъ, сидѣвшій въ закрытомъ драпировками углу своей ложи и наблюдавшій за мальчикомъ. Кедрикъ стоялъ съ открытою книгою въ рукахъ и пѣлъ изо всей своей дѣтской мочи, слегка приподнявъ личико и видимо вполнѣ счастливый. Прокравшійся сквозь цвѣтныя стекла солнечный лучъ упалъ на его голову, еще ярче позолотивъ его длинные свѣтлые волосы. Мать, взглянувъ на него въ эту минуту, почувствовала, какъ радостно встрепенулось въ ней сердце и подсказало ей помолиться — помолиться о томъ, чтобы это простое, чистое счастіе его дѣтской души не покидало его, чтобы неожиданно выпавшее на его долю великое богатство не могло принести ему никакого вреда. Въ эти новые дни много отрадныхъ и тревожныхъ думъ побывали въ ея нѣжномъ, любящемъ сердцѣ.

— О, Кедрикъ! — говорила она ему наканунѣ вечеромъ, когда прощалась съ нимъ, — хотѣлось бы мнѣ, ради тебя, быть много знающей, чтобы я могла умно поговорить съ тобою! Но будь только добръ, мой милый, будь только всегда честенъ, всегда добръ и ты никогда никому не принесешь вреда, пока будешь жить, а можешь помочь многимъ; и міръ, можетъ-быть, станетъ лучшимъ, благодаря моему маленькому ребенку. А это всего лучше, Кедди, — это лучше всего остальнаго, если міръ хотя немножко лучше станетъ потому, что жилъ такой

человѣкъ — даже хотя немножечко лучше, дорогой мой.

Вернувшись въ замокъ, Фонтлерой повторилъ дѣду эти слова своей матери.

— И я думалъ о васъ, когда она это говорила, — закончилъ онъ: — и я сказалъ ей, что люди, навѣрное, стали лучше, потому что вы жили, и что я постараюсь, если могу, быть похожимъ на васъ.

— А что она сказала на это? — спросилъ его сіятельство, чувствуя себя не совсѣмъ ловко.

— Она сказала, что это правда, и мы должны всегда отыскивать въ людяхъ добро и стараться подражать ему.

Можетъ-быть, старикъ вспомнилъ именно объ этомъ, когда смотрѣлъ изъ-за красныхъ занавѣсокъ своей ложи. Не одинъ разъ взглянулъ онъ черезъ головы молящихся въ ту сторону, гдѣ одинокою сидѣла жена его сына, и видѣлъ красивое лицо, которое такъ любилъ этотъ непрощенный сынъ, и эти глаза, столь похожіе на глаза сидѣвшаго съ нимъ ребенка; но трудно было бы разгадать, о чемъ онъ думалъ, и были ли его мысли горьки и тяжки или горечь ихъ была нѣсколько смягчена.

Когда они выходили изъ церкви, то многіе изъ присутствовавшихъ при богослуженіи стояли въ ожиданіи ихъ выхода. Когда они приближались къ воротамъ, человѣкъ, стоявшій со шляпой въ рукѣ, сдѣлалъ было шагъ впередъ, но потомъ остановился въ нерѣшительности. Это былъ фермеръ среднихъ лѣтъ, съ лицомъ, носившимъ глубокіе слѣды заботъ и огорченій.

— Это Хиггинсъ, — сказалъ графъ.

Фонтлерой быстро обернулся въ его сторону.

— А!—воскликнулъ онъ,—это Хиггинсъ?

— Да,—сухо отвѣтилъ графъ, — онъ, должно-быть, пришелъ взглянуть на своего новаго ландлорда.

— Да, мой лордъ, — сказалъ Хиггинсъ, и его загорѣлое лицо покраснѣло.— М - ръ Ньюикъ сказалъ мнѣ, что его милость, молодой лордъ, былъ настолько добръ, что говорилъ за меня, и мнѣ хотѣлось бы поблагодарить его, если бы мнѣ это позволили.

Вѣроятно, онъ нѣсколько удивился, когда оказалось, что человѣкъ, который столько для него сдѣлалъ, былъ такимъ маленькимъ мальчикомъ и смотрѣлъ точно такъ же, какъ смотрѣлъ бы одинъ изъ его собственныхъ менѣе счастливыхъ сыновей, нимало, повидимому, не сознавая своего значенія.

— Я за многое долженъ благодарить вашу милость,—сказалъ онъ,—за многое. Я...

— О!—прервалъ его Фонтлерой.—Я только написалъ письмо. Это мой дѣдушка сдѣлалъ. Но вы знаете, какъ онъ всегда добръ ко всѣмъ вамъ. М-ссъ Хиггинсъ теперь здорова?

Хиггинсъ какъ будто смутился. Ему было также нѣсколько странно слышать отзывъ о своемъ благородномъ ландлордѣ, какъ о человѣкѣ доброжелательномъ, исполненномъ самыхъ лестныхъ качествъ.

— Я... какъ же, да, ваша милость, — проговорилъ онъ запинаясь, — женѣ лучше съ тѣхъ поръ, какъ забота отлегла у нея отъ сердца. Она заболѣла съ горя.

— Я радъ этому,—сказалъ Фонтлерой.—Дѣдушкѣ было очень жаль, что у вашихъ дѣтей была скарлатина, и мнѣ тоже было жалко васъ. У него у самого были дѣти. Я вѣдь его внучекъ.

Хиггинсъ чуть не умеръ со страха. Онъ сознавалъ, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе для него не смотрѣть на графа. Вѣдь всѣмъ хорошо

«...—Я за многое долженъ благодарить вашу милость,—сказалъ Хиггинсъ...»

было извѣстно, что его отеческая привязанность къ своимъ сыновьямъ была такова, что онъ видалъ ихъ всего раза два въ годъ и что, когда они захворали, онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Лондонъ, не желая возиться съ докторами и сидѣлками. Такимъ образомъ, нервамъ его сіятельства пришлось выдержать нѣкотораго рода испытаніе, когда въ его присутствіи

сказали, что онъ принимаетъ участіе въ больныхъ скарлатиной.

— Видишь ли, Хиггинсъ, — вмѣшался графъ тономъ сухой усмѣшки, — вашъ братъ ошибался во мнѣ. Лордъ Фонтлерой меня понимаетъ. Если вамъ потребуются достовѣрныя свѣдѣнія насчетъ моего характера, обращайтесь къ нему. Садись въ карету, Фонтлерой.

Фонтлерой послѣдовалъ этому приказанію, и карета покатилась. Она успѣла выѣхать на большую дорогу, а искривленная злая улыбка не сходила съ губъ стараго графа.

VIII.

Лорду Доринкуру много разъ приходилось носить свою суровую улыбку въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился со внукомъ, эта улыбка такъ часто появлялась на его лицѣ, что, наконецъ, почти потеряла свою суровость. Нельзя отрицать того, что, до появленія на сценѣ лорда Фонтлероя, старикъ все больше и больше тяготился своимъ одиночествомъ, своей подагрой и своими семью десятками лѣтъ. Послѣ такой продолжительной жизни, исполненной бурныхъ тревогъ и наслажденій, куда какъ непріятно было сидѣть одному, даже въ самой роскошной комнатѣ, держа одну ногу на скамейкѣ и не имѣя иного развлеченія, кромѣ припадковъ ярости и крика на испуганнаго лакея, которому уже одинъ видъ его былъ ненавистенъ. Старый графъ былъ настолько уменъ, что не могъ не знать въ

совершенствѣ, какое отвращеніе питали къ нему его слуги, и что если кто-нибудь и посѣщалъ его, то совсѣмъ не изъ любви къ старику — хотя нѣкоторые находили своего рода забаву въ его безпощадно рѣзкихъ, саркастическихъ разговорахъ. До тѣхъ поръ, пока онъ былъ здоровъ и силенъ, онъ переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое подъ предлогомъ развлечь себя, хотя на самомъ дѣлѣ не испытывалъ при этомъ никакого удовольствія; когда же здоровье его начало слабѣть, все стало ему надоѣдать, и онъ заперся въ своемъ Доринкурскомъ помѣстьѣ съ своей подагрой, съ газетами и книгами. Но онъ не могъ читать постоянно, отчего скука все сильнѣе овладѣвала имъ. Онъ ненавидѣлъ длинные ночи и дни, и становился все болѣе и болѣе дикимъ и раздражительнымъ. Но вотъ явился Фонтлерой. Когда графъ увидалъ его, то, къ счастію для ребенка, гордость дѣда была втайнѣ удовлетворена съ самаго начала. Будь Кедрикъ менѣе красивымъ мальчикомъ, онъ могъ бы такъ не понравиться старику, что тотъ лишилъ бы себя возможности увидать остальныя, лучшія качества своего внука. Но онъ предпочелъ объяснить себѣ, что въ красотѣ и безстрашіи Кедрика сказывалась кровь Доринкуровъ, и что эти качества дѣлали честь Доринкурскому роду. А услыхавъ разговоръ мальчика и увидя, насколько онъ былъ благовоспитанъ, несмотря на дѣтское невѣдѣніе всего значенія наступившей для него перемѣны, старый графъ уже нѣсколько полюбилъ его и въ самомъ дѣлѣ заинтересовался мальчикомъ. Его забавляла передача въ эти дѣтскія руки возможности оказать благодѣяніе бѣдному Хиггинсу. Его сіятельству не

было никакой заботы до бѣднаго Хиггинса, но ему нѣсколько пріятна была мысль, что объ его внукѣ будутъ говорить въ околоткѣ, и что онъ съ дѣтства уже начнетъ пріобрѣтать популярность среди арендаторовъ. И въ церковь онъ поѣхалъ съ Кедрикомъ изъ-за желанія видѣть то волненіе и тотъ интересъ, которые ихъ появленіе вызоветъ въ толпѣ. Онъ зналъ, какъ народъ будетъ толковать о красотѣ ребенка, объ его изящномъ, стройномъ станѣ, объ его прямой походкѣ, и какъ будутъ говорить (что онъ и слышалъ въ разговорѣ двухъ женщинъ), что мальчикъ «съ головы до ногъ настоящій лордъ». Графъ Доринкуръ былъ надменный старикъ, гордый своимъ именемъ, а потому не могъ не гордиться возможностью показать міру, что наконецъ-то домъ Доринкуровъ имѣетъ наслѣдника, достойнаго занять принадлежащее ему положеніе.

Въ то утро, когда пробовали новаго пони, графъ былъ такъ доволенъ, что почти забылъ свою подагру. Когда грумъ вывелъ красавицу-лошадь, круто сгибавшую свою темную, глянцовитую шею и мотавшую своей изящной головкой, графъ сидѣлъ у открытаго окна библіотеки и смотрѣлъ, какъ Фонтлерой бралъ свой первый урокъ верховой ѣзды. Ему хотѣлось знать, обнаружитъ ли мальчикъ признаки робости. Пони былъ не изъ очень маленькихъ, а графу часто приходилось видѣть, что дѣти боялись въ первый разъ садиться на лошадь.

Фонтлерой былъ въ восторгѣ, садясь на пони еще первый разъ въ своей жизни. Конюхъ Вилькинсъ сталъ водить лошадь подъ уздцы взадъ и впередъ передъ окнами библіотеки.

— Ну, смѣлъ же онъ, право, — говорилъ потомъ въ конюшнѣ Вилькинсъ ухмыляясь. — Безъ хлопотъ усадилъ его. Другой взрослый не усидитъ такъ прямо. Говоритъ онъ мнѣ: «Вилькинсъ,—говоритъ,— прямо ли я сижу? Въ циркѣ, — говоритъ, — прямо сидятъ».—«Какъ солдатъ,—говорю,—ваша милость». Понравилось, значитъ, это ему, смѣется и говоритъ: «ты, Вилькинсъ, скажи мнѣ, когда я не прямо буду сидѣть».

Но сидѣнье прямо и ѣзда шагомъ на лошади, которую водятъ подъ уздцы, не могли удовлетворить Фонтлероя вполнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, увидавъ дѣда въ окнѣ, онъ заговорилъ съ нимъ.

— Нельзя ли мнѣ поѣздить одному? — спросилъ онъ, — и нельзя ли ѣхать пошибче? Мальчикъ на Пятой аллеѣ ѣздилъ обыкновенно рысью и галопомъ!

— Такъ ты думаешь, что можешь ѣхать рысью и галопомъ?—сказалъ графъ.

— Мнѣ бы хотѣлось попробовать, — отвѣчалъ Фонтлерой.

Его сіятельство сдѣлалъ знакъ Вилькинсу, который по этому сигналу вывелъ свою собственную лошадь и, сѣвъ на нее, взялъ пони Фонтлероя за поводъ.

— Пусть ѣдетъ теперь рысью,—сказалъ графъ.

Въ первыя нѣсколько минутъ пришлось маленькому всаднику плохо. Онъ увидалъ, что ѣхать рысью не такъ легко, какъ шагомъ, и чѣмъ быстрѣе бѣжалъ пони, тѣмъ труднѣе было сидѣть на немъ.

— Тре-сетъ по-о-по-рядочно,—сказалъ онъ Вилькинсу.—А те-бя т-тря-сетъ?

— Нѣтъ, мой лордъ, — отвѣчалъ Вилькинсъ. — Со временемъ вы привыкнете. Станьте на стремена.

— Я и такъ все вр-ремя сто-ю,—сказалъ Фонтлерой.

«...Шляпа его оказалась въ рукахъ у Вилькинса; волосы его раздувались по вѣтру, но онъ скакалъ довольно сильнымъ галопомъ...»

Графъ видѣлъ изъ окна, какъ трясло и подбрасывало мальчика, который то привставалъ, то снова опускался на стременахъ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и совсѣмъ раскраснѣлся, но изо всей

силы старался держаться въ сѣдлѣ и сидѣть какъ можно прямѣе. Когда всадники выѣхали снова изъ-за деревьевъ, за которыми ихъ нѣсколько времени не было видно, то Фонтлерой оказался безъ шляпы; щеки его были красны, какъ макъ, губы сжаты; но, тѣмъ не менѣе, онъ стойко продолжалъ ѣхать рысью.

— Остановись на минуту! — сказалъ графъ.—Гдѣ твоя шляпа?

Вилькинсъ сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Она свалилась, ваше сіятельство,—сказалъ онъ весело. — Не давалъ мнѣ остановиться поднять ее, ваше сіятельство.

— Онъ не очень испугался? — спросилъ сухо графъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство! — воскликнулъ Вилькинсъ. — Мнѣ доводилось обучать молодыхъ господъ верховой ѣздѣ, и я не видалъ, чтобы кто другой сидѣлъ смѣлѣе.

— Усталъ? — обратился графъ съ вопросомъ къ Фонтлерою.—Хочешь слѣзть?

— Я не думалъ, что будетъ такъ сильно трясти, — откровенно признался Фонтлерой. — Да и устаешь немножко; но мнѣ не хочется слѣзать. Хочется поучиться. Какъ только передохну, поѣду за шляпой.

Самый умный человѣкъ въ свѣтѣ не могъ бы, кажется, придумать лучшаго средства привлечь къ Фонтлерою расположеніе стараго графа. Когда пони снова побѣжалъ рысью по направленію къ аллеѣ, легкая краска показалась на непривѣтливомъ лицѣ старика, и глаза его, смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ

бровей, заискрились удовольствіемъ, какое онъ врядъ ли думалъ испытать когда-либо снова. Онъ сидѣлъ, пристально наблюдая, пока топотъ копытъ не сталъ слышаться опять ближе. Скоро всадники вернулись нѣсколько болѣе скорымъ аллюромъ. На Фонтлероѣ шляпы все еще не было; она оказалась въ рукахъ у Вилькинса. Щеки маленькаго наѣздника были еще краснѣе прежняго; волосы его раздувались по вѣтру, но, тѣмъ не менѣе, онъ скакалъ довольно сильнымъ галопомъ.

— Вотъ! — кричалъ онъ, съ трудомъ переводя духъ,—я и галопомъ про-проѣхалъ. Не такъ хорошо какъ мальчикъ на Пятой аллеѣ, а все-таки проѣхалъ!

Послѣ этого онъ, Вилькинсъ и пони стали большими друзьями. Чуть не каждый день мѣстные жители видали ихъ вмѣстѣ галопирующими по окрестнымъ дорогамъ. Ребятишки выбѣгали изъ дверей, спѣша посмотрѣть на гордо бѣжавшаго пони съ сидящей на немъ стройной и изящной фигурой молодого лорда, не упускавшаго случая снимать съ себя шляпу, и, махая ею въ знакъ привѣтствія, кричать имъ: «Здравствуйте!» Онъ дѣлалъ это совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало лорду, хотя и очень радушно. Иногда онъ останавливался и вступалъ въ разговоры съ дѣтьми, а одинъ разъ Вилькинсъ вернулся въ замокъ съ разсказомъ, что Фонтлерой пожелалъ непремѣнно остановиться около сельской школы для того, чтобы посадить на своего пони хромого мальчика и привезти его домой.

— И слышать ничего не хочетъ! — разсказывалъ потомъ Вилькинсъ въ конюшнѣ. — Не позволилъ мнѣ слѣзть съ лошади; неловко, — говоритъ, — бу-

детъ мальчику сидѣть на большой лошади. Вилькинсъ, — говоритъ, — мальчикъ-то вѣдь хромой, а я нѣтъ, да мнѣ съ нимъ и поговорить надо.—Посадилъ мальчишку, а самъ рядомъ съ нимъ плетется; заложилъ руки въ карманы, шапка на затылкѣ, идетъ себѣ весело, посвистываетъ да болтаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Подъѣхали къ дому; выходитъ мать, удивляется, что сынъ ея верхомъ сидитъ, а нашъ баринъ-то шапку долой и говоритъ ей: «Привезъ, — говоритъ, — вамъ сына домой, сударыня, потому что нога, — говоритъ — болитъ у него, а опираться на эту палку для него небольшая помога; попрошу — говоритъ, — дѣдушку заказать для него пару костылей».—Диву небось далась мать-то. Самъ-то я, того и гляди, прысну со смѣха!..

Узнавъ про эту исторію, графъ не разсердился, какъ этого побаивался Вилькинсъ, а, напротивъ, разсмѣялся; потомъ позвалъ къ себѣ Фонтлероя и велѣлъ ему снова разсказать все сначала и до конца, и опять смѣялся. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, передъ хижиной, гдѣ жилъ хромой мальчикъ, остановилась графская карета; изъ нея выпрыгнулъ Фонтлерой и пошелъ къ двери, держа на плечахъ пару легкихъ, но прочныхъ костылей, и, передавая ихъ м-ссъ Гартль (такъ звали мать мальчика), сказалъ:

— Дѣдушка вамъ кланяется и проситъ васъ взять это для вашего сына, и мы надѣемся, что ему будетъ лучше.

— Я передалъ поклонъ отъ васъ, — объяснилъ онъ графу, садясь въ карету. — Вы мнѣ не наказывали кланяться, но я подумалъ, что вы про это забыли. Такъ ли я сдѣлалъ?

И графъ снова засмѣялся и не сказалъ, что это не такъ. Отношенія между дѣдомъ и внукомъ становилась, въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ все

«...Посадилъ мальчишку, а самъ рядомъ съ нимъ плетется; заложилъ руки въ карманъ, шапка на затылкѣ.

душевнѣе, и съ каждымъ днемъ вѣра Фонтлероя въ добродѣтель и благосклонность его сіятельства все увеличивалась. Онъ ни мало не сомнѣвался въ томъ,

что его дѣдъ самый любезный и великодушный человѣкъ. Конечно, онъ видѣлъ самъ, что его желанія исполнялись почти раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ ихъ высказывать; онъ получалъ столько подарковъ и удовольствій, что иногда просто не вѣрилъ своему счастію. Видно было, что ему ни въ чемъ не было отказа; и хотя такой порядокъ вещей совсѣмъ нельзя было бы считать разумнымъ по отношенію ко всѣмъ маленькимъ дѣтямъ, маленькому Фонтлерою онъ не принесъ вреда. Впрочемъ, несмотря на прирожденныя добрыя свойства его натуры, это могло бы, пожалуй, нѣсколько испортить его, если бы ему не приходилось проводить по нѣскольку часовъ съ матерью въ Кауртъ-Лоджѣ. Этотъ «лучшій другъ» зорко и нѣжно слѣдилъ за нимъ. Они подолгу бесѣдовали, и Фонтлерой никогда не возвращался въ замокъ, не неся въ своемъ сердцѣ тѣхъ или другихъ простыхъ и чистыхъ словъ, достойныхъ быть удержанными въ памяти.

Сказать правду, одно обстоятельство сильно смущало мальчика. О его загадочности онъ думалъ гораздо больше, чѣмъ это могло казаться; этого не знала даже его мать, а графъ долгое время и совсѣмъ не подозрѣвалъ. Но, по своей наблюдательности, Кедрикъ не могъ не желать узнать о причинѣ, почему его мать и дѣдъ никогда, повидимому, не встрѣчались. Онъ замѣтилъ, что они не видались ещё ни разу. Когда графская карета останавливалась у Кауртъ-Лоджа, старикъ никогда не выходилъ изъ нея, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда его сіятельство отправлялся въ церковь, Фонтлероя всегда оставляли на паперти одного разговаривать съ матерью или

отпускали его съ нею домой. При всемъ томъ, ежедневно изъ теплицъ замка посылались въ Каургъ-Лоджъ цвѣты и фрукты. Но одинъ добродѣтельный поступокъ графа поставилъ его въ глазахъ Кедрика на недосягаемую точку совершенства. Это случилось вскорѣ послѣ того перваго воскресенья, когда м-ссъ Эрроль отправилась изъ церкви домой одна и пѣшкомъ. Съ недѣлю спустя, когда Кедрикъ долженъ былъ поѣхать къ матери, онъ нашелъ у дверей вмѣсто большой кареты, запряженной парою рослыхъ лошадей, прелестный маленькій экипажъ и красивую гнѣдую лошадку.

— Это подарокъ отъ тебя твоей матери, — сказалъ графъ отрывисто.—Ей нельзя ходить пѣшкомъ. Ей нуженъ экипажъ. Этотъ кучеръ останется при немъ. Это подарокъ отъ *тебя*.

Восторгъ Фонтлероя былъ невыразимъ. Онъ едва могъ сдерживать себя, пока не пріѣхалъ къ матери, которая въ это время собирала въ саду розы. Онъ выскочилъ изъ маленькой каретки и стремглавъ пустился къ ней.

— Милочка! — кричалъ онъ, — ты не повѣришь? Эта карета твоя. Онъ говоритъ, что это подарокъ отъ меня. Въ ней ты можешь ѣздить всюду.

Онъ былъ такъ счастливъ, что она не знала, что сказать ему. Она была не въ силахъ испортить ему радость отказомъ отъ принятія дара, хотя онъ исходилъ отъ человѣка, предпочитавшаго считать себя ея врагомъ. Она принуждена была сѣсть въ карету и дать везти себя. Дорогой Фонтлерой принялся разсказывать ей исторіи о добротѣ и любезности своего дѣда. Эти исторіи были такъ наивно искренни,

что по временамъ она не могла удержаться отъ улыбки и не разъ притягивала къ себѣ мальчика и начинала цѣловать его, радуясь, что онъ могъ видѣть только хорошее въ старикѣ, имѣвшемъ такъ мало друзей.

На слѣдующій день онъ написалъ письмо м-ру Хоббсу. Письмо вышло длинное. Написавъ его начерно, онъ понесъ его дѣдушкѣ на просмотръ.

— Потому что не знаешь, такъ ли написалъ,—говорилъ онъ. — А если вы мнѣ скажете ошибки, я перепишу сызнова.

Вотъ что онъ написалъ:

„Дорогой мистеръ Хоббсъ мнѣ нужно сказать вамъ про дедушку онъ самый лутшій графъ какіе вамъ только извѣсны не правда что графы тираны хотелось бы чтобы вы его узнали вы наверно стали бы большими друзьями у него падагра въ ногѣ и онъ очень страдаетъ но онъ такъ терпелифъ я все больше и больше люблю его потому что нельзя не любить графа который добръ ко всемъ на свете хотелось бы чтобы вы съ нимъ погаворили онъ знаетъ все что угодно можете задавать ему какіе хотите вопросы но онъ никогда не игралъ въ крикетъ онъ далъ мнѣ пони и колясочку а у мамы прекрасная карета и у меня три комнаты и разныя игрушки вы бы удивились вамъ бы понравился замокъ и паркъ это такой большой замокъ, что вы бы заблудились вилькинсъ говоритъ вилькинсъ мой грумъ онъ говоритъ что подъ замкомъ есть темница такъ все прелесно въ паркѣ вы бы удивились тамъ такія большія деревья и есть тамъ олени и кролики и летаетъ дичь мой дедушка очень богатъ но онъ не гордый и не страшный какъ вы думаете всегда бываютъ графы я люблю быть съ нимъ люди здѣсь такіе вѣжливые и добрые они снимаютъ передъ вами шляпы а женщины ласковыя и иногда говорятъ дай вамъ Богъ здоровья я могу теперь ѣздить верхомъ но сначала меня тресло когда я ѣхалъ рысью дедушка оставилъ на фермѣ бѣднава человѣка когда ему нечемъ было заплатить свою ренту и мис-

триссъ мелонъ снесла вина и разныхъ разностей для его больныхъ дѣтей хотелось бы увидаться съ вами и мнѣ хочется чтобы милочка жила въ замке но я очень счасливъ когда не очень объ ней тоскую и я люблю дедушку и всѣ любятъ пожалуста пишите скорее.

„преданный вамъ старый другъ
„Кедрикъ Эрроль.

„p s *въ темницѣ никого нѣтъ дедушка никогда никого тамъ не держалъ.*

„p s *онъ такой добрый графъ онъ напоминаетъ мнѣ васъ онъ всѣ общій любимецъ*".

— Ты очень скучаешь по матери? — спросилъ графъ, окончивъ чтеніе.

— Да,—сказалъ Фонтлерой,—я скучаю объ ней постоянно.

Онъ подошелъ къ графу и, положивъ руку на его колѣно, сталъ смотрѣть ему въ лицо.

— А *вы* по ней не скучаете? — спросилъ онъ.

— Я незнакомъ съ нею, — отвѣтилъ нѣсколько брезгливо графъ.

— Я это знаю, — сказалъ Фонтлерой, — и это меня удивляетъ. Она сказала мнѣ, чтобы я ни о чемъ васъ не спрашивалъ, да.... да я и не буду спрашивать, но, вы знаете, другой разъ я не могу не думать, и это меня сильно безпокоитъ. Но я не буду дѣлать вопросовъ. Когда мнѣ станетъ очень скучно, я иду и смотрю изъ своего окна, откуда мнѣ виденъ свѣтъ, который свѣтитъ мнѣ каждую ночь чрезъ открытое мѣсто между деревьями. Это далеко отсюда, но она ставитъ свѣтъ въ своемъ окнѣ, какъ только дѣлается темно, и я вижу, какъ онъ мелькаетъ вдали, и знаю, что онъ говоритъ.

— Что же онъ говоритъ?—спросилъ лордъ.

— Онъ говоритъ: «Прощай, да сохранитъ тебя Богъ въ эту ночь!»—что она мнѣ всегда говорила, когда мы были вмѣстѣ. Каждый вечеръ она мнѣ это говорила, а утромъ говорила: «Богъ да сохранитъ тебя въ этотъ день!» Вотъ видите, такъ Богъ и хранитъ меня все время.

— Ну, конечно, безъ сомнѣнія,—сухо произнесъ его сіятельство.

И онъ насупилъ свои густыя брови и устремилъ такой долгій и пристальный взглядъ на мальчика, что въ умѣ Фонтлероя невольно явился вопросъ, о чемъ бы онъ могъ думать.

IX.

Нужно сказать, что сіятельный графъ Доринкуръ думалъ въ эти дни о многомъ, о чемъ раньше не думалъ никогда, и всѣ его мысли такъ или иначе касались его внука. Гордость была главнѣйшимъ свойствомъ его натуры, и мальчикъ удовлетворялъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря этой гордости, графъ сталъ находить новый интересъ въ жизни. Ему стало доставлять удовольствіе показывать свѣту своего наслѣдника. Свѣтъ зналъ о его разочарованіи въ своихъ сыновьяхъ, такъ что выставленіе на показъ этого новаго лорда Фонтлероя, не могшаго обмануть ничьихъ ожиданій, сообщало старику извѣстное чувство торжества. Онъ желалъ, чтобы мальчикъ сознавалъ свою власть и понялъ блескъ своего положенія, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ признали это и другіе. Онъ строилъ планы о его будущемъ. Иногда

онъ, въ самомъ дѣлѣ, втайнѣ ощущалъ въ себѣ желаніе, чтобъ его собственная прошлая жизнь была хорошею и чтобъ въ ней было поменьше того, передъ чѣмъ это чистое дѣтское сердце ужаснулось бы, если бы узнало всю правду. Нельзя было безъ непріятности подумать о томъ, что выразилось бы на прекрасномъ, невинномъ лицѣ маленькаго лорда, если бы по какой-нибудь случайности ему пришлось узнать, что въ теченіе многихъ лѣтъ за его дѣдомъ сохранялось названіе «злой графъ Доринкуръ». Эта мысль приводила его даже въ нѣкоторое нервное состояніе. Ему очень не хотѣлось, чтобъ это стало извѣстно мальчику. Порою за этимъ новымъ интересомъ онъ забывалъ свою подагру, и, черезъ нѣсколько времени, пользовавшій его врачъ былъ удивленъ, найдя здоровье своего высокаго паціента въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели онъ разсчитывалъ. Можетъ-быть, графъ чувствовалъ себя лучше потому, что время не шло для него теперь такъ медленно и, ему приходилось думать кое о чемъ, помимо своихъ болей и немощей.

Въ одно прекрасное утро всѣ были удивлены, увидя, что маленькій лордъ Фонтлерой ѣдетъ на своемъ маленькомъ пони не съ Вилькинсомъ, а съ другимъ спутникомъ. Этотъ новый спутникъ ѣхалъ на высокомъ сѣромъ конѣ и былъ не кто иной, какъ самъ графъ Доринкуръ. Внушителемъ этого плана былъ лордъ Фонтлерой. Уже готовясь сѣсть въ сѣдло, онъ обратился къ дѣду съ такими словами:

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы поѣхали со мной. Когда я уѣзжаю, мнѣ всегда бываетъ скучно,

потому что вы остаетесь одинъ въ такомъ огромномъ замкѣ. Мнѣ хочется, чтобы и вы могли ѣздить верхомъ.

Сильное смятеніе произошло нѣсколько минутъ спустя въ конюшнѣ, когда пришелъ туда приказъ осѣдлать Селима для графа. Послѣ этого Селима сѣдлали почти каждый день; и люди начали привыкать къ зрѣлищу высокой сѣрой лошади подъ высокимъ сѣдымъ старикомъ, съ его красивымъ, суровымъ, напоминавшимъ орла, лицомъ, рядомъ съ караковымъ пони подъ маленькимъ лордомъ. Эти прогулки по окрестнымъ тропамъ и дорогамъ служили средствомъ все большаго и большаго сближенія между собою обоихъ наѣздниковъ. Мало-по-малу старому графу приходилось узнавать многое насчетъ «Милочки» и ея жизни. Ѣдучи рядомъ съ большою лошадью, Фонтлерой почти всю дорогу весело болталъ. Нельзя было представить себѣ болѣе живого, болѣе жизнерадостнаго собесѣдника. На его долю приходилась большая часть разговора, такъ какъ графъ почасту молчалъ и слушалъ, посматривая на веселое, дышавшее радостью лицо ребенка. Случалось, что онъ заставлялъ мальчика пускать пони въ галопъ и, когда тотъ удалялся отъ него, обыкновенно слѣдилъ за нимъ взоромъ, въ которомъ отражалось чувство горделиваго довольства; и когда, послѣ такой скачки, Фонтлерой возвращался назадъ, махая шляпой и весело смѣясь, онъ всегда чувствовалъ, что они съ дѣдушкой были въ самомъ дѣлѣ большіе друзья.

Графъ скоро убѣдился, что невѣстка его вела далеко не праздную жизнь. Незадолго до этого ему

стало извѣстно, что бѣдный людъ успѣлъ хорошо узнать ее. Случалась ли въ какомъ-нибудь домѣ болѣзнь, горе или нужда, маленькую каретку м-ссъ Эрроль почти всегда можно было увидать передъ дверью такого дома.

— Знаете, — сказалъ однажды Фонтлерой, — они всѣ говорятъ: «Спаси тебя Богъ!» какъ только ее увидятъ, и дѣти любятъ ее. Нѣкоторыя ходятъ къ ней учиться шить. Она говоритъ, что такъ богата теперь, что должна помогать бѣднымъ.

Не безъ удовольствія увидалъ графъ, что у матери его наслѣдника было такое молодое, красивое лицо, и что она вообще такъ походила на лэди, какъ будто родилась герцогиней. Съ одной стороны ему даже нѣсколько нравилось, что она была популярна и любима бѣдными, но все-таки онъ часто ощущалъ въ себѣ мучительное чувство ревности. когда видѣлъ, какое большое мѣсто занимала мать въ сердцѣ своего сына, и какъ горячо и сильно онъ былъ къ ней привязанъ. Старику хотѣлось, напротивъ, самому занимать это первое мѣсто и не имѣть соперниковъ.

Въ это самое утро онъ направилъ свою лошадь на возвышенную точку луга, по которому они ѣхали, и сдѣлалъ хлыстомъ жестъ въ сторону красиваго и обширнаго ландшафта, разстилавшагося передъ ними.

— Знаешь ли ты, что вся эта земля принадлежитъ мнѣ? — обратился онъ къ Фонтлерою.

— Въ самомъ дѣлѣ? — отозвался Фонтлерой.

— Знаешь ли ты, что со временемъ все это будетъ принадлежать тебѣ — это и еще гораздо большее?

— Мнѣ?! — почти испуганнымъ голосомъ воскликнулъ Фонтлерой. — Когда?

— Когда я умру.

— Тогда мнѣ это не нужно; я хочу, чтобы вы всегда были живы.

— Это хорошо съ твоей стороны, — замѣтилъ графъ съ своею обычною сухостью; — но, несмотря на то, нѣкогда все это будетъ твоимъ — придетъ время ты станешь графомъ Доринкуромъ.

Нѣсколько минутъ лордъ Фонтлерой сидѣлъ молча въ своемъ сѣдлѣ. Онъ смотрѣлъ на широкіе луга, на зеленыя мызы, на красивые перелѣски, на виднѣвшіяся между ними хижины и деревню и, наконецъ, на мощно поднимавшіеся изъ-за деревьевъ башни и шпицы большого сѣраго замка. Затѣмъ онъ какъ-то странно вздохнулъ.

— О чемъ ты думаешь? — спросилъ графъ.

— Я думаю, какой я маленькій мальчикъ и о томъ, что мнѣ сказала Милочка.

— Что она сказала? — спросилъ графъ.

— Она сказала, что, можетъ-быть, не такъ легко быть очень богатымъ; что *тотъ*, у кого всегда всего очень много, можетъ иногда забывать, что другіе не такъ счастливы, и что тотъ, кто богатъ, долженъ всегда объ нихъ помнить и о нихъ заботиться. Я ей разсказывалъ, какъ вы добры, а она говорила, что это очень хорошо, потому что у графа такъ много власти, и если бы онъ заботился только о своемъ удовольствіи и никогда не думалъ о людяхъ, которые живутъ на его земляхъ, то имъ было бы очень трудно жить, а этихъ людей такъ много, и это было бы такъ жестоко. Вотъ я сейчасъ и смо-

трѣлъ на всѣ эти дома и думалъ, какъ бы я могъ узнать объ нихъ, если бы былъ графомъ. Какъ вы объ нихъ узнаете?

Такъ какъ свѣдѣнія его сіятельства о своихъ арендаторахъ органичивались справкою, кто изъ нихъ платилъ аккуратно свою ренту и выселеніемъ тѣхъ, кто въ этомъ отношеніи былъ неисправенъ, то отвѣтить на заданный ему вопросъ графу было довольно затруднительно.

— Ньюикъ справляется объ этомъ за меня,— сказалъ онъ и сталъ теребить свои сѣдые усы, съ нѣкоторымъ смущеніемъ поглядывая на своего маленькаго собесѣдника. — Поѣдемъ теперь домой,— прибавилъ онъ. — А когда ты будешь графомъ, старайся быть лучшимъ графомъ, нежели былъ я!

Онъ былъ неразговорчивъ на обратномъ пути. Ему казалось почти невѣроятнымъ, чтобы онъ, никого въ своей жизни не любившій какъ слѣдуетъ, могъ ощущать въ себѣ все возраставшую любовь къ этому ребенку. Между тѣмъ, это чувство несомнѣнно въ немъ увеличивалось. Сначала красота и мужественный характеръ Кедрика только нравились ему, удовлетворяя его гордость, теперь же въ его чувствахъ было нѣчто большее гордости. Онъ иногда смѣялся про себя сухимъ, холоднымъ смѣхомъ, при мысли о томъ, какъ пріятно ему имѣть мальчика около себя, какъ пріятно ему слышать его голосъ, и какъ втайнѣ онъ дѣйствительно желалъ быть любимымъ и уважаемымъ своимъ маленькимъ внукомъ.

«Это просто старческая слабость, потому что мнѣ не о чемъ больше думать»,— говаривалъ онъ самъ себѣ,

тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ зналъ, что это не такъ.

— Если бы онъ позволилъ себѣ признать истину, то, вѣроятно, принужденъ былъ бы согласиться, что его привлекали, противъ его воли, какъ разъ тѣ именно качества, которыхъ въ немъ самомъ никогда не было — чистая, искренняя дѣтская природа, доброжелательное простодушіе, никогда не могшее мыслить дурного.

Прошло всего съ недѣлю послѣ этой поѣздки, когда, вернувшись отъ матери, Фонтлерой вошелъ въ библіотеку съ задумчивымъ, озабоченнымъ лицомъ. Онъ сѣлъ въ большое, съ высокой спинкой кресло, въ которомъ сидѣлъ въ вечеръ своего пріѣзда въ замокъ, и нѣсколько времени смотрѣлъ на пепелъ въ каминѣ. Графъ наблюдалъ за нимъ молча и ожидая, что будетъ. Очевидно, у Кедрика было что-то на душѣ. Наконецъ, онъ поднялъ глаза.

— Ньюикъ все знаетъ насчетъ тѣхъ людей? — спросилъ онъ.

— Его обязанность знать объ нихъ, — сказалъ лордъ. — А что, развѣ онъ ея не исполнилъ?

Какъ бы это ни казалось старяннымъ, но ничто такъ не занимало графа, какъ интересъ, который ребенокъ обнаруживалъ въ отношеніи его арендаторовъ. Онъ самъ ими никогда не интересовался, но ему очень нравилось, что, при всемъ дѣтскомъ способѣ мышленія его внука и среди всѣхъ дѣтскихъ забавъ и веселья, въ этой кудрявой бѣлокурой головкѣ могла возникать и развиваться такая серіозность.

— Есть одно такое мѣсто,— сказалъ Фонтлерой, смотря на старика широко открытыми, испуганными глазами. — Милочка сама видѣла; это на другомъ концѣ деревни. Дома стоятъ тамъ совсѣмъ близко другъ къ другу и почти упали; въ нихъ едва можно дышать, а люди въ нихъ такіе бѣдные и такъ плохо живутъ! Они часто бываютъ нездоровы, и дѣти у нихъ умираютъ; и они сами дѣлаются дурными, оттого что они такъ бѣдны и несчастны! Это хуже, чѣмъ Бриджетъ и Михаилъ! Дождь проходитъ сквозь крышу! Милочка была у одной бѣдной женщины, которая живетъ тамъ. Она не хотѣла подпускать меня къ себѣ, пока не перемѣнила своего платья. У нея слезы текли по щекамъ, когда она мнѣ это разсказывала!

У него и самого показались слезы, но онъ улыбался сквозь нихъ.

— Я сказалъ ей, что вы про это не знаете, и что я вамъ скажу,— продолжалъ Кедрикъ. — Онъ вскочилъ съ мѣста и, подойдя къ графу, облокотился на его кресло. — Вы все это можете сдѣлать,— сказалъ онъ,— вотъ такъ же, какъ сдѣлали все для Хиггинса. Вы вѣдь всегда для всѣхъ все дѣлаете. Я ей сказалъ, что вы сдѣлаете, и что Ньюикъ, должно-быть, забылъ сказать вамъ.

Графъ смотрѣлъ на лежавшую на его колѣняхъ руку. Ньюикъ не забылъ сказать ему: напротивъ, онъ не разъ говорилъ ему объ отчаянномъ положеніи части деревни, называвшейся Графскій Дворъ. Графъ хорошо зналъ о покосившихся жалкихъ хижинахъ, о плохомъ дренажѣ, сырыхъ стѣнахъ, разбитыхъ окнахъ, худыхъ крышахъ, зналъ все о ни-

щетѣ, болѣзняхъ и бѣдствіяхъ этихъ людей. М-ръ Мордаунтъ описывалъ ему все это самыми сильными красками, а вельможа отвѣчалъ ему только жестокими словами; когда же подагра у него усиливалась, онъ говорилъ, что чѣмъ скорѣе перемрутъ люди на Графскомъ Дворѣ, тѣмъ лучше — и дѣлу конецъ. Но теперь, смотря на лежавшую около него дѣтскую руку и съ нея переводя взглядъ на свѣтившееся правдивостью и серіознымъ одушевленіемъ лицо, онъ, дѣйствительно, почувствовалъ стыдъ и за себя и за Графскій Дворъ.

— Какъ же? — сказалъ онъ, — ты, стало-быть, хочешь сдѣлать изъ меня строителя образцовыхъ котэджей — а? — И онъ рѣшительно положилъ свою руку на руку ребенка и погладилъ ее.

— Эти нужно сломать, — сказалъ Фонтлерой съ увлеченіемъ. — Милочка такъ говоритъ. Пойдемте, пойдемте и велимъ ихъ завтра сломать. Люди эти будутъ такъ рады, когда васъ увидятъ! Они поймутъ, что вы пришли помочь имъ! — И глаза его засіяли восторгомъ.

Графъ всталъ съ кресла и положилъ руку на плечо мальчика.

— Пойдемъ, погуляемъ по террасѣ, — сказалъ онъ съ короткой усмѣшкой, — тамъ можемъ еще потолковать объ этомъ.

Хотя онъ усмѣхнулся еще нѣсколько разъ, пока они ходили взадъ и впередъ по каменному полу террасы, гдѣ обыкновенно проводили хорошіе вечера, но онъ, видимо, думалъ о чемъ-то не непріятномъ ему и все продолжалъ держать руку на плечѣ своего маленькаго товарища.

X.

Дѣло въ томъ, что, посѣщая для цѣлей благотворенія казавшуюся издали столь живописной деревушку, м-ссъ Эрроль нашла тамъ очень много прискорбнаго. Все живописное издалека оказалось сильно невзрачнымъ вблизи. Она встрѣтила праздность, невѣжество и нищету тамъ, гдѣ нужно бы ждать дѣятельности и благоденствія. Она скоро узнала, что Эрльборо считалось самою дурною деревней въ этой части графства. Многое разсказалъ ей м-ръ Мордаунтъ, а многое увидала она сама. Приказчики, управлявшіе имѣніемъ, всегда выбирались въ угоду графа и совсѣмъ не старались улучшить жалкое положеніе фермеровъ. Многое поэтому оставалось въ пренебреженіи, на что слѣдовало бы обратить вниманіе, и дѣло шло такимъ образомъ все хуже и хуже.

Что касается Графскаго Двора, то онъ являлся просто безобразіемъ, съ его разрушенными домами и нищенскимъ, беззаботнымъ и болѣзненнымъ населеніемъ. Попавъ сюда въ первый разъ, м-ссъ Эрроль содрогнулась. Такая страшная неряшливость и нужда представлялись въ деревнѣ еще хуже, нежели въ городѣ. Казалось, что въ деревнѣ это можно было бы устранить. Смотря на грязныхъ, безпризорныхъ дѣтей, росшихъ среди порока и животнаго равнодушія, она подумала о своемъ собственномъ ребенкѣ, жившемъ въ большомъ блестящемъ замкѣ, охраняемомъ, точно молодой принцъ, множествомъ слугъ, не знавшемъ отказа своимъ желаніямъ и видѣвшемъ только пол-

ное довольство, роскошь и красоту. И въ ея мудромъ материнскомъ сердцѣ явилась смѣлая мысль. Постепенно она начала понимать, вмѣстѣ съ другими, что ея сынъ имѣлъ счастіе сильно понравиться графу и что врядъ ли онъ встрѣтитъ у него отказъ въ исполненіи какого бы то ни было выраженнаго имъ желанія.

— Графъ готовъ все для него сдѣлать,— говорила она м-ру Мордаунту.— Снисходитъ ко всякой его прихоти. Почему же не употребить эту снисходительность на благо другихъ? Мнѣ слѣдуетъ постараться, чтобы это такъ и случилось.

Она знала, что можетъ довѣриться доброму дѣтскому сердцу, поэтому разсказала мальчику о видѣнномъ ею въ Графскомъ Дворѣ, будучи увѣрена, что онъ передастъ этотъ разсказъ графу, и что тогда можно будетъ надѣяться на нѣкоторыя благія послѣдствія.

И какъ ни странно это казалось всякому, благіе плоды послѣдовали. Дѣло въ томъ, что сильнѣйшимъ средствомъ вліянія на графа было полнѣйшее довѣріе къ нему со стороны его внука — то, что Кедрикъ всегда вѣрилъ въ готовность своего дѣда на всякій справедливый и благородный поступокъ. Старикъ не могъ рѣшиться дать понять ребенку, что въ немъ нѣтъ никакой наклонности къ великодушію, и что у него свои особые взгляды насчетъ того, что хорошо или дурно. Для него было такою новостью сдѣлаться вдругъ предметомъ удивленія, какимъ-то благодѣтелемъ рода человѣческаго, что ему уже не могла прійти въ голову мысль отвѣтить ребенку, напримѣръ, такими словами: я жестокій,

себялюбивый старикъ; никогда въ жизни я не дѣлалъ ничего благороднаго и мнѣ нѣтъ дѣла до Графскаго Двора и его жителей — или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Нѣтъ, онъ, дѣйствительно, настолько уже полюбилъ этого златокудраго мальчика, что предпочиталъ казаться въ его глазахъ человѣкомъ, способнымъ иногда на то или другое доброе дѣло. Такимъ-то образомъ — хотя и смѣясь надъ собою — онъ, по нѣкоторомъ размышленіи, послалъ за Ньюикомъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ насчетъ Графскаго Двора. Въ концѣ концовъ было рѣшено жалкія лачуги сломать и вмѣсто нихъ построить новые дома.

— На этомъ настаиваетъ лордъ Фонтлерой, — сказалъ онъ сухо: — онъ думаетъ, что это улучшитъ имѣніе. Можете сказать арендаторамъ, что это его мысль.

При этихъ словахъ онъ посмотрѣлъ внизъ на юнаго лорда, игравшаго, лежа на коврѣ, съ Даугелемъ. Даугель былъ постояннымъ товарищемъ мальчика; онъ слѣдовалъ за нимъ повсюду, шагая за нимъ, когда онъ гулялъ пѣшкомъ, или бѣжа рысью сзади, когда тотъ ѣхалъ верхомъ или въ экипажѣ.

Конечно, о предположенной перестройкѣ скоро стало извѣстно какъ въ деревнѣ, такъ и въ ближайшемъ городѣ. Сначала многіе не хотѣли этому вѣрить; но когда явился цѣлый отрядъ рабочихъ и сталъ ломать ветхія грязныя хижины, людямъ стало ясно, что маленькій лордъ Фонтлерой оказалъ имъ новую услугу, и что, благодаря его невинному вмѣшательству, безобразное положеніе деревни будетъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ устранено. Если бы онъ только зналъ, какъ они говорили о немъ и какъ

всюду его восхваляли, предсказывая ему великую будущность — какъ удивился бы онъ! Но онъ и не подозрѣвалъ этого. Онъ жилъ своей простой, счастливой дѣтской жизнью — то весело бѣгая по парку и гоняясь за кроликами, то лежа на травѣ подъ деревьями или на коврѣ въ библіотекѣ, читая чудесныя книги и толкуя объ нихъ съ графомъ, а затѣмъ разсказывая прочитанныя исторіи своей матери. Или онъ писалъ длинныя письма Дику и м-ру Хоббсу, которые отвѣчали ему своимъ характернымъ слогомъ, или онъ ѣздилъ верхомъ съ графомъ или въ сопровожденіи Вилькинса. Когда имъ приходилось проѣзжать базарнымъ мѣстечкомъ, онъ часто видалъ, что народъ оборачивался и, снимая шляпу, привѣтливо смотрѣлъ на него; но онъ объяснялъ это тѣмъ, что съ нимъ былъ его дѣдушка.

— Они такъ васъ любятъ, — сказалъ онъ, однажды, глядя съ веселой улыбкой на графа. — Посмотрите, какъ они рады бываютъ, когда видятъ васъ! Я надѣюсь, что когда-нибудь они и меня будутъ такъ же любить. Должно быть очень пріятно, когда всякій васъ любитъ. — И онъ почувствовалъ гордость при мысли, что онъ внукъ такого многоуважаемаго и любимаго человѣка.

Когда началась постройка новыхъ домовъ, Кедрикъ часто ѣзжалъ вмѣстѣ съ дѣдомъ ихъ осматривать, и это доставляло ему большое удовольствіе. Онъ слѣзалъ съ своего пони, подходилъ къ рабочимъ и знакомился съ ними, при чемъ разспрашивалъ ихъ, какъ дѣлается та или другая работа, и самъ разсказывалъ имъ про Америку. Послѣ двухъ-трехъ такихъ разговоровъ, онъ въ состояніи былъ, ѣдучи

домой, просвѣщать дѣдушку насчетъ того, какъ дѣлаютъ кирпичи или какъ кладутъ стѣны.

— Я всегда люблю разузнавать о подобныхъ вещахъ, — говорилъ онъ: — вѣдь никогда не знаешь, что потомъ придется дѣлать.

«...Рабочіе любили, когда онъ стоялъ около нихъ и оживленно съ ними бесѣдовалъ...»

По его отъѣздѣ рабочіе обыкновенно поднимали разговоръ о маленькомъ лордѣ и смѣялись надъ его наивными дѣтскими разсужденіями; но они любили его, — любили, когда онъ стоялъ около нихъ и, закинувъ шляпу на затылокъ и заложивъ руки въ карманы, оживленно съ ними бесѣдовалъ.

— Мало такихъ, какъ онъ, — часто говорили они.— И занятно такъ малышъ толкуетъ.

Возвратившись домой, они разсказывали про него своимъ женамъ, а жены — другъ другу, такъ что почти каждый толковалъ о маленькомъ лордѣ Фонтлероѣ или зналъ про него какую-нибудь исторію. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ стали замѣчать, что «злой графъ» нашелъ, наконецъ, о чемъ позаботиться, что тронуло и даже согрѣло его сухое, черствое сердце.

Никто, однако, не зналъ вполнѣ, насколько это сердце было согрѣто, и какъ со дня на день старикъ все заботливѣе относился къ ребенку — единственному существу, которое вполнѣ въ него вѣрило. Его уже начали занимать мысли о томъ времени, когда Кедрикъ станетъ молодымъ человѣкомъ, сильнымъ, красивымъ, вполнѣ вступившимъ въ жизнь, но все съ тѣмъ же добрымъ сердцемъ и съ тою же способностью повсюду находить себѣ друзей; и графъ старался представить себѣ, что мальчикъ станетъ дѣлать и какъ употребитъ свои таланты. Часто, когда онъ глядѣлъ на ребенка, лежащаго на коврѣ передъ каминомъ съ какою-нибудь толстою книгой, старческій взоръ его начиналъ свѣтиться и щеки покрывались румянцемъ.

— Мальчикъ все можетъ сдѣлать, — говаривалъ онъ самъ себѣ,— все!

Никому онъ не сообщалъ о своихъ чувствахъ къ Кедрику; если же и говорилъ о немъ съ другими, то всегда съ той же жесткой, сухой улыбкой. Однако, Фонтлерой скоро понялъ, что дѣдъ любилъ его и любилъ, чтобы онъ былъ съ нимъ — около его кресла, если они сидѣли въ библіотекѣ,— напро-

тивъ его, когда они были за столомъ, или — рядомъ съ нимъ, когда они ѣхали верхомъ или въ экипажѣ, или прогуливаясь вечеромъ по террасѣ.

— Помните ли вы, — спросилъ какъ-то Кедрикъ, лежа на коврѣ и поднявъ глаза отъ книги, не помните ли вы, что я сказалъ вамъ въ первый вечеръ — что мы съ вами хорошіе товарищи? Я не думаю, чтобы кто-нибудь могъ быть лучшими товарищами, чѣмъ мы съ вами; не такъ ли?

— Да, по-моему, мы недурные товарищи, — отвѣтилъ его сіятельство. — Поди сюда.

Фонтлерой всталъ и подошелъ къ нему.

— Не хочется ли тебѣ чего-нибудь, — спросилъ графъ: — чего-нибудь, чего у тебя нѣтъ?

Каріе глаза мальчика пристально устремились на лицо дѣда.

— Только одного, — отвѣчалъ онъ.

— Чего же?

Фонтлерой съ секунду помолчалъ. Онъ не даромъ такъ много думалъ про себя.

— Ну, чего же? — повторилъ графъ свой вопросъ.

Фонтлерой отвѣтилъ:

— Милочки, — произнесъ онъ.

Графъ слегка нахмурился.

— Но вѣдь ты видаешь ее почти каждый день, — сказалъ онъ. — Развѣ этого не довольно?

— Я привыкъ ее видѣть всегда, — сказалъ Фонтлерой. — Она обыкновенно цѣловала меня, когда, вечеромъ, я шелъ спать, и утромъ она всегда была со мною, и мы могли, не дожидаясь, разговаривать между собою.

Съ минуту старикъ и ребенокъ смотрѣли другъ на друга молча. Затѣмъ графъ сдвинулъ брови.

— Ты *никогда* не забываешь о своей матери? — сказалъ онъ.

Нѣтъ, — отвѣчалъ Фонтлерой, — никогда; и она никогда не забываетъ обо мнѣ. Вѣдь я бы не забылъ про *васъ*, если бы жилъ не съ вами. Я бы тогда еще больше думалъ о васъ.

— Да, я увѣренъ, что ты сталъ бы думать, — произнесъ графъ, посмотрѣвъ на него еще нѣсколько времени.

Муки ревности, наполнившей его сердце, когда мальчикъ заговорилъ такъ о своей матери, были, казалось, еще сильнѣе прежняго — сильнѣе потому, что любовь старика къ мальчику стала больше.

Но вскорѣ ему пришлось испытать другія муки, оказавшіяся настолько болѣе тяжкими, что, страдая ими, онъ почти забылъ, что когда-либо ненавидѣлъ свою невѣстку. И это произошло самымъ страннымъ и ноожиданнымъ образомъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, какъ разъ передъ окончаніемъ постройки котэджей въ Графскомъ Дворѣ, въ Доринкурѣ, давался большой обѣдъ. Такого числа гостей не собиралось въ замкѣ уже очень давно... За нѣсколько дней до этого пріѣхали съ визитомъ сэръ Гарри Лорридэйль и лэди Лорридэйль, единственная сестра графа. Это событіе произвело величайшій переполохъ въ деревнѣ и заставило колокольчикъ, висѣвшій на двери въ лавочкѣ м-ссъ Диббль, снова звонить до одурѣнія, такъ какъ было хорошо всѣмъ извѣстно, что лэди Лорридэйль пріѣзжала въ Доринкуръ всего одинъ разъ со времени своей свадьбы, бывшей трид-

цать пять лѣтъ тому назадъ. Это была еще довольно красивая старушка, съ бѣлыми кудрями и пухлыми, румяными щеками, отличавшаяся добрымъ, прекраснымъ характеромъ; но, какъ и весь остальной свѣтъ, она никогда не одобряла брата и, будучи женщиною съ твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ, нимало не боявшеюся высказывать свои мысли прямо, она, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ ссоръ съ его сіятельствомъ, почти не видалась съ нимъ со времени своей молодости.

За это время она слышала о немъ много такого, что не могло ей нравиться. Она слышала объ его пренебреженіи къ своей женѣ, о смерти этой бѣдной женщины, о его равнодушіи къ дѣтямъ и объ обоихъ слабыхъ и порочныхъ старшихъ сыновьяхъ. Этихъ старшихъ сыновей, Бевиса и Мориса, она никогда не видала, но однажды въ Лорридэйльскій паркъ пріѣхалъ высокій, здоровый и красивый молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати, назвавшій себя ея племянникомъ Кедрикомъ Эрролемъ и объявившій ей, что, проѣзжая неподалеку, счелъ долгомъ заѣхать къ ней, желая увидать тетушку Констанцію, о которой онъ слышалъ отъ матери. Доброе сердце лэди Лоррйдэйль наполнилось пріязнью къ молодому человѣку; она заставила его прогостить у нея цѣлую недѣлю и была къ нему очень ласкова. Его мягкій и веселый нравъ и живой, свѣтлый умъ такъ понравились теткѣ, что, провожая его, она высказала желаніе видаться съ нимъ чаще. Но это желаніе осталось неисполненнымъ, потому что, когда юноша вернулся въ Доринкуръ, графъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и запретилъ ему навсегда посѣ-

щеніе Лорридэйльскаго парка. Однако, лэди Лорридэйль всегда вспоминала о немъ съ нѣжностью и, хотя нѣсколько опасалась послѣдствій его опрометчивой женитьбы въ Америкѣ, очень разсердилась, услыхавъ, что отецъ такъ жестоко поступилъ съ нимъ, и что съ тѣхъ поръ никто хорошенько не зналъ, гдѣ и какъ живетъ молодой человѣкъ. Наконецъ, появились слухи о его смерти; около того же времени случилось роковое паденіе Бевиса съ лошади и смерть Мориса въ Римѣ отъ лихорадки, а вскорѣ послѣ того пошли разговоры о ребенкѣ, жившемъ въ Америкѣ, о намѣреніи разыскать его и привезти въ Англію въ качествѣ лорда Фонтлероя.

— Можетъ-быть, для того, чтобы погибнуть такъ же, какъ и другіе,— сказала лэди Лорридэйль своему мужу,— развѣ только мать его окажется настолько хорошей и самостоятельной женщиной, что сумѣетъ уберечь его.

Но она пришла въ страшное негодованіе, услыхавъ, что Кедрика разлучили съ матерью.

— Это ни на что не похоже, Гарри! — сказала она.— Представь себѣ: ребенка такихъ лѣтъ взять у матери и поселить его съ такимъ человѣкомъ, какъ мой братецъ! Онъ или будетъ по-звѣрски обходиться съ нимъ или станетъ потворствовать ему до того, что сдѣлаетъ изъ него чудовище. Развѣ написать — да, нѣтъ, это не поможетъ.

— Конечно, не поможетъ, Констанція,— подтвердилъ сэръ Гарри.

— Знаю, что нѣтъ, — сказала она. — Я отлично знаю его сіятельство графа Доринкура.— Но вѣдь это возмутительно!

О маленькомъ лордѣ Фонтлероѣ знали не одни бѣдняки и фермеры. О немъ такъ много говорили, столько ходило разсказовъ о его красотѣ, кроткомъ нравѣ, его популярности, его возрастающемъ вліяніи на графа, его дѣда, что слухи эти дошли до жившихъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ помѣщиковъ, а отсюда распространились даже и въ другихъ графствахъ. Фонтлерой составлялъ предметъ застольныхъ разговоровъ; дамы жалѣли его мать, и интересовались вопросомъ, дѣйствительно ли мальчикъ такъ красивъ, какъ говорили; а люди, знавшіе графа и его привычки, отъ души смѣялись разсказамъ объ увѣренности ребенка въ прекрасныхъ душевныхъ качествахъ его сіятельства. Сэръ Томасъ Эшъ изъ Эшауголла, находясь въ Эрльборо, встрѣтилъ разъ графа и его внука ѣдущими верхомъ; онъ остановился поздороваться съ лордомъ и поздравить его съ измѣненіемъ къ лучшему его вида и съ выздоровленіемъ отъ подагры.

— И знаете,— говорилъ онъ потомъ, разсказывая объ этой встрѣчѣ,— старикъ смотрѣлъ такъ гордо, какъ индѣйскій пѣтухъ, и я, по чести, не удивляюсь, потому что такого красиваго, изящнаго мальчишки, какъ его внукъ, я еще не видывалъ! Прямой, какъ стрѣла, а на своемъ пони сидитъ точно кавалеристъ!

Такъ постепенно вѣсти о ребенкѣ дошли и до лэди Лорридэйль; она слышала и о Хиггинсѣ, и о хромомъ мальчикѣ, и о котэджахъ въ Графскомъ Дворѣ, и о многомъ другомъ — и у нея явилось желаніе увидать мальчика. Она уже стала придумывать средство осуществить это желаніе, какъ вдругъ, къ крайнему своему удивленію, получила отъ брата

письмо съ приглашеніемъ пріѣхать съ мужемъ въ Доринкуръ.

— Просто не вѣрится! — Воскликнула она. — Я слышала, будто ребенокъ дѣлаетъ чудеса, и начинаю вѣрить этому. Говорятъ, что братъ обожаетъ мальчика и почти не разстается съ нимъ. А какъ онъ имъ гордится! Право, я думаю, что ему хочется показать его намъ.

И она приняла приглашеніе тотчасъ же.

Когда они съ мужемъ подъѣхали къ Доринкурскому замку, было уже совсѣмъ къ вечеру, и она прошла прямо въ свою комнату, не видáвшись съ братомъ. Одѣвшись къ обѣду, она вышла въ гостиную. Графъ стоялъ около камина въ важной, вытянутой позѣ; рядомъ съ нимъ, въ черномъ бархатномъ костюмѣ, съ большимъ кружевнымъ воротникомъ à la Вандейкъ, стоялъ маленькій мальчикъ, съ такимъ красивымъ круглымъ личикомъ и смотрѣвшій на нее такими чудными, дышавшими искренностью глазами, что лэди Лоррилэйль едва не вскрикнула отъ удовольствія и удивленія.

Здороваясь съ графомъ, она назвала его именемъ, котораго не употребляла со времени своего дѣвичества.

— Э, Молине, — сказала она, — это ребенокъ?

— Да, Констанція, — отвѣчалъ графъ, — онъ самый. Фонтлерой, это твоя бабушка, лэди Лорридэйль.

— Какъ вы поживаете, бабушка? — сказалъ Фонтлерой.

Лэди Лорридэйль положила ему на плечо руку и, посмотрѣвъ нѣсколько секундъ на его поднятое къ ней лицо, нѣжно поцѣловала его.

— Я твоя бабушка, Констанція, — сказала она, — и любила твоего бѣднаго папу; а ты очень похожъ на него.

— Я радъ бываю, когда мнѣ говорятъ, что я похожъ на него, — отвѣчалъ Фонтлерой, — потому что, кажется, его всѣ любили — точно такъ же, какъ Милочку, — бабушка Констанція (онъ прибавилъ эти два слова послѣ короткой паузы).

Лэди Лорридэйль была въ восхищеніи. Она опять наклонилась къ нему съ поцѣлуемъ, и съ этой минуты они стали горячими друзьями.

А что, Молине, — сказала она потомъ графу тихо, — вѣдь врядъ ли могло бы быть лучше этого?

— Думаю, что нѣтъ, — отвѣчалъ сухо его сіятельство. — Онъ прекрасный мальчикъ. Мы большіе друзья. Онъ считаетъ меня самымъ милымъ и кроткимъ изъ филантроповъ. Признаюсь тебѣ, Констанція — въ чемъ бы ты, впрочемъ, сама убѣдилась, — что я предвижу нѣкоторую опасность сдѣлаться старымъ глупцомъ въ своихъ чувствахъ къ нему.

— А что думаетъ о тебѣ его мать? — спросила лэди Лорридэйль съ свойственною ей прямотою.

— Я ее не спрашивалъ, — отвѣтилъ графъ, слегка нахмурившись.

— Такъ вотъ что, Молине, — замѣтила лэди Лорридэйль, — я буду до конца откровенна съ тобою и скажу тебѣ, что я не одобряю твоего образа дѣйствій и намѣрена при первой возможности съѣздить къ м-ссъ Эрроль; такъ что если ты хочешь со мною ссориться, то ужъ лучше выскажись сразу. То, что я слышу о ребенкѣ, убѣждаетъ меня въ томъ, что

мальчикъ всѣмъ обязанъ ей. Намъ даже дома говорили, что твои фермеры побѣднѣе уже и сейчасъ обожаютъ ее.

— Они обожаютъ его,— сказалъ графъ, кивнувъ въ сторону Фонтлероя.— Что касается м-ссъ Эрроль, ты найдешь въ ней хорошенькую молодую женщину. Я нѣсколько обязанъ ей за передачу части своей красоты мальчику, и ты можешь, если желаешь, отправиться къ ней. Все, чего я требую, это чтобы она оставалась въ Кауртъ-Лоджѣ, и чтобы ты не настаивала на моемъ визитѣ къ ней,— и онъ опять нѣсколько нахмурился.

— Однако, онъ теперь не такъ ненавидитъ ее, какъ прежде — это для меня ясно,— говорила потомъ Констанція своему мужу.— Онъ до нѣкоторой степени измѣнился, и, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, Гарри, мое мнѣніе, что онъ становится похожимъ на человѣческое существо, благодаря не чему другому, какъ лишь своей привязанности къ этому невинному любящему ребенку. Что ребенокъ любитъ его, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія — стоитъ только увидать, какъ онъ облокачивается на его кресло или къ нему на колѣни. Его собственныя дѣти сочли бы это лаской къ тигру.

На слѣдующій день она побывала у м-ссъ Эрроль. Вернувшись, она сказала брату:

— Молине, вѣдь это милѣйшая женщина, какую только можно себѣ представить! Голосъ у ней точно серебряный колокольчикъ, и тебѣ нужно благодарить ее за то, что она сдѣлала мальчика такимъ, каковъ онъ есть. Она дала ему не только свою красоту, и ты сдѣлаешь большую ошибку, если не уговоришь

ее переѣхать сюда и заняться вами. Я приглашу ее къ себѣ въ Лорридэйль.

— Она не уѣдетъ отъ сына, — замѣтилъ графъ.

— Пусть и онъ тоже пріѣдетъ, — смѣясь сказала сестра.

Но она знала, что Фонтлероя къ ней не отпустятъ. Съ каждымъ днемъ ей становилось виднѣе, насколько оба тѣсно сжились другъ съ другомъ: она видѣла, что все честолюбіе и вся любовь суроваго и гордаго старика сосредоточились на ребенкѣ, и что теплая, невинная душа послѣдняго отвѣчала ему полнѣйшимъ довѣріемъ и самой искренней привязанностью.

Она знала также, что главною побудительною причиною для устройства большого обѣда было тайное желаніе графа показать свѣту своего внука и наслѣдника и дать приглашеннымъ случай убѣдиться, что мальчикъ, о которомъ такъ много говорили, даже лучше, чѣмъ можно было судить по ходившимъ о немъ слухамъ.

— Бевисъ и Морисъ были для него такимъ горькимъ униженіемъ, — говорила она мужу. — Всѣ это знали. Онъ просто ненавидѣлъ ихъ. Теперь зато гордость его вполнѣ торжествуетъ.

Вѣроятно, изъ числа принявшихъ приглашеніе на обѣдъ не было ни одного, который бы не интересовался маленькимъ лордомъ и не разсчитывалъ увидать его.

И вотъ, когда пришло время, его увидали.

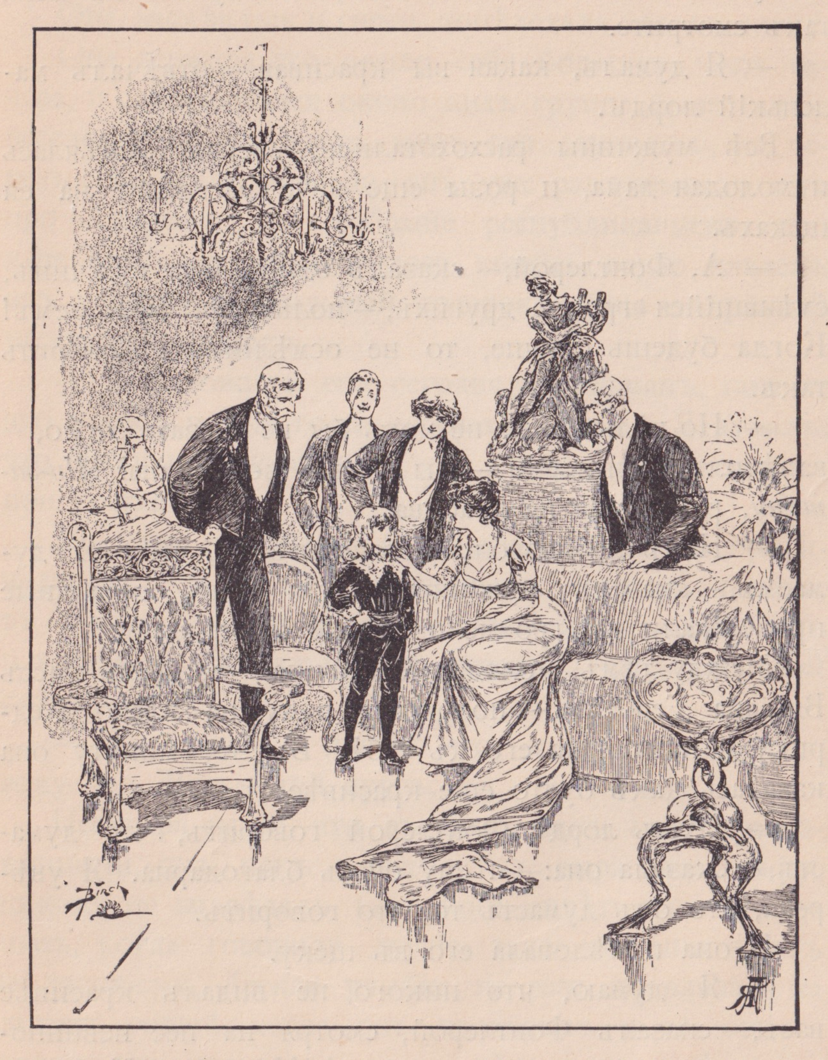
— У малаго хорошія манеры, — говорилъ графъ. — Онъ никому не будетъ въ тягость. Дѣти обыкновенно или идіоты или сорванцы — мои оба были

такіе, — а онъ, дѣйствительно, можетъ отвѣчать, когда съ нимъ заговариваютъ, или молчать, когда его не спрашиваютъ. Онъ никогда не надоѣдаетъ.

Но ему не дали долго молчать. Каждый находилъ, о чемъ заговорить съ нимъ. Въ сущности, всѣмъ хотѣлось, чтобы онъ говорилъ. Дамы ласкали его и задавали ему вопросы; мужчины тоже разспрашивали его и шутили съ нимъ, какъ раньше на пароходѣ во время переѣзда изъ Америки. Фонтлерой не совсѣмъ понималъ, почему они иногда такъ смѣялись его отвѣтамъ, но онъ такъ привыкъ къ тому, что его серіозныя рѣчи встрѣчались смѣхомъ, что и не обращалъ на это особеннаго вниманія. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ вечеромъ.

Богатыя комнаты были такъ ярко освѣщены, столько было цвѣтовъ, мужчины казались такими веселыми, а на дамахъ были такія чудесныя платья, и въ волосахъ и на шеѣ столько блестящихъ украшеній! Въ числѣ гостей находилась одна молодая особа, которая, какъ онъ слышалъ изъ разговоровъ, только что пріѣхала изъ Лондона, гдѣ провела «сезонъ»; она была такъ очаровательна, что онъ не могъ отвести отъ нея глазъ. Это была довольно высокая дѣвушка, съ маленькой, горделиво державшейся головкой и очень мягкими черными волосами; глаза ея цвѣтомъ походили на незабудки, а на щекахъ и губахъ играли розы. Одѣта она была въ прекрасное бѣлое платье, а ея шею охватывала жемчужная нить. Одно казалось Кедрику страннымъ въ этой молодой особѣ. Около нея стояло столько мужчинъ, старавшихся, повидимому, ей понравиться, что Фонтлерой счелъ ее за нѣчто въ родѣ принцессы.

Онъ такъ заинтересовался ею, что, самъ того не замѣчая, пододвигался къ ней все ближе и ближе,

«...—Я думалъ, какая вы красивая,—отвѣчалъ маленькій лордъ...»

такъ что, наконецъ, она обернулась и заговорила съ нимъ.

— Подойдите сюда, лордъ Фонтлерой,— сказала она улыбаясь: — и скажите мнѣ, почему вы на меня такъ смотрите.

— Я думалъ, какая вы красивая,— отвѣчалъ маленькій лордъ.

Всѣ мужчины расхохотались; слегка засмѣялась и молодая дама, и розы еще ярче расцвѣли на ея щекахъ.

— А, Фонтлерой,— сказалъ одинъ изъ мужчинъ, смѣявшійся громче другихъ,— пользуйся временемъ! Когда будешь старше, то не осмѣлишься говорить такъ.

— Но вѣдь никто не могъ бы не сказать этого,— замѣтилъ Фонтлерой.— Вы развѣ могли бы? *По-вашему*, развѣ она не красива?

— Намъ не позволено говорить то, что мы думаемъ,— сказалъ мужчина, тогда какъ остальные продолжали все громче и громче смѣяться.

Между тѣмъ, молодая красавица — ее звали миссъ Вивіана Гербертъ — положила руку на плечо Кедрику и притянула его къ себѣ. Въ эту минуту она казалась какъ будто еще красивѣе.

— Пусть лордъ Фонтлерой говоритъ, что думаетъ,— сказала она: — я ему очень благодарна. Я увѣрена, что онъ думаетъ то, что говоритъ.

И она поцѣловала его въ щеку.

— Я думаю, что никого не видалъ красивѣе васъ,— сказалъ Фонтлерой, смотря на нее невинно-восторженными глазами,— кромѣ Милочки. Конечно, я бы не могъ подумать, чтобы кто-нибудь былъ *такъ же* красивъ, какъ Милочка. Я думаю, что она самая красивая въ свѣтѣ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, — сказала миссъ Вивіана Гербертъ.

Она засмѣялась и снова поцѣловала его въ щеку.

Она держала его около себя большую часть вечера, и собиравшаяся около нихъ группа была самою веселою. Онъ не зналъ, какъ это случилось, но черезъ нѣсколько времени онъ уже разсказывалъ имъ про Америку, про собраніе республиканцевъ, про м-ра Хоббса и Дика, и подъ конецъ гордо извлекъ изъ кармана прощальный подарокъ Дика — красный шелковый платокъ.

— Я положилъ его сегодня въ карманъ, потому что у насъ нынче гости,—сказалъ онъ. — Я думалъ, что Дику пріятно будетъ, что я ношу его подарокъ при гостяхъ.

Но какъ ни забавно было появленіе этого оригинальнаго, краснаго съ пунцовыми пятнами, платка, въ глазахъ мальчика выражалась такая серіозность и нѣжность, что слушатели невольно сдержали свой смѣхъ.

— Вы видите, я люблю его,—сказалъ онъ, — потому что Дикъ—мой другъ.

Несмотря на то, что съ нимъ такъ много разговаривали, онъ, какъ передъ тѣмъ выразился графъ, никому не надоѣдалъ. Онъ могъ сидѣть тихо и слушать, когда говорили другіе, такъ что никто имъ не тяготился. Легкая улыбка не разъ появлялась на лицахъ гостей, когда онъ проходилъ и становился рядомъ съ кресломъ своего дѣда, или сидѣлъ рядомъ съ нимъ на стулѣ, наблюдая за нимъ и каждому произносимому имъ слову внимая съ самымъ живымъ интересомъ. Разъ онъ сталъ такъ близко

къ креслу, что коснулся щекою плеча графа, и старикъ, подмѣтивъ общую улыбку, слегка улыбнулся и самъ. Онъ зналъ, что думали люди, смотрѣвшіе на него, и втайнѣ былъ доволенъ, что они видятъ, какіе они съ внукомъ хорошіе друзья.

М-ръ Хавишамъ ожидался тоже къ вечеру, но, къ удивленію, опоздалъ. Такого случая съ нимъ никогда еще не бывало за все долгое время съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ посѣщать Доринкурскій замокъ. Онъ пріѣхалъ, когда уже гости встали, чтобы итти къ столу. Когда онъ подошелъ къ хозяину, графъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Видно было, что онъ сильно торопился и былъ взволнованъ; его сухое съ рѣзкими чертами лицо было совершенно блѣдно.

— Меня задержали, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ графу,—по чрезвычайному дѣлу.

Не въ привычкѣ методичнаго стараго адвоката было волноваться, тѣмъ болѣе такими пустяками, какъ опозданіемъ къ обѣду: тѣмъ не менѣе, онъ, очевидно, былъ разстроенъ. За обѣдомъ онъ почти ничего не ѣлъ, и два или три раза, когда съ нимъ заговаривали, онъ вздрагивалъ, какъ будто мысли его были очень далеко. За десертомъ, когда вошелъ Фонтлерой, онъ нѣсколько разъ какъ-то нервно и тревожно взглянулъ на него. Фонтлерой замѣтилъ этотъ взглядъ и удивился. Съ м-ромъ Хавишамомъ они были на дружеской ногѣ и обыкновенно обмѣнивались улыбками. Но теперь адвокатъ, повидимому, забылъ улыбнуться.

Дѣло въ томъ, что онъ забылъ все, кромѣ странной и прискорбной новости, которую долженъ былъ

сообщить графу въ ту же ночь и которая, онъ зналъ, произведетъ такой страшный ударъ, что отзовется рѣшительно на всѣхъ. Смотря на роскошно убранныя комнаты и блестящее общество — собравшееся, какъ ему было извѣстно, главнымъ образомъ, для того, чтобы увидать свѣтло-кудраго ребенка рядомъ съ кресломъ графа — смотря на гордаго старика и стоявшаго рядомъ съ нимъ и улыбающагося маленькаго лорда Фонтлероя, онъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя потрясеннымъ, несмотря на свою закаленную адвокатскую натуру. Онъ зналъ, какой жестокій ударъ онъ долженъ былъ нанести имъ обоимъ!

Онъ не сознавалъ хорошенько, какъ кончился длинный, великолѣпный обѣдъ. Онъ сидѣлъ за нимъ точно во снѣ, но нѣсколько разъ замѣтилъ на себѣ недоумѣвающій взглядъ графа.

Но вотъ обѣдъ кончился, и мужчины присоединились къ дамамъ въ гостиной. Они нашли Фонтлероя сидящимъ на софѣ съ миссъ Вивіаной Гербертъ — первой красавицей послѣдняго лондонскаго сезона; они разсматривали какія-то картинки, и мальчикъ благодарилъ свою собесѣдницу.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ, что вы были такъ добры ко мнѣ!—говорилъ онъ:—я еще никогда не бывалъ при гостяхъ, и мнѣ такъ было весело!

Ему такъ было весело, что, когда кавалеры собрались снова около миссъ Гербертъ и начали разговаривать съ нею, а онъ сталъ слушать и стараться понять ихъ сопровождавшіеся смѣхомъ разговоры — вѣки его начали падать. Онѣ падали, пока два или три раза совсѣмъ не закрыли его глазъ; по временамъ

тихій, красивый смѣхъ миссъ Гербертъ пробуждалъ его, и онъ на нѣсколько секундъ снова открывалъ ихъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что не засыпаетъ, но сзади его была большая желтая подушка, на которую невольно склонилась его головка, такъ что черезъ минуту вѣки его упали въ послѣдній разъ. Онѣ даже не совсѣмъ раскрылись, когда, повидимому, уже много времени спустя, кто-то тихонько поцѣловалъ его въ щеку. То была миссъ Вивіана Гербертъ, собиравшаяся уходить и тихо сказавшая ему:

— Прощай, маленькій лордъ Фонтлерой. Спокойной ночи.

На слѣдующее утро онъ не могъ припомнить, что пробовалъ, при этихъ словахъ миссъ Гербертъ, открыть глаза и соннымъ голосомъ бормоталъ:

— Прощайте... я такъ... радъ... что видѣлъ васъ... Вы такая... красивая.

У него осталось лишь слабое воспоминаніе о томъ, что мужчины снова засмѣялись, а онъ не понималъ, чему они смѣются.

Какъ только послѣдній гость вышелъ изъ комнаты, м-ръ Хавишамъ всталъ съ своего мѣста у камина и, подойдя къ софѣ, сталъ глядѣть на спящаго Кедрика. Маленькій лордъ спалъ самымъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ. Одна нога перекинулась черезъ другую и свѣшивалась за край дивана; рука была свободно закинута надъ головою, и горячій румянецъ здороваго, счастливаго дѣтскаго сна игралъ на его спокойномъ лицѣ; перепутавшіяся пряди свѣтлыхъ волосъ разсыпались по желтой ткани подушки. Это была картина, достойная созерцанія.

Посмотрѣвъ на нее, м-ръ Хавишамъ поднялъ руку и началъ тереть свой гладко выбритый подбородокъ; лицо его изобразило тревогу.

— Ну, Хавишамъ,—послышался сзади него рѣзкій голосъ графа,—въ чемъ дѣло? Очевидно, что-то случилось. Какое же это чрезвычайное событіе, смѣю спросить?

М-ръ Хавишамъ отошелъ отъ софы, все продолжая тереть подбородокъ.

— Дурная новость,—отвѣчалъ онъ,—прискорбная новость, мой лордъ... самая дурная новость. Мнѣ очень грустно быть ея вѣстникомъ.

Въ теченіе вечера графъ испытывалъ безпокойство, глядя на м-ра Хавишама, а, будучи встревоженъ, онъ всегда начиналъ сердиться.

— Почему вы такъ смотрите на мальчика? — воскликнулъ онъ раздражительно. — Вы весь вечеръ смотрѣли на него, какъ будто... а теперь опять; что вамъ далось смотрѣть на него, Хавишамъ, точно какая-то зловѣщая птица! Какое отношеніе имѣетъ ваша новость къ лорду Фонтлерою?

— Мой лордъ, — сказалъ м-ръ Хавишамъ,—я не стану тратить словъ. Моя новость всецѣло касается лорда Фонтлероя. И если намъ вѣрить ей,—то передъ нами спитъ не лордъ Фонтлерой, а лишь сынъ капитана Эрроля. Настоящій же лордъ Фонтлерой есть сынъ вашего сына Бевиса и находится въ эту минуту въ одной изъ лондонскихъ гостиницъ.

Графъ стиснулъ ручки кресла обѣими руками такъ сильно, что на нихъ выступили вены; такъ же сильно выступили онѣ у него и на лбу; свирѣпое лицо сдѣлалось почти багровымъ.

— Что вы хотите сказать! — закричалъ онъ.—Вы сошли съ ума! Чья это ложь?

— Если это ложь,—отвѣчалъ м-ръ Хавишамъ,— то она ужасно походитъ на истину. Сегодня утромъ въ мою квартиру явилась женщина. Она сказала, что вашъ сынъ Бевисъ женился на ней шесть лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ. Она показала мнѣ свое свидѣтельство о бракѣ. Черезъ годъ послѣ свадьбы они поссорились, и онъ заплатилъ ей за то, чтобы она ушла отъ него. У нея сынъ пяти лѣтъ. Она американка низшаго класса — личность необразованная—и до послѣдняго времени хорошенько не знала, на что можетъ претендовать ея сынъ. Она посовѣтовалась съ адвокатомъ и узнала, что сынъ ея, дѣйствительно, лордъ Фонтлерой и наслѣдникъ Доринкурскаго графства; теперь она, конечно, настаиваетъ на признаніи его правъ.

Въ эту минуту кудрявая головка на желтой подушкѣ пошевелилась. Глубокій, продолжительный вздохъ вырвался изъ раскрытыхъ губъ, и маленькое тѣло сдѣлало легкое движеніе во снѣ. Но это не было движеніемъ тревоги или безпокойства подъ вліяніемъ факта, что онъ оказался обманщикомъ, что онъ совсѣмъ не лордъ Фонтлерой и никогда не будетъ графомъ Доринкуромъ. Онъ только еще больше склонилъ головку на бокъ, какъ будто для того, чтобы лучше дать ее разглядѣть такъ торжественно смотрѣвшему на нее старику.

Горькая улыбка неподвижно остановилась на мрачномъ отъ гнѣва, но все-таки красивомъ, лицѣ стараго вельможи.

— Мнѣ не слѣдовало бы вѣрить ни одному слову изъ этого,— произнесъ онъ,— если бы это не было настолько низкимъ, презрѣннымъ дѣломъ, что оно становится вполнѣ возможнымъ, будучи связано съ именемъ моего сына Бевиса. Онъ былъ для насъ постояннымъ безчестіемъ. Всегда слабый, вѣроломный, порочный мальчишка съ грязными наклонностями — и это мой сынъ и наслѣдникъ! Вы говорите, что эта женщина необразованная, вульгарная особа?

— Я долженъ сказать, что она врядъ ли въ состояніи написать свое имя,— отвѣчалъ адвокатъ.— Она безъ всякаго воспитанія и, очевидно, продажная; заботится только о деньгахъ. Она очень красива въ грубомъ смыслѣ, но...

Притязательный въ своихъ вкусахъ старикъ не договорилъ и какъ-то брезгливо содрогнулся.

Вены на лбу графа выступили, какъ красныя веревки. На немъ показались даже капли холоднаго пота. Онъ вынулъ платокъ и стеръ эти капли. Улыбка его стала еще горче.

— А я,— сказалъ онъ,— я обвинялъ... другую женщину, мать этого ребенка (показывая на спящую на софѣ фигуру); я отказывался признать ее. А вѣдь она умѣла написать свое имя. Я думаю, что это — возмездіе.

Вдругъ онъ вскочилъ съ кресла и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Неистовыя, страшныя слова полились изъ его устъ. Бѣшенство, ненависть и жестокое разочарованіе потрясли его, какъ буря потрясаетъ дерево. На ярость его было страшно смотрѣть, но, тѣмъ не менѣе, м-ръ Хавишамъ замѣтилъ, что въ самомъ разгарѣ своего гнѣва онъ не упускалъ

изъ виду спящую фигуру ребенка на желтой атласной подушкѣ и ни разу не поднималъ настолько высоко своего голоса, чтобы онъ могъ разбудить мальчика.

— Я могъ бы знать это,— сказалъ онъ. — Они служили безчестіемъ для меня съ первыхъ своихъ дней! Я ненавидѣлъ ихъ обоихъ, и они ненавидѣли меня! Бевисъ былъ худшій изъ нихъ. Но все-таки я не хочу этому вѣрить! Я буду оспаривать это до конца. Но это такъ похоже на Бевиса, такъ на него похоже!

И онъ снова впадалъ въ ярость и задавалъ вопросы насчетъ женщины, насчетъ ея доказательствъ, и, шагая по комнатѣ, то блѣднѣлъ, то багровѣлъ, сдерживая свое бѣшенство.

Когда онъ, наконецъ, узналъ все, что можно было узнать, м-ръ Хавишамъ посмотрѣлъ на него съ чувствомъ безпокойства. Старикъ казался сильно измѣнившимся; онъ былъ угрюмъ и, видимо, подавленъ. Припадки ярости всегда дурно отзывались на немъ, а на этотъ разъ они сказались еще хуже, потому что въ нихъ была не одна ярость.

Наконецъ, онъ медленно приблизился къ софѣ и остановился около нея.

— Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что я могу полюбить ребенка,— произнесъ онъ своимъ рѣзкимъ, но на этотъ разъ тихимъ и нетвердымъ голосомъ — я бы этому не повѣрилъ. Я всегда питалъ отвращеніе къ дѣтямъ, и къ собственнымъ больше, чѣмъ къ чужимъ. Этого ребенка я люблю, и онъ меня любитъ (съ горькой улыбкой). — Я не пользуюсь расположеніемъ людей; я никогда имъ не пользовался. Но

онъ меня любитъ. Онъ никогда не боялся меня — всегда вѣрилъ въ меня. Онъ бы занималъ мое мѣсто лучше, нежели занималъ его я. Я это знаю. Онъ былъ бы честью для нашего имени.

Онъ наклонился и съ минуту простоялъ, глядя на счастливое спящее лицо ребенка. Его мохнатыя брови были попрежнему яростно сдвинуты вмѣстѣ, но въ немъ самомъ ярости, видимо, уже не было. Онъ протянулъ руку, сдвинулъ со лба ребенка золотистые волосы, затѣмъ отошелъ и позвонилъ въ колокольчикъ.

Когда явился самый крупный лакей, онъ указалъ ему на софу.

— Возьми, — произнесъ онъ, и затѣмъ голосъ его нѣсколько измѣнился, — отнеси лорда Фонтлероя въ его комнату.

IX.

Когда юный другъ м-ра Хоббса покинулъ его съ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Доринкурскій замокъ и сдѣлаться лордомъ Фонтлероемъ, и когда лавочникъ сообразилъ, что цѣлый океанъ отдѣляетъ его отъ маленькаго товарища, проведшаго столько пріятныхъ часовъ въ его обществѣ — онъ началъ сильно скучать. Дѣло въ томъ, что м-ръ Хоббсъ далеко не отличался общительностью и веселымъ нравомъ; онъ былъ нѣсколько вялъ и тяжелъ на подъемъ и никогда не заводилъ обширнаго знакомства. Онъ не обладалъ достаточной живостью характера, чтобы умѣть развлечь себя, такъ что всѣ его удовольствія ограничивались чтеніемъ газетъ и подведеніемъ своихъ сче-

товъ. Не легко доставалось ему это послѣднее занятіе и требовало иногда очень много времени. Въ былые дни маленькій лордъ Фонтлерой, научившійся порядочно считать съ помощью пальцевъ, доски и грифеля, нерѣдко прилагалъ всѣ усилія въ стараніи помочь ему. Къ тому же Кедрикъ былъ такимъ внимательнымъ слушателемъ, такъ живо интересовался тѣмъ, что говорилось въ газетахъ, и съ м-ромъ Хоббсомъ у нихъ происходили такіе длинные разговоры насчетъ войны за освобожденіе, насчетъ выборовъ и республиканской партіи, что ничего удивительнаго не было въ томъ, что въ овощной лавочкѣ чувствовалась какая-то пустота. Въ первое время м-ру Хоббсу казалось, что Кедрикъ въ сущности совсѣмъ недалеко и скоро пріѣдетъ обратно, что въ одинъ прекрасный день онъ отниметъ глаза отъ газеты и увидитъ стоящаго въ дверяхъ мальчика въ бѣломъ костюмѣ и красныхъ чулкахъ, въ запрокинутой на затылокъ соломенной шляпѣ и ве́село привѣтствующаго его словами:

— Здравствуйте, м-ръ Хоббсъ! Вотъ жаркій-то день нынче!

Но такъ какъ дни проходили за днями, а мечты м-ра Хоббса не сбывались, то ему стало очень тяжело и грустно. Даже газеты не доставляли ему прежняго удовольствія. Прочтетъ газету, положитъ ее на колѣни и уставится неподвижнымъ взоромъ на высокій стулъ. На длинныхъ ножкахъ этого стула остались нѣкоторые знаки, наводившіе на м-ра Хоббса тоскливое уныніе. То были знаки, оставленные пятками будущаго графа Доринкура, имѣвшаго обыкновеніе во время разговора усиленно болтать ногами.

Видно, даже юные графы обиваютъ ножки того, на чемъ сидятъ; благородная кровь и древній родъ этому, должно-быть, не препятствуютъ. Насмотрѣвшись на эти знаки, м-ръ Хоббсъ обыкновенно вынималъ свои золотые часы, открывалъ ихъ и созерцалъ надпись: «Отъ стариннѣйшаго друга лорда Фонтлероя, м-ру Хоббсу. Когда увидишь сей стишокъ, то вспомни обо мнѣ, дружокъ». Наглядѣвшись, онъ громко захлопывалъ часы со вздохомъ поднимался, становился въ дверяхъ, между ящикомъ съ картофелемъ и бочкою съ яблоками, и смотрѣлъ на улицу. Вечеромъ, заперевъ лавку, онъ закуривалъ трубку и медленно шелъ по мостовой, пока не доходилъ до дома, гдѣ жилъ Кедрикъ. На домѣ стояла надпись: «Сей домъ отдается внаймы». М-ръ Хоббсъ обыкновенно останавливался здѣсь, смотрѣлъ на эту вывѣску, качалъ головою, напряженно раскуривая трубку, и черезъ нѣсколько времени съ печальнымъ видомъ уходилъ обратно.

Такъ прошли двѣ или три недѣли, пока у него не явилась новая мысль. Будучи тяжелъ и неповоротливъ, онъ не скоро додумывался до чего-нибудь новаго. Обыкновенно онъ не долюбливалъ новыхъ мыслей, предпочитая имъ старыя. Однако, спустя двѣ или три недѣли, въ теченіе которыхъ, вмѣсто того, чтобы улучшаться, дѣла все шли хуже и хуже, въ немъ началъ медленно и осторожно возникать новый планъ. Онъ вознамѣрился пойти къ Дику. Много трубокъ онъ выкурилъ, прежде чѣмъ пришелъ къ этому заключенію, но въ концѣ концовъ все-таки пришелъ къ нему. Нужно было повидать Дика. Насчетъ Дика ему было все извѣстно отъ Кедрика,

а идея его была та, что Дикъ, обсудивъ дѣло сообща, можетъ-быть, нѣсколько утѣшить его. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, когда Дикъ былъ сильно занятъ чисткою сапогъ одного посѣтителя, дюжій человѣкъ, съ хмурымъ лицомъ и лысой головой, остановился на мостовой и нѣсколько минутъ разсматривалъ вывѣску, на которой было изображено:

«Профессоръ Дикъ Типтонъ
Внѣ всякой конкуренціи».

Онъ смотрѣлъ на вывѣску такъ долго, что Дикъ заинтересовался имъ и, сдѣлавъ заключительный взмахъ по сапогамъ своего посѣтителя, сказалъ незнакомцу:

— Угодно положить лоскъ, сэръ?

Дюжій мужчина сдѣлалъ осторожно нѣсколько шаговъ впередъ и поставилъ ногу на скамейку.

— Да, — произнесъ онъ.

Затѣмъ, когда Дикъ принялся за работу, дюжій мужчина переводилъ глаза съ Дика на вывѣску, съ вывѣски опять на Дика.

— Откуда это у тебя? — спросилъ онъ.

— Отъ одного друга-малыша, — сказалъ Дикъ. — Всю обстановку подарилъ мнѣ. Прекрасный былъ малый. Онъ теперь въ Англіи. Поѣхалъ лордомъ тамъ ихнимъ сдѣлаться.

— Лордъ... лордъ, — спросилъ съ тяжеловѣсною медленностью м-ръ Хоббсъ, — лордъ Фонтлерой — долженъ сдѣлаться графомъ Доринкуромъ?

Дикъ чуть не выронилъ щетку.

— Какъ!? — воскликнулъ онъ. — Вы сами его знаете?

— Я зналъ его,—отвѣчалъ м-ръ Хоббсъ, вытирая свой мокрый лобъ, — съ самаго его рожденія. Всю нашу жизнь мы были знакомы—вотъ мы какъ.

Онъ рѣшительно не могъ говорить объ этомъ безъ волненія. Онъ вытащилъ блестящіе золотые часы и, открывъ ихъ, показалъ Дику внутреннюю доску.

«...—Какъ!? воскликнулъ Дикъ.—Вы сами его знаете?..»

«Когда увидишь сей стишокъ, то вспомни обо мнѣ, дружокъ!» прочиталъ онъ.—Это былъ его прощальный подарокъ мнѣ. «Не хочу, чтобы вы меня забыли», — такъ онъ говорилъ. Да я бы помнилъ о немъ,—продолжалъ онъ, качая головой, — когда бы онъ мнѣ и ничего не далъ, и я бъ отъ него и по-

рошинки потомъ не видѣлъ. Это былъ товарищъ такой, что всякій сталъ бы его помнить.

— Чудеснѣйшій былъ малый, – подтвердилъ Дикъ. — А смышленъ-то какъ — не видывалъ я еще такого смышленаго. Я его страсть какъ уважалъ; мы съ нимъ тоже друзьями были съ самаго начала. Я досталъ ему мячикъ изъ-подъ дилижанса, и онъ этого никогда не забывалъ; часто, бывало, приходилъ ко мнѣ съ матерью, а то съ нянькой; придетъ и сейчасъ закричитъ: «Эй, Дикъ, здорово!» да такъ ласково всегда, словно взрослый мужчина, несмотря, что еще такой маленькій пузырь былъ. Веселая была голова; случится, бывало, какая незадача — тоска возьметъ, а пришелъ онъ, глядишь, и разговоритъ тебя.

— Такъ, такъ, — подтвердилъ м-ръ Хоббсъ. — Жаль было такого въ графы отдавать. Пусти они его по нашему колоніальному или хотя по мануфактурному дѣлу, то-то бы изъ него дѣлецъ вышелъ; на славу бы дѣлецъ вышелъ!

И онъ съ самымъ горькимъ сожалѣніемъ покачалъ головою.

Ясно было, что сразу имъ не успѣть переговорить обо всемъ, а потому они условились, что на слѣдующій день Дикъ придетъ къ м-ру Хоббсу въ лавку и проведетъ съ нимъ вечеръ. Этотъ планъ очень понравился Дику. Онъ провелъ на улицѣ почти всю свою жизнь, но никогда не былъ дурнымъ мальчикомъ и въ душѣ питалъ всегда желаніе устроить себѣ приличное существованіе. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ повелъ свое дѣло самостоятельно, онъ успѣлъ скопить столько деньжонокъ, что имѣлъ

возможность ночевать въ домѣ, а не подъ открытымъ небомъ, и сталъ уже надѣяться достигнуть со временемъ и еще лучшаго положенія. Такимъ образомъ, приглашеніе въ гости къ осанистому, почтенному человѣку, владѣльцу колоніальной лавочки да еще съ лошадью и повозкой, казалось ему настоящимъ событіемъ.

— А что, другъ любезный, не знаешь ли ты чего насчетъ графовъ и замковъ? — освѣдомился м-ръ Хоббсъ. — Я бы не прочь разузнать объ нихъ поподробнѣе.

— Есть тутъ объ нихъ одна исторія въ *Дешевой Газетѣ*,— сказалъ Дикъ. — Называется она: «Преступленіе графской короны, или месть графини Мэй». Занятная вещь къ тому же. Кое-кто изъ нашихъ берутъ ее читать.

— Захвати ее ко мнѣ съ собою, — обрадовался м-ръ Хоббсъ: — я тебѣ заплачу, что стоитъ. Забери все, что найдешь, гдѣ говорится о графахъ. Если не о графахъ, то хоть о маркизахъ, что ли, или герцогахъ — пригодится и это, хотя *онъ* никогда не поминалъ ни про герцоговъ ни про маркизовъ. Заходила у насъ съ нимъ рѣчь и о коронахъ графскихъ, только мнѣ что-то не приходилось видать ихъ. Думается мнѣ, здѣсь ихъ не держатъ.

— Должны бы быть, кажется,—сказалъ Дикъ,— только я не знаю, не видывалъ.

— Вѣроятно, ихъ очень мало спрашиваютъ, — замѣтилъ м-ръ Хоббсъ въ заключеніе.

Таково было начало очень тѣсной дружбы. Когда Дикъ пришелъ въ лавку, м-ръ Хоббсъ принялъ его очень радушно. Онъ предложилъ ему стулъ около

кадки съ яблоками и, когда молодой гость его усѣлся, онъ сдѣлалъ по направленію ихъ жестъ рукою, въ которой держалъ трубку, и сказалъ:

— Угощайся самъ.

Послѣ этихъ словъ онъ принялся просматривать свои дѣловыя бумаги, а затѣмъ они читали и разговаривали о британской аристократіи. При этомъ м-ръ Хоббсъ усиленно курилъ свою трубку и часто качалъ головою. Онъ закачалъ ею особенно сильно, указывая на высокій стулъ съ слѣдами на ножкахъ.

— Это его слѣды,—произнесъ онъ трогательнымъ голосомъ,—это они самые. Я сижу и смотрю на нихъ по цѣлымъ часамъ. Подумаешь, какъ все мѣняется на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ вѣдь, сидитъ онъ, бывало, здѣсь и ѣстъ сухари изъ ящика и яблоки изъ кадки, а сѣмечки выплевываетъ на улицу; а теперь... теперь онъ лордъ и живетъ въ замкѣ. Это лордовы слѣды; придетъ время, еще и графскими будутъ. Сижу я такъ, сижу, да вдругъ и скажу про себя: тьфу, ты, пропасть!

Повидимому, онъ находилъ большую отраду въ своихъ размышленіяхъ и посѣщеніи Дика. Прежде, чѣмъ Дику уйти, они поужинали въ маленькой задней комнаткѣ; поданы были бисквиты, сыръ, сардинки и другіе консервы изъ находившихся въ лавкѣ. Вдобавокъ м-ръ Хоббсъ торжественно откупорилъ двѣ бутылки имбирнаго эля и, наливъ два стакана, произнесъ тостъ:

— Это за *его* здоровье! — сказалъ онъ, поднимая свой стаканъ, — и пусть онъ покажетъ имъ — этимъ тамъ разнымъ графамъ да маркизамъ!

Послѣ этого вечера новые друзья видались часто, и м-ръ Хоббсъ сталъ болѣе спокоенъ и не такъ сильно грустилъ. Они читали *Дешевую Газету* и много другихъ интересныхъ вещей и пріобрѣли такія познанія о нравахъ дворянства и аристократіи, какимъ не мало подивились бы эти классы, если бы они стали имъ извѣстны. Однажды м-ръ Хоббсъ совершилъ путешествіе въ центральную часть города со спеціальною цѣлью пополненія общей ихъ съ Дикомъ библіотеки. Онъ вошелъ въ книжную лавку, облокотился на прилавокъ и сказалъ приказчику:

— Мнѣ нужно книгу о графахъ.

— Что? — переспросилъ его удивленный приказчикъ.

— Книгу о графахъ.

— Боюсь, — сказалъ, съ страннымъ выраженіемъ лица, приказчикъ, — что у насъ нѣтъ такой книги.

— Нѣтъ?! — съ безпокойствомъ произнесъ м-ръ Хоббсъ. — Ну такъ... о маркизахъ... или герцогахъ.

— Я не знаю подобной книги, — отвѣтилъ приказчикъ.

М-ръ Хоббсъ сильно смутился. Онъ посмотрѣлъ сначала на полъ, потомъ вверхъ.

— И о графиняхъ нѣтъ? — освѣдомился онъ.

— Нѣтъ, не думаю, — сказалъ приказчикъ улыбаясь.

— Тьфу, ты, пропасть! — воскликнулъ м-ръ Хоббсъ.

Онъ было уже направился къ двери, когда приказчикъ позвалъ его назадъ и спросилъ, не подойдетъ ли ему повѣсть, гдѣ дворянство играетъ главную роль. М-ръ Хоббсъ далъ утвердительный отвѣтъ: — если ужъ нельзя достать цѣлый томъ, посвященный

графамъ. Тогда приказчикъ отпустилъ ему книгу подъ заглавіемъ: «Лондонскій Тоуэръ», сочиненіе м-ра Гаррисона Эйнсворта, и м-ръ Хоббсъ унесъ ее съ собою.

Какъ только пришелъ Дикъ, они принялись за ея чтеніе. Это была чрезвычайно интересная книга, описывавшая царствованіе знаменитой англійской королевы, прозванной нѣкоторыми Кровожадной Маріей. Услыхавъ о поступкахъ королевы Маріи, о ея обыкновеніи снимать людямъ головы, подвергать ихъ пыткамъ и сжигать живыми, м-ръ Хоббсъ пришелъ въ сильное волненіе. Онъ вынулъ изо рта трубку и устремилъ глаза на Дика; наконецъ, принужденъ былъ достать свой красный носовой платокъ и вытереть выступившій у него на лбу потъ.

— А вѣдь ему не сдobровать!—сказалъ онъ.—Не сдобровать! Если ужъ бабы, сидя на тронѣ, даютъ приказы на подобныя вещи, то кто поручится, что можетъ случиться съ нимъ въ эту самую минуту? Бѣда ему, долго ли тутъ пропасть! Придетъ бабѣ фантазія, ну и прощай!

— Ну, что вы говорите, — сказалъ Дикъ, хотя и онъ былъ тоже нѣсколько встревоженъ;—здѣсь вѣдь говорится не про ту, которая теперь правитъ. Я знаю, ее зовутъ Викторія, а ту, которая здѣсь въ книгѣ, зовутъ Марія.

— Такъ, такъ, — сказалъ м-ръ Хоббсъ, продолжая обтирать лобъ.—Положимъ, газеты ничего что-то не говорятъ насчетъ дыбковъ, козелъ или костровъ — ну, а все-таки, пожалуй, опасно ему жить тамъ съ этимъ народомъ. Вѣдь вотъ говорятъ же, будто они не празднуютъ четвертое іюля.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того ему было какъ-то не по себѣ. Онъ снова успокоился только тогда, когда получилъ письмо Фонтлероя и прочиталъ его нѣсколько разъ и про себя и Дику, да прочиталъ еще письмо, которое около того же времени получилъ Дикъ.

Эти письма доставили имъ обоимъ большое удовольствіе. Они читали и перечитывали ихъ и толковали объ нихъ, наслаждаясь каждымъ ихъ словомъ. Потомъ цѣлые дни проводили они надъ отвѣтами, которые послали, читая ихъ почти по стольку же разъ, сколько и полученныя.

Писать было для Дика не совсѣмъ легкимъ дѣломъ. Всѣ свои познанія по части письма и чтенія онъ пріобрѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока жилъ съ старшимъ братомъ и ходилъ въ вечернюю школу; но, какъ мальчикъ смышленый, онъ употребилъ съ пользою это непродолжительное ученье и упражнялся съ тѣхъ поръ по газетамъ, изображая слова кусочкомъ мѣла гдѣ-нибудь на стѣнѣ или на мостовой. Онъ разсказалъ м-ру Хоббсу про свою жизнь и про старшаго брата, который послѣ смерти матери, когда Дикъ остался совсѣмъ маленькимъ, былъ довольно добръ къ нему. Отецъ ихъ умеръ незадолго до этого. Брата звали Бенъ; онъ, какъ умѣлъ, заботился о немъ, пока мальчикъ не подросъ настолько, что могъ продавать газеты и быть на побѣгушкахъ. Жили они вмѣстѣ, и, ставъ постарше, Бенъ добылъ себѣ подъ конецъ очень приличное мѣсто въ магазинѣ.

— А потомъ, — разсказывалъ съ отвращеніемъ Дикъ, — задумалъ онъ на грѣхъ жениться на одной

дѣвчонкѣ! Обезумѣлъ себѣ человѣкъ, да и только! Женился, завелъ хозяйство, снялъ двѣ комнаты. И бѣдовая же она оказалась—настоящая тигрица. Такъ, бывало, и рветъ все на куски, когда взбѣсится, а бѣсилась она постоянно. Ребенокъ у нея былъ точь въ точь, какъ она сама — кричитъ, бывало, и день и ночь! Я еще только и ходилъ за нимъ! А запищитъ онъ, она въ меня давай швырять, чѣмъ ни попало. Разъ запустила въ меня тарелкой, да угодила въ ребенка — подбородокъ ему разрѣзала. Докторъ сказалъ, что на всю жизнь знакъ останется. Нечего и говорить, хорошая была мать! Досталось-таки намъ всѣмъ троимъ — и Бену, и мнѣ, и маленькому. Злилась она на Бена, что онъ не такъ скоро наживаетъ деньги. Уѣхалъ онъ, наконецъ, на западъ съ однимъ человѣкомъ скотомъ промышлять. Прошло, знать, съ недѣлю, не больше; вернулся я какъ-то домой съ газетной продажи, смотрю, комната на замкѣ, никого нѣтъ; хозяйка домовая говоритъ мнѣ: ушла, говоритъ, Минна — и слѣдъ ея простылъ. Другіе говорили, будто она за море уѣхала, въ кормилицы нанялась къ какой-то барынѣ. Съ тѣхъ поръ ни слуху ни духу — ни я ни Бенъ ничего не знаемъ. Будь я на его мѣстѣ, ни чуть бы не безпокоился — да такъ, кажется, онъ и сдѣлалъ. А сначала куда какъ онъ хвалилъ ее, просто безъ ума былъ отъ нея. Смазливая она была, это правда, когда одѣнется да не бѣсится. Глаза такіе большіе, черные и волосы черные, до колѣнъ; свернетъ ихъ, бывало, въ косу— что твоя рука, и завертитъ, завертитъ это ихъ на голову: а глаза, такъ скажу вамъ, точно съѣсть хотятъ! Говорилъ народъ, будто она наполовину

итальянка — отецъ или мать ея будто оттуда были — оттого, должно-быть, такая и вышла. Да, скажу вамъ, такъ оно и есть—изъ нихъ она!

Онъ часто разсказывалъ м-ру Хоббсу разныя исторіи про нее и про Бена, который съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ на западъ, разъ или два писалъ Дику. Дѣла у Бена не ладились, и онъ бродилъ съ мѣста на мѣсто, но, наконецъ, основался въ Калифорніи, гдѣ велъ торговлю скотомъ, въ то время, когда Дикъ познакомился съ м-ромъ Хоббсомъ.

— Дѣвчонка эта,— сказалъ Дикъ однажды,— повытрясла его порядкомъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и пожалѣешь его.

Они сидѣли вмѣстѣ у дверей лавки, и м-ръ Хоббсъ набивалъ свою трубку.

— Ему бы не нужно было жениться,— произнесъ онъ торжественно, поднимаясь за спичкой. — Женщины... я никогда не видѣлъ въ нихъ толку.

Беря спичку, онъ остановился и посмотрѣлъ на прилавокъ.

— Э! — сказалъ онъ,— а вѣдь какъ будто это письмо! Не видалъ я его раньше. Должно-быть, почтальонъ положилъ его, когда я не замѣтилъ или газета свалилась на него.

Онъ взялъ письмо и тщательно осмотрѣлъ его.

— Это отъ *него!*— воскликнулъ. онъ — Отъ него и есть!

Онъ совсѣмъ забылъ про трубку; взволнованный вернулся на стулъ, взялъ свой карманный ножикъ и вскрылъ конвертъ.

— Любопытно, какія на этотъ разъ будутъ новости,— сказалъ онъ.

Затѣмъ онъ раскрылъ письмо и прочиталъ слѣдующее:

„Доринкурскій замокъ.

„Дорогой м-ръ Хоббсъ.

„Пишу второпяхъ потому что имею сообщить вамъ кое-что интересное я знаю вы очень удивитесь мой дорагой другъ когда я вамъ раскажу въ чемъ дѣло. Все это ошибка а я не лордъ и не буду графомъ нашлась леди которая была замужемъ за дядей Бевисомъ который умеръ и у нея есть маленькій мальчикъ и онъ лордъ Фонтлерой потому что такъ уже въ Англіи бываетъ что сынъ старшаго сына графа бываетъ графомъ если всѣ другіе умерли то есть если его отецъ и дѣдъ умерли мой дѣдушка не умеръ а дядя Бевисъ умеръ и потому его сынъ лордъ Фонтлерой а я не лордъ потому что мой папа былъ младшій сынъ и имя мое Кедрикъ Эрроль какъ и тогда когда я былъ въ Нью Іоркѣ и все будетъ принадлежать другому мальчику я сначала думалъ что мнѣ придется отдать ему моего пони и колясочку но дѣдушка говоритъ что мне отдавать не нужно дѣдушка очень огорченъ и я думаю что леди ему не нравится можетъ быть потому что онъ думаетъ что намъ съ милочкой будетъ очень жалко что я не буду графомъ мне теперь больше хочется быть графомъ чемъ я думалъ сначала потому что это такой чудесный замокъ и я такъ всѣхъ люблю а когда бываешь богатъ можешь такъ много делать я теперь не богатъ потому что если вашъ папа только младшій сынъ то онъ не очень богатъ я буду учится работать чтобы содержать милочку я спрашивалъ Вилькинса на счетъ объезжанія лошадей можетъ быть я могу быт грумомъ или кучеромъ леди привела своего мальчика въ замокъ и дѣдушка съ мистеромъ Хавишамомъ разговаривали съ ней она кажется очень сердилась и громко говорила и дѣдушка тоже разсердился я еще никогда не видалъ его сердитымъ только бы они всѣ сума не сошли я думалъ лучше сказать вамъ съ Дикомъ все сразу потому что вамъ будетъ интересно знать пока больше писать нечево.

„вашъ старый другъ

„Кедрикъ Эрроль (а не лордъ Фонтлерой)“.

М-ръ Хоббсъ откинулся назадъ, письмо выпало изъ рукъ на колѣни, ножикъ и конвертъ свалились на полъ.

— Тьфу, пропасть!— произнесъ онъ.

Онъ былъ такъ ошеломленъ, что измѣнилъ свое восклицаніе. Въ обычаѣ было у него говорить: тьфу, *ты*, пропасть!— а на этотъ разъ онъ сказалъ: тьфу, пропасть. Что означала эта разница — осталось невыясненнымъ.

— Ну, что же! — замѣтилъ Дикъ, — дѣло стало-быть, выходитъ къ лучшему?

— Къ лучшему!— воскликнулъ м-ръ Хоббсъ.— А я такъ думаю, что все это штуки британскихъ аристократовъ; просто хотятъ отнять у него права, потому что онъ американецъ. Они всѣ злы на насъ съ самой войны за независимость, вотъ и вымещаютъ на немъ. Говорилъ я вамъ, что ему не сдобровать, вотъ оно такъ и случилось! Что тамъ ни говори, а видно, всѣ власти ихнія сговорились отнять у него все достояніе.

Онъ былъ очень взволнованъ. Сначала онъ не одобрялъ перемѣну въ положеніи своего юнаго друга, но потомъ нѣсколько примирился съ нею; получивъ же отъ Кедрика первое письмо, сталъ, можетъ-быть, даже нѣсколько гордиться въ душѣ высокимъ положеніемъ, выпавшимъ на долю этого друга. Несмотря на свое дурное мнѣніе о графахъ, онъ зналъ, что даже въ Америкѣ деньги считаются довольно пріятной вещью, а если все богатство и величіе должно отойти вмѣстѣ съ титуломъ, то потерю эту перенести уже не такъ легко.

— Они стараются обобрать его!—настаивалъ онъ на своемъ убѣжденіи: — это навѣрно, и людямъ съ деньгами нужно бы смотрѣть за ними.

Онъ удержалъ Дика до поздняго вечера, продолжая все обсуждать съ нимъ такъ безпокоившій его вопросъ о коварныхъ проискахъ британской аристократіи. Когда, наконецъ, Дикъ собрался домой, онъ дошелъ съ нимъ до угла улицы; на обратномъ пути онъ остановился передъ пустымъ домомъ и нѣсколько времени смотрѣлъ на вывѣску «отдается», при чемъ усиленно тянулъ свою трубку, ясно доказывая этимъ тревожное состояніе своего духа.

XII.

Прошло очень немного дней со времени обѣда, даннаго въ замкѣ, какъ уже почти всякій англичанинъ, читавшій газеты, зналъ романическую исторію, случившуюся въ Доринкурѣ. Передаваемая со всѣми подробностями исторія эта представлялась очень интересною. Маленькаго мальчика-американца привезли въ Англію, чтобы сдѣлать его лордомъ Фонтлероемъ. Говорили, что мальчикъ былъ очень красивъ и изященъ, что всѣ его успѣли полюбить, и старый графъ, его дѣдъ, весьма гордился своимъ наслѣдникомъ. Разсказывали про молодую красавицу-мать, навлекшую на себя гнѣвъ стараго вельможи за то, что вышла замужъ за капитана Эрроля. Сообщали о странномъ бракѣ Бевиса, покойнаго лорда Фонтлероя, о странной, никому неизвѣстной женщинѣ, вдругъ явившейся съ сыномъ, будто бы настоящимъ лордомъ

Фонтлероемъ, и съ требованіемъ признанія принадлежащихъ ему, какъ лорду Фонтлерою, правъ. Все это производило сильнѣйшее впечатлѣніе и сдѣлалось предметомъ безконечныхъ словесныхъ и печатныхъ обсужденій. А потомъ прошелъ слухъ, будто графъ Доринкуръ не доволенъ оборотомъ, какой приняло дѣло, и намѣренъ оспаривать претензію судебнымъ порядкомъ, такъ что изъ этого могъ возникнуть громкій процессъ.

Никогда еще не было такого волненія въ графствѣ, гдѣ лежалъ городокъ Эрльборо. Въ базарные дни народъ стоялъ группами и толковалъ, пускаясь въ догадки, что изъ этого выйдетъ; жены фермеровъ приглашали другъ друга на чай, чтобы сообщить одна другой все, что онѣ слышали, и все, что онѣ думали сами, а также и то, что, по ихъ мнѣнію, думали другіе. Онѣ разсказывали чудесные анекдоты о томъ, какъ графъ выходилъ изъ себя, какъ онъ рѣшилъ не признавать новаго лорда Фонтлероя и какъ онъ презиралъ женщину, мать претендента. Но, само собою разумѣется, больше всего можно было узнать отъ м-ссъ Диббль, бывшей теперь въ еще большемъ спросѣ, чѣмъ когда-нибудь.

— Хорошаго изъ этого ничего не выйдетъ, — говорила она. — Если бъ вамъ, мадамъ, пришлось спросить моего мнѣнія, я бы должна была сказать по совѣсти: подѣломъ ему — зачѣмъ онъ такъ обошелся съ бѣдняжкой матерью — отнялъ у нея ребенка, — вѣдь онъ такъ возлюбилъ его, такъ баловалъ, такъ гордился имъ, что чуть съ ума не сошелъ, когда это случилось. Мало того, новая-то эта совсѣмъ

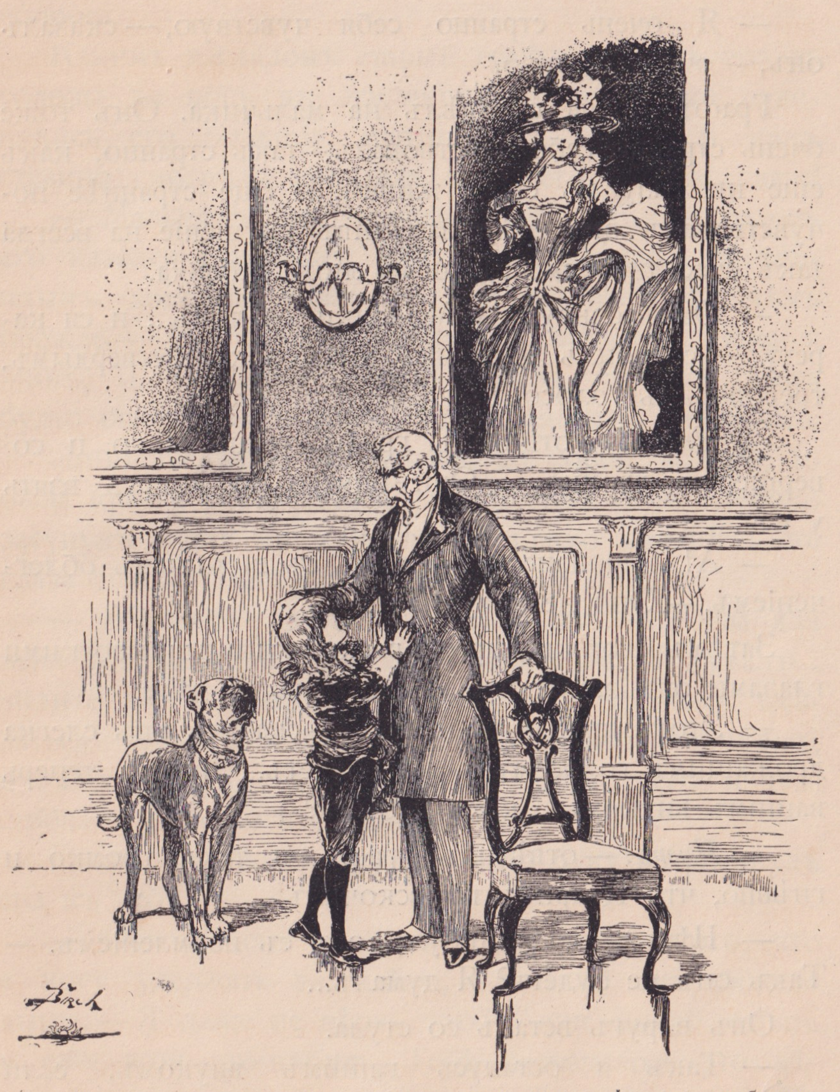
не лэди, не то, что мать его милости. Черноволосая она такая да черноглазая. Мистеръ Томъ говоритъ— ни одинъ порядочный ливрейный, — говоритъ, — не станетъ ея слушаться; пусть, — говоритъ, — только придетъ въ домъ, сейчасъ же уйду. Да и мальчишка-то никуда не годится. И ума, кажется, не приложишь, что только изо всего этого выйдетъ, и чѣмъ это кончится. Я такъ и присѣла, какъ Жанна мнѣ все это поразсказала.

Не меньшее волненіе господствовало и повсюду въ замкѣ: и въ библіотекѣ, гдѣ происходили совѣщанія графа съ м-ромъ Хавишамомъ; и въ людской, гдѣ цѣлый день слышались оживленныя бесѣды подъ предсѣдательствомъ м-ра Тома, и въ конюшнѣ, гдѣ Вилькинсъ исполнялъ свое дѣло съ самымъ сокрушеннымъ, подавленнымъ видомъ, еще усерднѣе, кажется, ухаживая за маленькимъ пони. Онъ изливалъ передъ кучеромъ свое горе.

— Много я молодыхъ господъ обучалъ, — говорилъ онъ, — а такого смѣлаго и смышленаго у меня въ наукѣ еще не бывало. Какъ-то даже пріятно ѣхать за нимъ.

Но среди всей этой суматохи совершенно спокойнымъ оставался одинъ только лордъ Фонтлерой, про котораго говорили теперь, что онъ совсѣмъ не лордъ Фонтлерой. Правда, когда въ первый разъ объяснили ему положеніе дѣла, онъ пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе и безпокойство, но не вслѣдствіе того, что его честолюбіе было обмануто.

Пока графъ сообщалъ ему о случившемся, онъ сидѣлъ на стулѣ, обнявъ колѣнку, какъ дѣлалъ это и раньше, слушая что-нибудь интересное. Разсказъ

«...—Такъ я останусь вашимъ внукомъ, если даже мнѣ и нельзя будетъ сдѣлаться графомъ?—сказалъ Кедрикъ...»

былъ конченъ, а мальчикъ казался все еще совершенно спокойнымъ.

— Я очень странно себя чувствую, — сказалъ онъ, — очень странно.

Графъ молча смотрѣлъ на мальчика. Онъ тоже очень странно себя чувствовалъ—такъ странно, какъ еще ни разу въ своей жизни. И еще страннѣе почувствовалъ онъ себя, замѣтивъ смущеніе на всегда такъ счастливо смотрѣвшемъ лицѣ ребенка.

— Они возьмутъ у Милочки ея домъ... и ея карету? — спросилъ Кедрикъ нѣсколько нетвердымъ, тревожнымъ голосомъ.

— *Нѣтъ!* — отвѣчалъ графъ рѣшительно и совершенно громко. — Они ничего не могутъ взять у нея.

— А! — произнесъ Кедрикъ съ видимымъ облегченіемъ. — Они не могутъ?

Затѣмъ своими широко раскрывшимися, кроткими глазами онъ задумчиво посмотрѣлъ на дѣда.

— Этотъ, другой мальчикъ, — сказалъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ, — онъ будетъ... будетъ теперь вашимъ внукомъ... какъ я былъ?

— *Нѣтъ!* — отвѣтилъ графъ и такъ громко и гнѣвно, что Кедрикъ привскочилъ.

— Нѣтъ? — воскликнулъ онъ съ изумленіемъ. — Такъ онъ не будетъ? Я думалъ...

Онъ вдругъ всталъ со стула.

— Такъ я останусь вашимъ внукомъ, если даже мнѣ и нельзя будетъ сдѣлаться графомъ? — сказалъ Кедрикъ. — Я такъ и останусь у васъ, какъ былъ до сихъ поръ?

И его разгорѣвшееся личико ясно говорило, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ рѣшенія этого вопроса.

Какимъ взглядомъ старый графъ окинулъ его съ головы до ногъ въ эту минуту! Какъ тѣсно сдвинулись его большія щетинистыя брови, и какъ странно смотрѣли изъ-подъ нихъ его впалые глаза!

— Мальчикъ мой!—сказалъ онъ, и самый голосъ его казался страннымъ, почти надорваннымъ и хриплымъ, хотя онъ говорилъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде.—Да, ты будешь моимъ внукомъ, пока я живъ, и, признаюсь, мнѣ иногда кажется, какъ будто бы ты былъ моимъ единственнымъ ребенкомъ.

Лицо Кедрика покраснѣло до корня волосъ; то была краска облегченія и удовольствія. Онъ глубоко засунулъ руки въ карманы и прямо смотрѣлъ въ глаза своего благороднаго дѣда.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ онъ.—Тогда для меня все равно, графъ ли я или нѣтъ. Я думалъ... видите ли, я думалъ, что тотъ, кто долженъ сдѣлаться графомъ, долженъ быть и вашимъ внучкомъ, и... и что я имъ не могу быть. Вотъ отчего, я чувствовалъ себя такъ странно.

Графъ положилъ ему на плечо руку и притянулъ его къ себѣ.

— Они ничего не возьмутъ у тебя такого, что я могу удержать за тобою,—сказалъ онъ, тяжело дыша.—Я даже не вѣрю, чтобъ они могли отнять у тебя хотя что-нибудь. Тебѣ назначалось это мѣсто—и ты можешь занимать его попрежнему. Но что бы ни случилось, у тебя будетъ все, что я могу дать тебѣ,—все!

Почти не похоже было, чтобы онъ говорилъ это ребенку — столько рѣшительности было въ его лицѣ и голосѣ; скорѣе это походило на обѣщаніе самому себѣ—какъ оно, вѣроятно, и было.

До сихъ поръ онъ не сознавалъ, насколько сильна была его привязанность къ мальчику и насколько онъ былъ для него предметомъ гордости. Никогда еще такъ ясно не видѣлъ онъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ своего внука. Его упрямой, настойчивой натурѣ казалось невозможнымъ — болѣе чѣмъ невозможнымъ — отдать то, чему всецѣло предано было его сердце. И онъ рѣшился не уступать этого сокровища безъ самой отчаянной борьбы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія съ м-ромъ Хавишамомъ женщина, претендовавшая на титулъ лэди Фонтлерой, явилась въ замокъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Ея не приняли. Графъ велѣлъ сказать ей черезъ лакея, что не желаетъ ея видѣть, что ея дѣломъ займется адвокатъ. Этотъ отвѣтъ переданъ былъ ей Томомъ, который впослѣдствіи, находясь въ людской, свободно выражалъ о ней свое мнѣніе.

— Кажется, я довольно пожилъ въ хорошихъ домахъ,—говорилъ онъ,—чтобы сейчасъ же увидать, кто лэди, а кто нѣтъ, и ужъ если это была лэди, то значитъ я не судья женской братіи. Вонъ та барыня, что живетъ въ томъ домѣ, — прибавилъ онъ съ гордостью, — американка она, нѣтъ ли, а ужъ сейчась видно, что настоящаго сорта — съ полглаза всякій порядочный человѣкъ скажетъ. Я сейчасъ же сказалъ это Генри, какъ только мы въ первый разъ туда пріѣхали.

Женщина удалилась. Простонародное, хотя и красивое, лицо ея имѣло при этомъ полуиспуганный, полусвирѣпый видъ. М-ръ Хавишамъ, во время своихъ свиданій съ нею, замѣтилъ, что при всей страстности ея характера и грубыхъ, нахальныхъ манерахъ, она была совсѣмъ не настолько ловка и смѣла, какъ представлялась; иногда она казалась почти подавленною тѣмъ положеніемъ, въ которое себя поставила. Повидимому, она не ожидала встрѣтить такое противодѣйствіе.

«...Графъ велѣлъ сказать ей черезъ лакея, что не желаетъ ея видѣть...»

— Очевидно, — говорилъ адвокатъ м-ссъ Эрроль, — это особа изъ низшихъ сферъ жизни. Ея невѣжество и отсутствіе воспитанія видны во всемъ; она совершенно не привыкла держаться съ людьми, подобными намъ, маломальски въ условіяхъ равенства. Она не знаетъ, что ей дѣлать. Посѣщеніе замка вполнѣ усмирило ее. Она была взбѣшена, но вмѣстѣ съ тѣмъ и испугана. Графъ не хотѣлъ ея принимать, но я посовѣтовалъ ему отправиться со мною въ гостиницу, гдѣ она стоитъ. Увидавъ его входящимъ въ комнату, она

поблѣднѣла, хотя тотчасъ же пришла въ ярость, грозила и требовала въ одно и то же время.

Дѣло въ томъ, что войдя въ комнату своею гордою поступью, графъ остановился и, съ высоты своего аристократическаго величія, устремилъ на женщину неподвижный взглядъ изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей, не удостоивая ея ни единымъ словомъ. Онъ лишь пристально смотрѣлъ на нее, какъ на какую-то отвратительную диковинку. Онъ далъ ей полную волю наговориться, пока она не устала, самъ не произнося ни слова, а потомъ сказалъ:

— Вы называете себя женой моего старшаго сына. Если это вѣрно, и вы представите неотразимыя тому доказательства, то законъ на вашей сторонѣ. Въ такомъ случаѣ сынъ вашъ—лордъ Фонтлерой. Дѣло будетъ разсмотрѣно самымъ тщательнымъ образомъ; въ этомъ можете быть увѣрены. Если ваши требованія будутъ доказаны, — вы получите свое. Но, пока живъ, я не желаю видѣть ни васъ ни вашего ребенка. Къ сожалѣнію, и послѣ моей смерти вамъ останется еще довольно времени для занятія этого мѣста. Вы какъ разъ того сорта особа, на какой могъ, по моимъ предположеніямъ, остановиться выборъ моего сына Бевиса.

Затѣмъ онъ повернулся къ ней спиною и такъ же гордо вышелъ изъ комнаты, какъ и вступилъ въ нее.

Нѣсколько дней спустя, м-ссъ Эрроль, писавшей въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, доложили о пріѣздѣ посѣтителя. Служанка, пришедшая съ этимъ докладомъ, казалась нѣсколько взволнованной; глаза

ея были широко раскрыты отъ удивленія, и, какъ дѣвушка молодая и неопытная, она смотрѣла на свою госпожу съ тревожнымъ сочувствіемъ.

— Самъ графъ, сударыня! — проговорила она дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ.

Когда м-ссъ Эрроль вошла въ гостиную, на разостланный передъ каминомъ тигровой шкурѣ стоялъ высокій, величественнаго вида старикъ. У него было красивое, сурово смотрѣвшее лицо, съ орлинымъ профилемъ, длинными бѣлыми усами и упрямымъ взоромъ.

— Вы м-ссъ Эрроль? — сказалъ онъ.

— М-ссъ Эрроль, — отвѣчала она.

— Я графъ Доринкуръ.

Нѣсколько секундъ онъ, почти безсознательно. молчалъ, смотря на ея поднятые на него глаза. Эти глаза были такъ похожи на большіе, свѣтившіеся любовью и дѣтской искренностью глаза, такъ часто смотрѣвшіе на него за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ, что видъ ихъ вызвалъ въ немъ какое-то совершенно особое чувство.

— Мальчикъ очень похожъ на васъ, — сказалъ онъ отрывисто.

— Мнѣ это часто говорили, — отвѣчала она, — но я съ удовольствіемъ замѣчала въ немъ большое сходство и съ отцомъ.

Лэди Лорридэйль оказалась права, разсказывая брату о пріятномъ звукѣ ея голоса, о простотѣ и достоинствѣ ея манеръ. Она нимало не казалась смущенною его внезапнымъ посѣщеніемъ.

— Да, — сказалъ графъ, — онъ похожъ также и на моего сына. — Онъ поднялъ руку къ боль-

шимъ сѣдымъ усамъ и началъ яростно крутить ихъ.

— Знаете ли вы, — произнесъ онъ, — зачѣмъ я сюда явился?

— Я видѣла м-ра Хавишама, — начала м-ссъ Эрроль, — и онъ сообщилъ мнѣ о предъявленныхъ требованіяхъ...

— Я пріѣхалъ сказать вамъ, — прервалъ ее графъ, — что эти требованія будутъ разсмотрѣны и противъ нихъ заявленъ споръ, если онъ только возможенъ. Я пріѣхалъ сказать вамъ, что на защиту мальчика будетъ призвана вся сила закона. Его права...

Тихій голосъ м-ссъ Эрроль перебилъ рѣчь графа въ свою очередь.

— Онъ не долженъ имѣть ничего *не* принадлежащаго ему по праву, если даже законъ и можетъ дать ему это, — сказала она.

— Къ несчастію, законъ этого не можетъ, — возразилъ графъ. — Если бы онъ могъ, то непремѣнно далъ бы. Эта гнусная женщина и ея ребенокъ...

— Можетъ-быть, она такъ же заботится о немъ, какъ я о Кедрикѣ, — сказала м-ссъ Эрроль. — И если она была женою вашего старшаго сына, то ея сынъ — лордъ Фонтлерой, а мой — нѣтъ.

М-ссъ Эрроль такъ же мало боялась графа, какъ и Кедрикъ, и смотрѣла на него такъ же, какъ смотрѣлъ бы и Кедрикъ, и ему, бывшему всю жизнь свою тираномъ, втайнѣ это нравилось. Люди такъ рѣдко осмѣливались расходиться съ нимъ во взглядахъ, что для него это противорѣчіе казалось теперь интересною новостью.

— Вы, полагаю, предпочли бы, — сказалъ онъ, слегка нахмуриваясь, — чтобъ онъ не былъ графомъ Доринкуромъ.

Ея красивое лицо покрылось румянцемъ.

— Конечно, мой лордъ, — отвѣчала она, — носить титулъ графа Доринкура очень лестно — я это знаю; но я всего больше забочусь о томъ, чтобы сынъ мой былъ тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ — мужественнымъ, честнымъ и справедливымъ при всякихъ условіяхъ.

— Въ рѣзкую противоположность тому, чѣмъ былъ его дѣдъ — такъ? — сказалъ съ сардонической улыбкой графъ.

— Я не имѣла удовольствія знать его дѣда, — возразила м-ссъ Эрроль, — но я знаю, что мой сынъ считаетъ... — она на мгновеніе остановилась, спокойно глядя ему въ лицо, а затѣмъ прибавила: — я знаю, что Кедрикъ любитъ васъ.

— Сталъ ли бы онъ меня любить, — сказалъ графъ сухо, — если бы вы сказали ему, почему я не принимаю васъ въ замкѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчала м-ссъ Эрроль, — не думаю. Поэтому-то я и не хотѣла, чтобъ онъ зналъ объ этомъ.

— Да, — сказалъ графъ рѣзкимъ тономъ, — немного найдется женщинъ, которыя бы ему этого не сказали.

Онъ вдругъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, еще усиленнѣе прежняго теребя свои большіе усы.

— Да, онъ меня любитъ, — произнесъ онъ, — и я люблю его. Не могу сказать, чтобы я кого-нибудь

любилъ до сихъ поръ. Я люблю его. Онъ понравился мнѣ съ перваго раза. Я старъ и усталъ жить. Онъ далъ моей жизни содержаніе и цѣль. Я горжусь имъ. Мнѣ пріятна была мысль, что онъ со временемъ займетъ мѣсто главы семьи.

Онъ повернулся и сталъ передъ м-ссъ Эрроль.

— Я несчастный, — сказалъ онъ. — Несчастный!

Онъ и, дѣйствительно, смотрѣлъ несчастнымъ. Даже гордость не въ силахъ была придать твердости его голосу и его рукамъ. Былъ моментъ, когда казалось, будто въ его глубокихъ, сердито глядѣвшихъ глазахъ сверкнули слезы.

— Можетъ-быть, я и пришелъ къ вамъ потому, что я несчастный, — сказалъ онъ, глядя на нее сверкающими глазами. — Я всегда ненавидѣлъ васъ; я ревновалъ къ вамъ. Это жалкое постыдное дѣло измѣнило меня. Увидавъ эту отвратительную женщину, называющую себя женою моего сына Бевиса, я, дѣйствительно, почувствовалъ, что для меня будетъ облегченіемъ взглянуть на васъ. Я былъ упрямый старый глупецъ и, полагаю, дурно поступалъ съ вами. Вы похожи на мальчика, а мальчикъ — первый предметъ любви въ моей жизни. Я несчастный, и пришелъ къ вамъ только потому, что вы похожи на мальчика, а онъ заботится о васъ, я же забочусь о немъ. Относитесь ко мнѣ настолько хорошо, насколько вы это можете, ради мальчика.

Онъ проговорилъ это своимъ рѣзкимъ, почти грубымъ голосомъ, но по временамъ онъ казался настолько убитымъ, что глубоко трогалъ м-ссъ Эрроль. Она встала и нѣсколько выдвинула впередъ кресло.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сѣли,— сказала она мягкимъ, симпатичнымъ тономъ.— Вамъ пришлось такъ много тревожиться и волноваться, что вы, навѣрное, сильно устали, а вамъ необходимо сохранить всѣ свои силы.

Такое пріятное и мягкое обращеніе было для него столь же ново, какъ и противорѣчіе. Ему снова пришелъ на память «мальчикъ», и онъ исполнилъ ея просьбу. По всей вѣроятности, испытанное имъ горькое разочарованіе послужило для него хорошей дисциплиной. Не случись съ нимъ этого несчастія, онъ, можетъ-быть, продолжалъ бы ее ненавидѣть; въ настоящую же минуту она вызывала въ немъ нѣсколько отрадное, умиряющее чувство. Ему показалось бы пріятнымъ почти все, что могло составить противоположность лэди Фонтлерой; а у этой женщины было такое пріятное лицо, такой симпатичный голосъ и столько достоинства въ рѣчи и движеніяхъ! Очень скоро, благодаря незамѣтнымъ чарамъ этихъ вліяній, его душевное настроеніе нѣсколько просвѣтлѣло, и онъ продолжалъ бесѣду.

— Что бы ни случилось,— сказалъ онъ,— мальчикъ будетъ обезпеченъ. Объ немъ позаботятся — теперь и въ будущемъ.

Прежде, чѣмъ уйти, онъ оглядѣлъ комнату.

— Вамъ этотъ домъ нравится?— спросилъ онъ.

— Очень,— отвѣчала она.

— Это веселая комната,— сказалъ онъ.— Могу я опять прійти сюда и еще разъ потолковать объ этомъ дѣлѣ?

— Всегда, когда вамъ вздумается, мой лордъ,— отвѣчала она.

Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ, сѣлъ въ карету и уѣхалъ, а сидѣвшіе на козлахъ Томъ и Генри казались онѣмѣвшими отъ удивленія передъ такимъ оборотомъ дѣлъ.

XIII.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что исторія съ лордомъ Фонтлероемъ и затруднительное положеніе графа Доринкура, сдѣлавшись предметомъ обсужденія въ англійскихъ газетахъ, не замедлили попасть и на столбцы газетъ американскихъ. Происшествіе было настолько интересно, что не могло пройти незамѣченнымъ, и возбудило большіе толки и по ту сторону океана. Оно передавалось во столькихъ версіяхъ, что было бы поучительнымъ дѣломъ купить всѣ тогдашнія газеты и сравнить ихъ между собою. М-ръ Хоббсъ такъ много читалъ объ этомъ событіи, что подъ конецъ сталъ въ совершенный тупикъ. Одинъ листокъ описывалъ его друга, Кедрика, ребенкомъ, котораго еще носятъ на рукахъ, другой — молодымъ человѣкомъ, студентомъ Оксфордскаго университета, отличавшимся сочиненіемъ поэмъ на греческомъ языкѣ; одни утверждали, что онъ помолвленъ съ молодой, рѣдкой красоты, дочерью герцога; другіе говорили, будто онъ только что женился. *Не* говорили, въ сущности, только одного,— что это былъ семи-восьмилѣтній мальчикъ, хорошо сложенный, съ красивыми вьющимися волосами. По сообщенію однихъ, онъ совсѣмъ не доводился родственникомъ графу Доринкуру, а представлялъ собою лишь маленькаго самозванца, продававшаго прежде

газеты и спавшаго на улицахъ Нью-Йорка, пока матери его не удалось провести адвоката, пріѣхавшаго въ Америку освѣдомиться относительно графскаго наслѣдника. Затѣмъ появилось описаніе новаго лорда Фонтлероя и его матери. То это была цыганка, то актриса, то прекрасная испанка; но всѣ согласно утверждали, что графъ Доринкуръ былъ ея смертельнымъ врагомъ и не соглашался признать ея сына своимъ наслѣдникомъ, если ему это удастся; а такъ какъ въ представленныхъ ею бумагахъ оказался какой-то небольшой пробѣлъ, то ожидали продолжительнаго процесса, который могъ составить цѣлую эпоху въ лѣтописяхъ англійскихъ судовъ. М-ръ Хоббсъ обыкновенно начитывался газетъ до одурѣнія, и по вечерамъ у нихъ съ Дикомъ происходили долгія совѣщанія. Они увидали, какая важная персона былъ графъ Доринкуръ, какимъ онъ обладалъ громаднымъ доходомъ, сколько у него было имѣній, и какъ великолѣпенъ былъ замокъ, въ которомъ онъ жилъ; и чѣмъ больше они узнавали на этотъ счетъ, тѣмъ возбужденнѣе они становились.

Но какъ они ни разсуждали, они не могли придумать другого средства, какъ написать Кедрику по письму съ выраженіемъ своей дружбы и сочувствія. Они написали ихъ вскорѣ же послѣ полученія извѣстій, а написавъ, они передали ихъ другъ другу для взаимнаго прочтенія.

Вотъ что прочиталъ м-ръ Хоббсъ въ письмѣ Дика.

„Дарагой друкъ: я получилъ твое письмо и м-ръ Хоббсъ тоже получилъ мы жалеемъ о твоемъ нещастьи и говоримъ смотри держись не паддавайся имъ. Воры они и аберутъ тебя если ты

небудешь держать ухо вастро. Но это больше для таво чтобы сказать тебе что я не позабылъ что ты для меня сделалъ и если ты ничево не паделаешь то приежжаи суда будешь мнѣ кампайономъ. Дела отличное и я ужъ позабочусь чтобы тебя не обидили. Пускай кто попробуетъ тотъ будетъ иметь дело съ прафесромъ Дикомъ Типтономъ пока больше писать нечева

Дикъ".

А вотъ что прочиталъ Дикъ въ письмѣ м-ра Хоббса.

„Дорогой сэръ: Ваше получилъ и скажу дѣло плохо. Полагаю все это плутни и за этимъ народомъ нужно смотрѣть въ оба. Вотъ что я вамъ скажу. Хочу я поразобрать это дѣло. Пока помалкивай а я повидаюсь съ адвокатомъ и сдѣлаю все, что могу. Если ужъ дѣло пойдетъ плохо и этихъ тамъ графовъ окажется слишкомъ много тогда къ вашимъ услугамъ участіе въ колоніальномъ дѣлѣ когда подростетё и всегда готовый домъ и другъ въ

Вашемъ преданномъ.

Силасъ Хоббсъ".

— Такъ, значитъ, мы ужъ объ немъ позаботимся, если ему не быть графомъ,— сказалъ м-ръ Хоббсъ.

— Понятное дѣло,—отвѣчалъ Дикъ.— Постоимъ за него. Ужъ вотъ какъ люблю парня!

На слѣдующее утро одинъ изъ посѣтителей Дика былъ приведенъ въ нѣкоторое изумленіе. То былъ молодой адвокатъ, только что начинавшій практику — бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ молодой адвокатъ, но живой, энергичный юноша, съ острымъ умомъ и хорошимъ характеромъ. У него была плохонькая контора недалеко отъ стоянки Дика, и

каждое утро Дикъ чистилъ ему сапоги. Они нерѣдко вступали между собою въ бесѣду, и у молодого юриста всегда находилось для Дика доброе слово или шутка.

Въ это достопамятное утро, когда онъ поставилъ ногу на скамейку, у него была въ рукахъ иллюстрированная газета съ изображеніями разныхъ замѣчательныхъ людей и событій. Онъ только что просмотрѣлъ ее и, когда послѣдній сапогъ былъ вычищенъ, отдалъ ее мальчику.

— Вотъ тебѣ, Дикъ, газета,— сказалъ онъ:— можешь просмотрѣть ее во время завтрака. Тутъ есть изображеніе одного англійскаго замка и невѣстки одного англійскаго графа. Красивая барынька, богатые волосы, только шумъ, говорятъ, большой затѣяла. Познакомиться бы тебѣ, Дикъ, съ дворянствомъ да съ аристократіей. Вотъ тебѣ для начала сіятельный графъ Доринкуръ и лэди Фонтлерой. Э! что это съ тобой?

Картинки, о которыхъ говорилъ юристъ, были, на первой страницѣ, и Дикъ смотрѣлъ на одну изъ нихъ съ открытымъ ртомъ и лицомъ, почти блѣднымъ отъ изумленія.

— Сколько тебѣ слѣдуетъ, Дикъ?— сказалъ молодой человѣкъ.— Что тебя такъ ошеломило?

Дѣйствительно, Дикъ смотрѣлъ такъ, какъ будто случилось нѣчто ужасное. Онъ указалъ на рисунокъ, подъ которымъ было подписано:

«Мать претендента (лэди Фонтлерой)».

То было изображеніе красивой женщины, съ большими глазами и тяжелыми косами черныхъ волосъ, закрученныхъ вокругъ головы.

— Она! — воскликнулъ Дикъ. — Да вѣдь я знаю ее лучше, чѣмъ васъ!

Молодой человѣкъ засмѣялся.

— Гдѣ же это ты ее видѣлъ, Дикъ? — спросилъ онъ. — Въ Ньюпортѣ? или когда въ послѣдній разъ бѣгалъ въ Парижъ?

Дику было не до смѣха. Онъ началъ собирать свои щетки и принадлежности, какъ будто ему предстояло дѣло, изъ-за котораго нужно было прекратить работу.

— Ладно, — сказалъ онъ. — Я знаю ее! Это утро мнѣ ужъ не работать.

Не прошло пяти минутъ, какъ Дикъ спѣшилъ уже въ лавку м-ра Хоббса. М-ръ Хоббсъ едва могъ повѣрить своимъ глазамъ, когда, посмотрѣвъ черезъ прилавокъ, увидалъ быстро вбѣгавшаго въ лавку Дика, съ газетой въ рукахъ. Малый такъ запыхался, что едва могъ говорить, бросивъ газету на прилавокъ.

— Э! Ээ! Что ты тамъ притащилъ? — воскликнулъ лавочникъ.

— Посмотрите-ка! — едва переводя духъ, говорилъ Дикъ. — Посмотрите-ка на женщину на картинкѣ! Вотъ, вотъ, на ту самую! Н-нѣтъ, постой! Какая это ристократка! Н-нѣтъ, это не лордова жена! Провались я, если это не Минна — *Минна!* Я бы ее вездѣ узналъ, да и Бенъ тоже. Сами его спросите.

М-ръ Хоббсъ опустился на стулъ.

— Я зналъ, что это все плутни, — сказалъ онъ. — Я зналъ это; и устроили они эту штуку все изъ-за того, что онъ американецъ!

— Устроили! — закричалъ Дикъ съ отвращеніемъ. — *Она* это устроила — вотъ кто. Всегда была ловка на выдумки. И скажу вамъ, что со мной было, какъ я

увидалъ ея портретъ. Намедни въ газетѣ мы видѣли письмо-то, гдѣ сказано что-то про ея сына — такъ тамъ говорили, будто у него шрамъ на подбородкѣ. Поставьте ихъ вмѣстѣ — ее и этотъ самый шрамъ! Этотъ сынишка ея такой же лордъ, какъ и я! Это Беновъ сынъ — тотъ самый, котораго она задѣла, когда запустила въ меня тарелкой.

Профессоръ Дикъ Типтонъ всегда отличался сообразительностью, а необходимость добывать себѣ кусокъ хлѣба на улицахъ огромнаго города сдѣлала умъ его еще болѣе острымъ. Привыкнувъ смотрѣть въ оба, онъ выработалъ въ себѣ находчивость, и, сказать по правдѣ, ему вполнѣ по сердцу пришлось ощущавшееся имъ въ эту минуту возбужденное состояніе. Если бы только лордъ Фонтлерой могъ заглянуть этимъ утромъ въ лавку, то онъ, безъ сомнѣнія, заинтересовался бы происходившимъ въ ней, если бы даже всѣ эти разсужденія и планы были направлены къ рѣшенію судьбы кого-либо иного, а не его самого.

М-ръ Хоббсъ казался подавленнымъ, тогда какъ Дикъ былъ вполнѣ оживленъ и полонъ энергіи. Онъ началъ писать письмо Бену и приложилъ къ нему вырѣзанную имъ изъ газеты картинку; а м-ръ Хоббсъ написалъ два письма: одно Кедрику, а другое графу. Пока они были заняты этой работой, Дику пришла новая мысль.

— Стой, — сказалъ онъ, — вѣдь пріятель, что далъ мнѣ газету, адвокатъ. Спросимъ его, что намъ лучше сдѣлать. Адвокатамъ это все извѣстно.

М-ръ Хоббсъ былъ пораженъ этою мыслью и дѣловитостью Дика.

— Вотъ это такъ! — отозвался онъ. — Это ихъ, адвокатское дѣло.

И, оставивъ лавку на руки своему подручному, онъ поспѣшно натянулъ на себя пальто и отправился съ Дикомъ въ центральную часть города. Здѣсь они оба скоро явились съ изложеніемъ своего загадочнаго дѣла въ контору м-ра Гаррисона, къ немалому удивленію молодого юриста.

Не будь онъ очень молодымъ адвокатомъ, съ умомъ весьма предпріимчивымъ и массою свободнаго времени, онъ, пожалуй, не занялся бы такъ охотно тѣмъ, что они ему сказали, тѣмъ болѣе, что сообщенное ими казалось такимъ страннымъ и невѣроятнымъ. Но случилось такъ, что у юнаго юриста было какъ разъ очень мало дѣла, и онъ уже зналъ Дика, а Дикъ сумѣлъ разсказать суть дѣла очень живымъ и толковымъ языкомъ.

— Скажите, — добавилъ м-ръ Хоббсъ въ заключеніе рѣчи своего друга, — во что вы цѣните свое время и сколько возьмете за тщательное разсмотрѣніе этого дѣла, и я заплачу — я, Силасъ Хоббсъ, уголъ Пустой улицы, торговля овощнымъ и колоніальнымъ товаромъ.

— Хорошо, — сказалъ м-ръ Гаррисонъ! — это будетъ нешуточное дѣло, если выгоритъ, и для меня почти столько же, сколько и для лорда Фонтлероя. Во всякомъ случаѣ навести справки не мѣшаетъ. Повидимому, существуетъ сомнѣніе насчетъ ребенка. Женщина дала нѣсколько противорѣчивыя показанія относительно его возраста и этимъ вызвала подозрѣніе. Первымъ, кому нужно написать, это брату Дика и адвокату графа Доринкура.

День еще не кончился, а уже оба письма были написаны и отправлены по двумъ разнымъ направленіямъ—одно съ почтовымъ пароходомъ, отходившимъ изъ Нью-Йорка въ Англію, а другое по желѣзной дорогѣ въ Калифорнію. Первое было адресовано м-ру Хавишаму, а второе Бенжамину Типтону.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ закрытія лавки, м-ръ Хоббсъ забрались съ Дикомъ въ заднюю комнату и пробесѣдовали тамъ до полуночи.

XIV.

Удивительно, въ какое иной разъ короткое время могутъ совершаться замѣчательнѣйшія событія. Всего нѣсколько минутъ нужно было, повидимому, для того, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить судьбу маленькаго мальчика, болтавшаго ногами, сидя на высокомъ стулѣ въ лавкѣ м-ра Хоббса, и чтобы изъ маленькаго мальчика, жившаго самой простой жизнью въ глухой улицѣ, превратить его въ англійскаго дворянина, наслѣдника пышнаго титула и огромнаго богатства. Всего нѣсколько минутъ потребовалось, повидимому, для того, чтобы превратить его изъ англійскаго дворянина въ лишеннаго всякихъ средствъ маленькаго самозванца, не имѣвшаго ни малѣйшаго права хотя бы на ничтожнѣйшую долю того блестящаго положенія, которымъ онъ пользовался. И, какъ бы это ни казалось удивительнымъ, меньше, чѣмъ можно было ожидать, потребовалось времени на то, чтобы картина снова рѣзко измѣнилась, и онъ получилъ обратно все, чего ему предстояло лишиться.

Меньше времени понадобилось на эту послѣднюю перемѣну потому, что женщина, называвшая себя лэди Фонтлерой, была далеко не такъ умна, какъ она была испорчена, и когда м-ръ Хавишамъ сталъ подробнѣе разспрашивать ее относительно ея брака и ея сына, она дала сбивчивыя показанія и этимъ возбудила подозрѣнія, а разъ спутавшись въ своихъ объясненіяхъ, она потеряла присутствіе духа, вышла изъ себя и въ возбужденномъ состояніи и гнѣвѣ еще больше себя выдала. Всѣ ея промахи касались ребенка. Повидимому, не было сомнѣнія въ томъ, что она была замужемъ за Бевисомъ, лордомъ Фонтлероемъ, поссорилась съ нимъ и, получивъ извѣстную плату, проживала отдѣльно отъ него; но м-ръ Хавишамъ убѣдился, что ея разсказъ относительно рожденія сына въ извѣстной части Лондона былъ ложный; и какъ разъ во время переполоха, вызваннаго этимъ открытіемъ, пришли изъ Нью-Йорка письма отъ молодого адвоката и отъ м-ра Хоббса.

Интересенъ былъ вечеръ, когда пришли эти письма, и когда м-ръ Хавишамъ и графъ сидѣли въ библіотекѣ и обсуждали свои планы.

— Послѣ трехъ первыхъ свиданій съ нею,—говорилъ м-ръ Хавишамъ,—я началъ сильно подозрѣвать ее. Мнѣ казалось, что ребенокъ старше, чѣмъ это выходило по ея словамъ, и она уклонилась въ сторону, говоря о времени его рожденія, а затѣмъ старалась всячески замять этотъ вопросъ. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ письмахъ, совпадаютъ съ нѣкоторыми изъ моихъ подозрѣній. Всего вѣрнѣе, по-моему, тотчасъ же вызвать по телеграфу обоихъ Типтоновъ — конечно, ничего не говоря ей объ

этомъ — и неожиданно для нея свести ихъ между собою. Вѣдь, въ сущности, она не больше, какъ грубая, неумѣлая выдумщица. Я полагаю, что со страха она сразу во всемъ признается.

И вотъ какъ все это произошло. Ей ничего не говорили, и м-ръ Хавишамъ держалъ ее внѣ всякаго подозрѣнія, продолжая попрежнему видаться съ нею, при чемъ увѣрялъ ее, что занятъ разборомъ ея показаній. Она дѣйствительно начала пріобрѣтать такую увѣренность въ успѣхѣ своего дѣла, что забыла всякую опасность и стала дерзкой до невозможности.

Въ одно прекрасное утро, когда она сидѣла въ пріемной своего помѣщенія, въ гостиницѣ подъ названіемъ «Доринкурскій гербъ», и строила про себя радужные планы, ей доложили о пріѣздѣ м-ра Хавишама. Когда онъ вступилъ въ комнату, вслѣдъ за нимъ вошли еще трое — съ острыми чертами лица мальчикъ, рослый молодой человѣкъ и, наконецъ, самъ графъ Доринкуръ.

Она вскочила на ноги и испустила крикъ ужаса. Этотъ крикъ вырвался у нея прежде, чѣмъ она успѣла сдержать его. Если она когда-нибудь и вспоминала объ этихъ вновь пришедшихъ людяхъ, то считала, что они находятся за много тысячъ миль отъ нея, и никогда не думала снова увидѣться съ ними. Сказать правду, при видѣ ея Дикъ скорчилъ гримасу.

— Здорово, Минна! — сказалъ онъ.

Высокій молодой человѣкъ — то былъ Бенъ — остановился на минуту и посмотрѣлъ на нее.

— Знаете вы ее? спросилъ м-ръ Хавишамъ, глядя то на одного, то на другую.

— Да, — сказалъ Бенъ. — Я ее знаю, и она меня знаетъ.

Онъ повернулся къ ней спиной и сталъ смотрѣть въ окно, какъ будто уже одинъ видъ ея былъ ему ненавистенъ. Тогда, видя себя окончательно разбитою и выведенною на свѣжую воду, она потеряла всякій разсудокъ и пришла въ такую ярость, какой Бенъ и Дикъ уже и прежде бывали свидѣтелями. Лицо Дика вторично исказилось насмѣшливой улыбкой, пока онъ смотрѣлъ на нее и выслушивалъ брань и страшныя угрозы, которыми она осыпала всѣхъ присутствовавшихъ.

Бенъ, напротивъ того, стоялъ все время отвернувшись.

— Могу въ любомъ судѣ присягнуть въ томъ, что это—она,—сказалъ онъ м-ру Хавишаму,— и могу привести еще десятокъ свидѣтелей, которые скажутъ то же самое. Отецъ ея человѣкъ порядочный, хотя и очень низкаго положенія. Мать ея была точь въ точь такая же, какъ и она. Мать умерла, а отецъ еще живъ, и у него хватитъ честности, чтобы ея устыдиться. Онъ скажетъ вамъ, кто она, и была ли она за мной замужемъ или нѣтъ.

Затѣмъ онъ вдругъ сжалъ кулаки и обернулся къ ней.

— Гдѣ ребенокъ?—спросилъ онъ.—Я возьму его съ собой! Ему нѣтъ теперь до тебя никакого дѣла, какъ нѣтъ и мнѣ!

Едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ дверь изъ спальной комнаты пріотворилась, и мальчикъ, вѣроятно, привлеченный громкимъ разговоромъ, выглянулъ оттуда. Его нельзя было назвать

красивымъ ребенкомъ, но онъ былъ вылитый Бенъ, какъ это могъ видѣть всякій, и на подбородкѣ у него виднѣлся треугольный шрамъ.

Бенъ подошелъ къ нему и взялъ его за руку, при чемъ собственная его рука дрожала.

— Да,—сказалъ онъ,—я и за него могъ бы присягнуть. Томъ,—обратился онъ къ ребенку,—я твой отецъ, я пришелъ, чтобы увезти тебя. Гдѣ твоя шляпа?

Мальчикъ указалъ на стулъ, гдѣ она лежала. Онъ, видимо, былъ доволенъ, что его хотятъ увезти. Онъ такъ привыкъ къ неожиданностямъ, что даже не удивился, когда какой-то незнакомецъ назвалъ себя его отцомъ. Ему настолько не по сердцу была женщина, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ явившаяся туда, гдѣ онъ жилъ съ самаго младенчества, и вдругъ назвавшая себя его матерью, что онъ былъ радъ этой перемѣнѣ. Бенъ взялъ шляпу и направился къ двери.

— Если я вамъ опять буду нуженъ,—сказалъ онъ м-ру Хавишаму,—то вы знаете, гдѣ найти меня.

Онъ вышелъ изъ комнаты, держа ребенка за руку и даже не взглянувъ на женщину. Она продолжала неистовствовать, а графъ невозмутимо смотрѣлъ на нее сквозь очки, неспѣша надѣтыя имъ на свой орлиный аристократическій носъ.

— Будетъ, будетъ вамъ, сударыня,—сказалъ м-ръ Хавишамъ.—Это ничему не поможетъ. Если вы не хотите, чтобы васъ засадили, то лучше успокойтесь.

Въ его тонѣ было столько дѣловитой серіозности, что, убѣдившись, вѣроятно, въ необходимости убраться по добру, по здорову, она бросила на него

дикій взглядъ и, шмыгнувъ въ слѣдующую комнату, захлопнула за собою дверь.

— Намъ теперь нечего о ней безпокоиться,—сказалъ м-ръ Хавишамъ.

И онъ былъ правъ, потому что въ эту же самую ночь она покинула «Доринкурскій гербъ», сѣла на поѣздъ, отходившій въ Лондонъ, и съ тѣхъ поръ ея никто не видалъ.

. . . .

Выйдя послѣ описанной сцены изъ комнаты, графъ прямо направился къ своей каретѣ.

— Въ Кауртъ-Лоджъ,—сказалъ онъ Тому.

— Въ Кауртъ-Лоджъ,—повторилъ Томъ кучеру, влѣзая на козлы,—и помяни ты мое слово—дѣло принимаетъ нежданный оборотъ.

Когда карета подъѣхала къ Кауртъ-Лоджу, Кедрикъ былъ въ гостиной съ матерью...

Графъ вошелъ безъ доклада. Онъ казался на цѣлый дюймъ выше и на много лѣтъ моложе. Его глубоко сидѣвшіе глаза сверкали.

— Гдѣ лордъ Фонтлерой?—спросилъ онъ.

М-ссъ Эрроль пошла ему навстрѣчу. Щеки ея были красны.

— Развѣ онъ лордъ Фонтлерой?—спросила она.— Неужели, въ самомъ дѣлѣ?

Графъ схватилъ ея руку.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—это вѣрно.

Затѣмъ онъ положилъ другую руку на плечо Кедрика.

— Фонтлерой,—произнесъ онъ своимъ безцеремоннымъ, властительнымъ тономъ,—спроси свою мать, когда она пріѣдетъ къ намъ въ замокъ.

Фонтлерой бросился на шею матери.

— Чтобы остаться жить съ нами! — закричалъ онъ. — Чтобы всегда жить съ нами!

Графъ смотрѣлъ на м-ссъ Эрроль, а м-ссъ Эрроль смотрѣла на графа. Его сіятельство говорилъ вполнѣ серіозно. Онъ пришелъ къ рѣшенію не те-

«...Фонтлерой бросился на шею матери...»

рять больше времени для исполненія этого плана. Онъ уже убѣдился, что ему слѣдуетъ войти въ дружбу съ матерью своего наслѣдника.

— Вполнѣ ли вы увѣрены, что я нужна вамъ? — сказала м-ссъ Эрроль, улыбаясь своей милой, кроткой улыбкой.

— Вполнѣ увѣренъ,—отвѣтилъ онъ напрямикъ.— Мы всегда въ васъ нуждались, только не сознавали этого какъ слѣдуетъ. Мы надѣемся, что вы пріѣдете.

XV.

Бенъ, взявъ съ собою сына, отправился обратно въ Калифорнію, но возвращеніе его совершилось при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Передъ самымъ его отъѣздомъ м-ръ Хавишамъ имѣлъ съ нимъ свиданіе и передалъ ему желаніе графа Доринкура сдѣлать что-нибудь для мальчика, едва не оказавшагося лордомъ Фонтлероемъ. Въ этихъ видахъ онъ рѣшилъ завести собственныя стада и поставить Бена во главѣ дѣла на такихъ условіяхъ, которыя, будучи весьма выгодными для Бена, послужили бы вмѣстѣ съ тѣмъ основою будущности и его сына. Такимъ образомъ, Бенъ уѣхалъ завѣдывать почти на правахъ хозяина стадами, которыя въ будущемъ легко могли сдѣлаться его собственностью, что, дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ и случилось; а изъ сына его, Тома, вышелъ впослѣдствіи отличный молодой человѣкъ, искренно полюбившій отца. Дѣла ихъ пошли такъ хорошо, и они были такъ счастливы, что, по словамъ Бена, Томъ вознаградилъ его за все раньше испытанное горе.

Между тѣмъ, м-ръ Хоббсъ и Дикъ, пріѣхавшіе съ намѣреніемъ прослѣдить дѣло до конца, остались пока въ Англіи. Было рѣшено, что графъ возьметъ Дика на свое попеченіе и позаботится дать ему хорошее воспитаніе; что же касается до м-ра Хоббса,

то онъ, оставивъ дома вѣрнаго человѣка для завѣдыванія своей торговлей, нашелъ возможнымъ повременить отъѣздомъ, желая быть свидѣтелемъ празднествъ, предполагавшихся по случаю предстоявшаго дня рожденія лорда Фонтлероя. Были приглашены всѣ арендаторы; готовились угощенія, танцы и игры въ паркѣ, потѣшные огни и фейерверки вечеромъ.

— Точь въ точь какъ у насъ четвертаго іюля!— говорилъ Фонтлерой. — Жаль, что мое рожденье не четвертаго, а то мы могли бы отпраздновать его вмѣстѣ.

Нужно признаться, что вначалѣ графъ и м-ръ Хоббсъ не настолько сошлись другъ съ другомъ, какъ бы можно было надѣяться въ интересахъ британской аристократіи. Дѣло въ томъ, что графъ знавалъ очень мало лавочниковъ, а м-ръ Хоббсъ не имѣлъ особенно близкихъ знакомыхъ среди графовъ, такъ что при ихъ рѣдкихъ встрѣчахъ разговоръ у нихъ какъ-то не клеился. Справедливость требуетъ замѣтить также, что м-ръ Хоббсъ былъ нѣсколько пораженъ тѣмъ великолѣпіемъ, которое Фонтлерой счелъ долгомъ показать ему.

Въѣздныя ворота съ каменными львами и аллея вѣковыхъ деревьевъ уже съ самаго начала произвели нѣкоторое впечатлѣніе на м-ра Хоббса, а когда онъ увидалъ замокъ съ его цвѣтниками, теплицами и террасами, когда увидалъ темницу, роскошную парадную лѣстницу, великолѣпныя конюшни, лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ — онъ былъ въ совершенномъ восхищеніи. Но что окончательно поразило его — это галлерея фамильныхъ портретовъ.

— А, это нѣчто въ родѣ музея? — замѣтилъ онъ Фонтлерою, когда тотъ ввелъ его въ большую, прекрасную комнату.

«...— Дѣдушка говоритъ, что это мои предки, — сказалъ Фонтлерой...»

— Н-нѣтъ! — отвѣтилъ Фонтлерой съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. — Не *думаю,* чтобъ это былъ музей. Дѣдушка говоритъ, что это мои предки.

— Все твои предки! — изумился м-ръ Хоббсъ. — Ого, сколько ихъ тутъ! То-то, должно-быть, семья была у твоего прадѣда! И онъ всѣхъ ихъ вырастилъ?

Онъ опустился на стулъ и съ выраженіемъ тревожнаго недоумѣнія, продолжалъ озираться кругомъ, пока съ величайшимъ затрудненіемъ лорду Фонтлерою не удалось, наконецъ, объяснить ему, что стѣны украшены портретами не однихъ только потомковъ его прадѣда.

Пришлось даже прибѣгнуть къ помощи м-ссъ Мэллонъ, которая не только знала, кому принадлежалъ каждый изъ портретовъ, но могла сообщить, когда и кѣмъ онъ былъ написанъ, и разсказать нѣсколько романтическихъ исторій про изображенныхъ на портретахъ лордовъ и лэди. Уразумѣвъ, наконецъ, въ чемъ дѣло и выслушавъ нѣсколько этихъ исторій, м-ръ Хоббсъ былъ очарованъ, и галлерея понравилась ему даже больше всего остального. Онъ часто приходилъ сюда изъ деревни, гдѣ стоялъ въ гостиницѣ, и проводилъ по получасу въ галлереѣ, разсматривая изображенія джентльменовъ и лэди, пристально смотрѣвшихъ на него въ свою очередь, и почти все время покачивалъ головою.

— И все-то это были графы! — говорилъ онъ, — или что-то въ родѣ этого! И *онъ* однимъ изъ нихъ будетъ, и все это будетъ его!

Втайнѣ онъ далеко не питалъ теперь такого отвращенія къ графамъ и ихъ образу жизни, какъ ему казалось это раньше, и подлежитъ еще сомнѣнію, не были ли его строго республиканскіе принципы нѣсколько поколеблены ближайшимъ знакомствомъ

съ замками, предками и всѣмъ прочимъ. Какъ бы то ни было, но одинъ разъ онъ произнесъ весьма замѣчательную и неожиданную фразу.

— А вѣдь ничего... пожалуй, я самъ не прочь бы стать графомъ! — сказалъ онъ, — а это съ его стороны было уже въ самомъ дѣлѣ большой уступкой.

И великій же былъ этотъ день — рожденіе маленькаго лорда Фонтлероя — и какое великое удовольствіе онъ ему доставилъ! Какъ красиво смотрѣлъ паркъ, наполненный толпами народа, одѣтаго въ самые праздничные костюмы, при массѣ развѣвавшихся всюду флаговъ. Тутъ были всѣ, кто только могъ прійти, потому что всѣ были рады тому, что маленькій лордъ Фонтлерой остался попрежнему лордомъ Фонтлероемъ, а со временемъ долженъ былъ сдѣлаться хозяиномъ всего. Каждому хотѣлось посмотрѣть на него, на его добрую, миловидную мать, имѣвшую столько друзей. Можно было также сказать положительно, что и на графа стали смотрѣть лучшими глазами, относиться къ нему дружелюбнѣе, благодаря тому, что его любилъ и вѣрилъ ему этотъ маленькій мальчикъ, и потому еще, что и онъ пріобрѣлъ себѣ друзей теперь и почтительно обходился съ матерью своего наслѣдника. Говорили, что онъ начиналъ даже любить ее и что, находясь между маленькимъ лордомъ и его матерью, онъ могъ со временемъ превратиться въ доброжелательнаго человѣка и тѣмъ принести счастіе всѣмъ окружающимъ.

Сколько было народа повсюду — и подъ деревьями, и въ палаткахъ, и на лужайкахъ! Тутъ были и

фермеры съ женами, разодѣтыми въ свои лучшіе чепцы и шали; дѣвушки и молодые люди, дѣти, рѣзвившіяся и бѣгавшія взапуски или другъ за другомъ; пожилыя женщины въ красныхъ мантильяхъ, ведшія между собою безконечные разговоры. Въ замкѣ находились дамы и кавалеры, пріѣхавшіе посмотрѣть на торжество, а также поздравить графа и повидаться съ м-ссъ Эрроль. Въ томъ числѣ находились и лэди Лорридэйль, и сэръ Гарри, и сэръ Томасъ Эшъ съ дочерьми, и м-ръ Хавишамъ, и, наконецъ, красавица миссъ Вивіана Гербертъ, въ прелестномъ бѣломъ платьѣ, въ сопровожденіи цѣлаго кружка ухаживавшихъ за нею кавалеровъ — хотя маленькій Фонтлерой очевидно нравился ей больше, чѣмъ всѣ они, взятые вмѣстѣ. Когда онъ, увидѣвъ ее, подбѣжалъ къ ней и обнялъ ее за шею, она тоже обняла его, поцѣловала такъ же горячо, какъ бы своего любимца-брата, и сказала:

— Дорогой маленькій Фонтлерой! дорогой мой мальчикъ! Я такъ рада! такъ рада!

Затѣмъ она пошла съ нимъ гулять по саду и около замка и благосклонно интересовалась всѣмъ, что показывалъ ей маленькій спутникъ. Онъ подвелъ ее, наконецъ, и къ тому мѣсту, гдѣ были м-ръ Хоббсъ съ Дикомъ, и сказалъ ей:

— Миссъ Гербертъ, это мой старый, старый другъ, м-ръ Хоббсъ, а это мой другой старый другъ, Дикъ. Я имъ разсказалъ, какая вы красивая, и сказалъ имъ, чтобы они поглядѣли на васъ, когда вы пріѣдете ко мнѣ на рожденье.

И миссъ Гербертъ обоимъ имъ подала руку и любезно съ ними разговаривала, разспрашивая ихъ

объ Америкѣ, объ ихъ путешествіи и жизни со времени пріѣзда въ Англію. Стоя рядомъ, Фонтлерой смотрѣлъ на нее восхищенными глазами, и лицо его горѣло отъ удовольствія, такъ какъ онъ видѣлъ, какъ сильно понравилась миссъ Гербертъ обоимъ его старымъ друзьямъ.

— Да, — сказалъ потомъ Дикъ торжественнымъ тономъ, — не видывалъ я еще такой красавицы! Цвѣтокъ.... цвѣтокъ она настоящій, и больше ничего!

Всѣ любовались на нее и на юнаго лорда, когда они проходили мимо. А кругомъ свѣтило солнце, развѣвались флаги, игрались игры, танцовались танцы, и все это веселье наполняло сердце Фонтлероя несказаннымъ счастьемъ. Весь міръ казался ему прекраснымъ.

Счастливъ былъ еще одинъ человѣкъ — это старый графъ, которому при всемъ его богатствѣ и высокосвѣтскомъ образѣ жизни, очень рѣдко выпадали дѣйствительно счастливыя минуты. Можетъ-быть, онъ чувствовалъ себя счастливѣе потому, что сталъ нѣсколько лучше. Конечно, не сразу сталъ онъ такимъ хорошимъ, какимъ считалъ его Фонтлерой; но, по крайней мѣрѣ, онъ началъ любить кое-что и по временамъ находилъ удовольствіе въ тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя внушало ему невинное, доброе сердце ребенка — и то уже было начало. И съ каждымъ днемъ ему больше нравилась жена его сына. Люди говорили правду, что онъ начиналъ любить и ее. Онъ охотно слушалъ ея кроткій голосъ и смотрѣлъ на ея кроткое лицо. Сидя въ своемъ креслѣ, онъ обыкновенно слѣдилъ за нею

и прислушивался къ тому, что она говорила сыну; слыша новыя для него нѣжныя и любовныя слова, онъ началъ понимать, почему ребенокъ, жившій на окраинѣ такого большого города, какъ Нью-Йоркъ, водившій дружбу съ лавочниками и чистильщиками сапоговъ, оставался настолько благовоспитаннымъ, неиспорченнымъ мальчикомъ, что никто не стыдился его даже тогда, когда судьба превратила его въ наслѣдника англійскаго графства, жившаго въ англійскомъ замкѣ.

Въ сущности, причина этого была очень простая. Она заключалась въ томъ, что ребенокъ жилъ вблизи добраго и нѣжнаго сердца и научился отъ него имѣть всегда добрыя мысли и заботиться о другихъ. Это, можетъ-быть, очень немного, но зато это самое лучшее въ мірѣ. Онъ ничего не зналъ о графахъ и замкахъ; не имѣлъ никакого понятія о роскоши и блескѣ; но онъ всегда былъ любимъ потому, что самъ былъ простъ и самъ всѣхъ любилъ. А быть такимъ не хуже, чѣмъ родиться королемъ.

Старый графъ Доринкуръ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія наблюдалъ въ этотъ день за внукомъ, какъ тотъ прохаживался по парку между народомъ, разговаривалъ съ тѣми, кого зналъ, быстро кланялся, когда его встрѣчали поклономъ, бесѣдовалъ съ своими друзьями, Дикомъ и м-ромъ Хоббсомъ, или стоялъ около матери или миссъ Гербертъ, прислушиваясь къ ихъ разговору. Но никогда еще онъ не былъ такъ доволенъ, какъ въ ту минуту, когда они подошли со внукомъ къ самой большой палаткѣ, гдѣ за обильнымъ

угощеніемъ сидѣли самые главные арендаторы Доринкурскихъ земель.

Въ это время они провозглашали тосты; выпивъ за здоровье графа — съ одушевленіемъ, съ какимъ еще ни разу до сихъ поръ не привѣтствовалось его имя — они предложили здоровье «маленькаго лорда Фонтлероя». И если когда-либо существовало сомнѣніе относительно того, былъ ли маленькій лордъ популяренъ или нѣтъ, то оно вполнѣ разрушилось бы въ эту минуту. Поднялся такой шумъ одобрительныхъ возгласовъ, такой звонъ стакановъ! Эти простые люди, съ теплымъ, отзывчивымъ сердцемъ, успѣли такъ полюбить маленькаго лорда, что забыли всякое стѣсненіе передъ дамами и кавалерами изъ замка, пришедшими посмотрѣть на нихъ. Произошло сильное волненіе, и нѣкоторыя женщины, нѣжно смотря на мальчика, стоявшаго между графомъ и матерью, говорили другъ другу со слезами на глазахъ:

— Спаси его Богъ, милаго крошку!

Маленькій лордъ Фонтлерой былъ очень доволенъ. Онъ стоялъ, улыбаясь, и дѣлалъ поклоны; отъ полноты счастія лицо его раскраснѣлось до самыхъ волосъ.

— Это потому, что они меня любятъ, Милочка? — обратился онъ къ матери. — Такъ вѣдь, Милочка? Какъ я радъ!

Тогда графъ положилъ руку на плечо мальчика и сказалъ ему:

— Фонтлерой, скажи имъ, что ты благодаришь ихъ за добрыя чувства.

Фонтлерой взглянулъ сперва на него, а потомъ на мать.

— Сказать мнѣ? — спросилъ онъ немного застѣнчиво.

Лордъ Фонтлерой держитъ рѣчь къ фермерамъ.

Въ отвѣтъ мать улыбнулась, а за нею и миссъ Гербертъ, и обѣ подтвердительно кивнули головой. Онъ выступилъ нѣсколько впередъ и, какъ только могъ громко и отчетливо, произнесъ:

— Я вамъ такъ благодаренъ, — сказалъ онъ, — и... я надѣюсь, вамъ будетъ весело на моемъ

рожденьѣ, потому что и мнѣ очень весело... и... я очень радъ, что буду потомъ графомъ; сначала я не думалъ, что мнѣ это понравится, но теперь мнѣ нравится... и я такъ люблю это мѣсто, здѣсь такъ все хорошо... и... и... и когда я буду графомъ, то буду стараться быть такимъ же добрымъ, какъ дѣдушка.

И, среди возгласовъ и одобрительныхъ криковъ, онъ со вздохомъ облегченія попятился назадъ, положилъ свою руку въ руку графа и, прислонившись къ нему, стоялъ, весело улыбаясь.

На этомъ бы и конецъ моей повѣсти, но къ ней слѣдуетъ прибавить одну интересную подробность; именно ту, что м-ръ Хоббсъ настолько плѣнился жизнью высшаго общества, и ему такъ не хотѣлось разстаться съ своимъ молодымъ другомъ, что онъ рѣшился продать свою нью-йоркскую торговлю и основаться въ англійской деревнѣ Эрльборо. Здѣсь онъ открылъ лавку, пользовавшуюся покровительствомъ замка, а потому торговавшую съ большимъ успѣхомъ. И хотя они съ графомъ никогда особенно близко не сходились, какъ вы мнѣ, надѣюсь, повѣрите, но этотъ самый Хоббсъ сдѣлался впослѣдствіи аристократичнѣе самого графа; онъ каждое утро прочитывалъ придворныя новости и усердно слѣдилъ за дѣятельностью палаты лордовъ! И когда, лѣтъ черезъ десять послѣ того, Дикъ, окончивъ образованіе, собирался навѣстить въ Калифорніи своего брата и обратился къ добродушному лавочнику съ предложеніемъ, не желаетъ ли онъ вернуться въ Америку, тотъ серіозно покачалъ головой.

— Только не жить тамъ, — сказалъ онъ. — Нѣтъ, не хочу я тамъ жить; мнѣ нужно быть около *него* и присматривать за нимъ. Америка недурная страна для тѣхъ, кто молодъ и подвиженъ... но въ ней есть недостатки. Нѣтъ тамъ ни такихъ предковъ, ни графовъ.

КОНЕЦЪ.

Цѣна **1** руб. **50** коп.